

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Григорьева Мария Валерьевна

**«Серapiоновы братья» в эго-документах К.А. Федина:
проблема выражения авторского сознания**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской
Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Е.Г. Елина

Саратов – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Эго-документы как предмет литературоведческого исследования..	17
Глава 2. «Серрапионовы братья» в дневниках К. А. Федина.....	43
Глава 3. Участники группы «Серрапионовы братья» в эпистолярном наследии К. А. Федина	84
Глава 4. Книга К. А. Федина «Горький среди нас» в контексте источниковедения	115
Заключение	149
Список литературы и архивных источников.....	154

Введение

Константин Александрович Федин (1892–1977) – русский советский писатель, прозаик, публицист. Значимым этапом его биографии (как личной, так и творческой) стало участие в литературной группе «Серрапионовы братья», которая была одним из ярчайших явлений культурной жизни России 1920-х годов. В этом содружестве объединились молодые прозаики и поэты с общим взглядом на писательскую работу: они считали непеременимыми условиями настоящей литературы искренность, свободу и отсутствие любой общей идеологии. В группу входили как писатели, ставшие впоследствии знаменитыми, так и те, имен которых, к сожалению, не знает современный читатель: И. А. Груздев, М. М. Зощенко, Вс. В. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. Н. Никитин, Е. Г. Полонская, М. Л. Слонимский, Н. С. Тихонов, К. А. Федин. Хотя каноническим считается именно этот состав участников, в их число можно уверенно включить и В. С. Познера, который стоял у истоков создания «Серрапионовых братьев», входил в число ее первых членов, но через несколько месяцев покинул Россию.

Воссоздание целостной картины появления и бытования литературной группы «Серрапионовы братья» не представляется возможным без исследования личных и творческих взаимоотношений между его участниками. Фактологическая база для изучения феномена серрапионов строится, в первую очередь, на документальных материалах. В архиве К. А. Федина сохранилось значительное количество документальных свидетельств, связанных с историей содружества. Особый интерес представляют различные типы эго-документов писателя: дневники, письма (беловые и черновые автографы), рабочие записки к воспоминаниям. Их всестороннее изучение позволяет проследить направленность авторского сознания в осмыслении значения серрапионов как в индивидуальном

восприятию К. А. Федина, так и опосредованно в истории русской литературы XX века.

В последнее время эго-документы стали объектом интереса и исследований ученых разных специальностей: лингвистов, литературоведов, историков, философов, культурологов и психологов¹. Подобный междисциплинарный подход находит отражение и в современном литературоведении, где анализ личных документов рассматривается как один из способов реконструкции не только картины мировоззрений определенного автора, но и самой истории литературы. Наиболее подробно современные тенденции в изучении личных материалов были представлены в рамках проекта «Эго-документ и литература» Института русистики Варшавского университета².

Н. В. Корниенко говорит о том, что филологическая наука XX века накопила бесценный опыт изучения биографических документов русских писателей XIX века, однако современная методология работы с эго-документами невозможна без обращения к смежным областям гуманитарного знания. По ее мнению, изданные биографические документы писателей XIX века (письма

¹ См., например: Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 184–199; Луцевич Л. Ф. Документальность, эго-документ, русская писательская исповедь. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. 384 с.; Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АСПУР, 2014. С. 6–13; Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40; Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М. А. Литовской, Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 217 с. и др.

² Отдельным аспектам этой темы были посвящены: Круглый стол «Литература и документ: теоретическое осмысление темы» (Москва, ИМЛИ РАН, 2008); Международная научно-практическая конференция «Дневники и воспоминания в русской литературе XX века» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, 2013); Всероссийская конференция «XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров» (Саратов, Государственный музей К. А. Федина, 2014), «Письма и дневники в русском литературном наследии XX века» (Москва, ИМЛИ РАН, 2014) и др.

А. С. Пушкина, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, дневники Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого) – это «не только литературные памятники классического века русской литературы, неисчерпаемый историко-литературный источник в изучении творчества писателя и литературной эпохи, но и полноправный и активный участник литературного процесса XX века»³. Особый акцент в обсуждении этой темы Н. В. Корниенко делает на источниковедческом и текстологическом направлении работы.

Интерес современной гуманитарной науки к изучению эго-документов определяется необходимостью широкого охвата источников для создания наиболее целостной картины происходящего в истории культуры. Анализируя представленные в рамках проекта «Эго-документ и литература» исследования, Л. Луцевич обобщает: «При исследовании аутентичных текстов – дневников, записных книжек, писем, автобиографий, автобиографических летописей, заметок, воспоминаний, мемуаров – на первый план выдвигаются самые разнообразные проблемы: относительное единство и внутренняя противоречивость рефлексии пишущего индивида; экзистенциально-психологические особенности самоописания; лексико-стилистическая спецификация отдельных видов и форм повествования; жанровые черты и особенности эго-документов; возможности их типологического и сопоставительно-сравнительного анализа как близких культурных феноменов или, наоборот, как различных, с акцентуацией своеобразия и т.д. Специфические свойства “окололитературных” материалов позволяют нам наблюдать за тем, как самосознание в различные эпохи фиксирует и письменно свидетельствует о внешнем, “чужом”, и о сугубо внутреннем, “своем”»⁴.

³ Корниенко Н. В. От редактора // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3. Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. С. 4.

⁴ Луцевич Л. Ф. В поисках аутентичности: Международная научная конференция «Дневники, письма, записные книжки русских писателей // Новое литературное обозрение. 2007. № 5 (87). С. 516–524.

В современной теории эго-документа самым актуальным остается вопрос о подлинном «я» писателя: в каком типе источников оно проявляется в полной мере? Н. В. Корниенко считает, что этот вопрос имеет первостепенное методологическое значение как для историков литературы, так и для текстологов, привлекающих для комментирования различных текстов документальные источники. По ее мнению, современная наука до сих пор находится в поиске ответа на вопрос об аутентичности текста эго-документов. Действительно, писатель в дневниках, письмах и воспоминаниях становится не просто автором текста, но и создателем определенного рода представления собственного «эго», его трактовки и, зачастую, мифологизации.

По мнению таких исследователей, как А. А. Зализняк⁵, К. Р. Кобрин⁶, М. Ю. Михеев⁷, наиболее свободной формой выражения авторского «я» становится дневник. Важно отметить, что к теме значения дневников и необходимости их ведения писателем К. А. Федин обращался неоднократно. Считается, что дневники К. А. Фебина известны исследователям литературы: они были опубликованы в 1986 году в 12 томе Собрания сочинений писателя⁸. Однако сравнительный анализ изданного текста и подлинников показывает, что публикация была произведена с большими купюрами. Причем выемки в тексте (как абзацы, так и отдельные слова и словосочетания) зачастую никак не обозначались. Можно уверенно говорить о том, что такой подход приводил не только к ограниченности в восприятии изложенного К. А. Фебиным, но в некоторых местах даже к искажению смысла авторского высказывания. В меньшей степени это коснулось темы «Серрапионовых братьев», хотя, в любом

⁵ Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6. С. 162–181.

⁶ Кобрин К. Р. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. С. 288–295.

⁷ Михеев М. Ю. Дневник, как эго-текст (Россия, XIX–XX). М. : Водолей Publishers, 2007. 262 с.

⁸ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12 : Дневники и записные книжки 1928–1968. 623 с.

случае, обращение к авторским рукописным дневникам помогает составить наиболее полное и ясное представление об авторской интенции К. А. Федина, о его осмыслении Серапионова братства. К «дневниковому» типу источников возможно было отнести и записные книжки К. А. Федина, его рабочие блокноты. Но изучение этих материалов в архиве писателя показало, что тема «Серапионовых братьев» не нашла отражение в сохранившихся записях, все они носят исключительно рабочий характер по отношению к художественным произведениям писателя.

Эпистолярный является значительной, но наименее известной частью литературного наследия К. А. Федина. Его переписка с другими членами Серапионова братства полностью не изучена. Из 389 писем К. А. Федина, включенных в 11 том Собрания сочинений⁹, только 31 письмо адресовано «настоящему или бывшему серапиону». В 2016–2018 годах вышла книга «Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века», подготовленная сотрудниками Государственного музея К. А. Федина и Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. В ней опубликована переписка К. А. Федина с Вс. В. Ивановым¹⁰, М. М. Зощенко¹¹, В. С. Познером¹² и

⁹ Федин К. А. Собр. соч. : В 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 11 : Письма 1909–1977. 590 с.

¹⁰ Письма К. А. Федина Вс. В. Иванову / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. А. Папковой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 272–330. Письма Вс. В. Иванова К. А. Федину в полном объеме были опубликованы ранее: Письма Вс. В. Иванова К. А. Федину / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. А. Мазановой // Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 692–714.

¹¹ Переписка К. А. Федина и М. М. Зощенко / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т. А. Кукушкиной // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 331–370.

¹² Переписка К. А. Федина и В. С. Познера / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. Э. Кабановой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 283–335.

М. Л. Слонимским¹³. Ранее сторонними исследователями были опубликованы сохранившиеся в частных архивах письма К. А. Федина Л. Н. Лунцу¹⁴ и Е. Г. Полонской¹⁵, цитатно представлены письма Н. Н. Никитину¹⁶. Письма к другим членам группы, за редкими исключениями, пока не введены в научный оборот, но их привлечение необходимо для более полного представления и о фактической стороне деятельности серапионов, и об отношении К. А. Федина к группе в целом и к конкретным ее участникам.

Многие члены этой литературной группы написали воспоминания о друзьях-серапионах: В. А. Каверин, Е. Г. Полонская, М. Л. Слонимский. Но первым стал К. А. Федин, опубликовавший в 1943–1944 годах книгу «Горький среди нас», где значительная часть повествования посвящена его приходу к серапионам, знакомству с отдельными членами группы и их окружением, описанию встреч, обсуждений и споров на их заседаниях. Критики, разгромившие книгу сразу после ее выхода, рассуждали не только о неверном представлении К. А. Фединым образа М. Горького, но и об упоминании им чуждых советской идеологии писателей, в том числе и входящих в Серапионово братство. На долгие годы книга была забыта, и новое издание с некоторыми дополнениями и примечаниями было осуществлено только в 1967 году – через двадцать лет после первой публикации. В советские годы к книге постоянно обращались, но внимание литературоведов было смещено в сторону личности М. Горького,

¹³ Переписка К. А. Федина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 336–690.

¹⁴ Лунц Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / сост., подгот. текстов, коммент., указ., послесл. Е. Лемминга; вступ. ст. В. Шубинского. СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2003. 752 с.

¹⁵ Фрезинский Б. Я. Судьбы серапионов: Портреты и сюжеты. СПб. : Акад. проект, 2003. 592 с.

¹⁶ Ванюков А. И. «По тропке русского писателя»: письма К. Федина Н. Никитину // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: К 90-летию образования литературной группы: Материалы международной научной конференции / ред. и сост. Л. Ю. Коновалова, И. В. Ткачева. Саратов : Орион, 2011. С. 70–80.

другие имена в ней оставались за пределами внимания исследователей. Современное прочтение мемуаров К. А. Федина, не окрашенное тенденциозным интересом, может стать бесценным источником знаний о литературной и культурной жизни начала 1920-х годов – такой, какой ее видели сами участники событий.

Обращение к различным типам эго-документов из архива К. А. Федина, выявление характерных для дневников, эпистолярия и мемуаров особенностей отбора и подачи материала помогут составить целостную картину фединского восприятия «Серрапионовых братьев», включающую не только период существования группы и активного участия Федина в ее жизни, но и последующие поздние контакты серрапионов.

Степень разработанности темы исследования.

Взаимоотношения К. А. Федина и членов содружества «Серрапионовы братья» неоднократно становились объектом пристального исследовательского рассмотрения. В работах М. В. Минокина¹⁷, В. П. Муромского¹⁸, В. В. Перхина¹⁹ был проанализирован феномен возникновения подобного объединения молодых писателей, сделан акцент на истории развития и трансформации их групповых установок. Личные контакты отдельных участников рассматривались исключительно в контексте деятельности группы. В начале 2000-х годов возник новый виток интереса к литературному объединению. В изданиях, подготовленных Е. Леммингом²⁰, Б. Я. Фрезинским²¹ большое внимание

¹⁷ Минокин М. В. «Серрапионовы братья» в зарубежных истолкованиях // Русская литература. 1971. № 1. С. 177–186.

¹⁸ Муромский В. П. Творческие взаимосвязи «Серрапионовых братьев»: М. Зощенко и И. Груздев // Литературная группа «Серрапионовы братья»: истоки, поиски традиции, международный контекст : Международная конференция: Тезисы докладов / СПб. : ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, 1995. С. 30–32; Муромский В. П. «Серрапионовы братья» как литературно-групповой феномен // Русская литература. 1997. № 4. С. 81–87.

¹⁹ Перхин В. В. Дневники К. А. Федина 1920–1921 годов и его книга «Горький среди нас» // Русская литература. 1992. № 4. С. 134–139.

²⁰ Лунц Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / сост., подгот. текстов, коммент., указ., послесл. Е. Лемминга; вступ. ст. В. Шубинского. СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2003.

уделялось публикации выявленных архивных материалов. Государственный музей К. А. Федина, хранящий архив писателя, обладает одной из богатейших коллекций документальных материалов по истории содружества. В 2011 и 2021 годах в музее проходили международные конференции, посвященные юбилейным датам образования Серапионова братства, на которых были представлены работы, посвященные художественному, литературно-критическому и эпистолярному наследию серапионов, осмыслению истории развития группы в контексте русской литературы. В 2019 году в музее прошла конференция «Эго-документы XX века. Литература, культура, история», в рамках которой документальные источники освещались не только как важные личные и исторические свидетельства, но и как материал для познания художественного мира конкретного писателя. Н. В. Корниенко, О. В. Быстровой, Е. Г. Елиной, И. Э. Кабановой, Л. Ю. Коноваловой, Е. А. Папковой были привлечены эго-документы К. А. Федина и других серапионов: фрагменты дневников, писем и рабочих записей.

Актуальность представленной диссертации определяется современными тенденциями в исследовании эго-документов, степенью научного интереса к всестороннему комплексному изучению различных явлений литературы и общественной жизни. В представленной работе впервые предпринята попытка всесторонне и пристально рассмотреть проблему авторского сознания К. А. Федина, реализующегося в различных типах эго-источников, в контексте индивидуального восприятия литературной группы «Серапионовы братья». Для анализа были привлечены ранее не опубликованные материалы из архива писателя, чем определяется *научная новизна* предлагаемого исследования.

Целью работы является изучение авторского сознания, реализованного в широком круге эго-документов К. А. Федина 1920–1970-х годов, включающем

752 с.; «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / вступ. ст., сост. коммент., аннот. указ. Е. Лемминга. М. : Аграф, 2004. 544 с.

²¹ Фрезинский Б. Я. Судьбы серапионов: Портреты и сюжеты. СПб. : Акад. проект, 2003. 592 с.

дневники, письма, маргиналии, инскрипты, рабочие записи писателя. Обращение к различным типам документальных источников позволит более объективно определить место «Серрапионовых братьев» в личной и творческой биографии писателя.

В настоящем исследовании мы не ограничиваемся кратким периодом непосредственного существования содружества «Серрапионовы братья» (1921–1929), а значительно расширяем *временной отрезок* изучаемого материала, привлекая документальные источники вплоть до конца 1970-х годов. Это обусловлено тем, что связи между самими участниками группы сохранялись в течение еще многих лет.

Для достижения обозначенной цели в работе решаются следующие *задачи*:

- выявление максимально полного корпуса эго-документов К. А. Федина, связанных с возникновением и существованием литературной группы «Серрапионовы братья»;
- анализ отдельных типов источников личного происхождения (дневников, писем и воспоминаний писателя) с точки зрения специфики авторского отбора и представления тематического материала;
- исследование дневников и писем К. А. Федина для определения авторской интенции по отношению к феномену серрапионов;
- поиск схожести и различия в дневниковых и эпистолярных описаниях одинаковых явлений, связанных с бытованием литературной группы;
- исследование мемуаров К. А. Федина, определение авторского замысла и изучение истории его преобразования.

Объектом исследования выступают документальные материалы из архива К. А. Федина, связанные с деятельностью литературной группы «Серрапионовы братья» и раскрывающие взаимоотношения писателя с отдельными ее участниками.

Предметом исследования стали дневники К. А. Федина 1921–1968-х годов, переписка К. А. Федина с участниками группы (М. Л. Слонимским, М. М. Зощенко, Вс. В. Ивановым, Л. Н. Лунцем, В. А. Кавериним, Н. С. Тихоновым, И. А. Груздевым, Е. Г. Полонской), с писателями, близкими серапионам (М. Горьким, Е. И. Замятиным, О. Д. Форш), а также книга воспоминаний К. А. Федина «Горький среди нас» и рабочие записи к ней.

Методологическая основа исследования базируется на теоретических работах Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана, А. А. Зализняк, Т. М. Колядич, П. В. Палиевского, Н. В. Суржиковой, М. Н. Тихомирова, М. О. Чудаковой. Их исследования, направленные на проблему изучения документальных источников в гуманитарных науках, наиболее полно представляют характерные особенности эго-документов, а также возможности их использования для получения объективных знаний. На практике методологические основы работы с документальными источниками, учитывающие академические стандарты публикации и комментирования архивных материалов, были сформированы под влиянием группы исследователей, руководимых Н. В. Корниенко (ИМЛИ).

Теоретическая значимость работы заключается в представлении комплексного изучения корпуса эго-документов как способа воссоздания целостной картины восприятия писателем явлений культурной жизни России XX века. Исследование специфики отдельных типов лично-маркированных материалов в совокупности дает наиболее полное представление об авторском отношении к происходящему в личной и общественной жизни.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования полученных результатов для дальнейшего изучения различных аспектов деятельности литературной группы «Серапионовы братья»: для более объективного представления истории содружества в рамках вузовских курсов истории русской литературы XX века, для комментирования вновь выявленных документальных материалов о литературной жизни России XX века, в разработке научных концепций экспозиционно-выставочной работы литературных музеев.

Положения, выносимые на защиту:

1. В эго-документах К. А. Федина важной темой становится история «Серрапионовых братьев». Сближения и разногласия, совместные заседания, отчуждение серрапионов друг от друга, причины разлада в группе, а потом и ее распада представлены К. А. Фединым в контексте его размышлений о сломе эпох, начале новых отношений между властью и литераторами, изменении статуса самой литературы.

2. Дневники писателя являются наиболее полным и достоверным источником в реконструировании авторского сознания и творческих связей К. А. Федина с литературным сообществом «Серрапионовы братья». На страницах документа фактов значительно меньше, чем авторских размышлений. С использованием подтекста, несказанного слова, невещественных знаков в дневниках запечатлены различные по эмоциональной окраске ситуации, связанные, в том числе, с серрапионами. Автор намеренно редуцирует собственную значимость, давая широкий диапазон повествования, включающего и философские размышления, и бытовые подробности.

3. Эпистолярный 1920-х годов (в отсутствие дневников этих лет) является единственным свидетельством представления К. А. Федина об активной жизни литературной группы «Серрапионовы братья». Фактологический материал, запечатленный в письмах К. А. Федина М. Л. Слонимскому, Л. Н. Лунцу и Вс. В. Иванову, зафиксированные моменты сближения и разногласия участников в разные периоды, размышления писателя о значении группы в истории литературы, о причинах ее распада и последующих попытках возрождения становятся важным элементом в реконструкции истории содружества молодых писателей.

4. Жанрово-стилевые особенности, тональность, интонирование в письмах К. А. Федина обусловлены степенью близости с отдельными корреспондентами и самоцензурой, не позволяющей, в отличие от дневников, быть предельно откровенным. Авторская интенция воплощается не только в написанных и отправленных письмах, она является сущностной в периоды

затухания переписки. В ряде случаев именно обращение к эпистолярным источникам позволяет максимально достоверно восстановить отношение К. А. Федина к отдельным участникам группы «Серрапионовы братья».

5. Анализ дневников и писем К. А. Федина позволяет проследить динамику его отношений к серрапионам: переход от резких, хлестких, порой язвительных характеристик, которые были даны им своим собратьям в молодые годы, к аналитическим литературно-критическим размышлениям о произведениях авторов, за творчеством которых Федин-критик наблюдает много лет.

6. Переписка К. А. Федина с отдельными писателями дает представление о направленности авторского сознания в выборе тем для обсуждения и подачи материала для каждого корреспондента. Наиболее полно эти особенности проявляются в сопоставлении разных типов эго-документов. Различия в рефлексиях К. А. Федина на страницах дневников и писем обусловлены тонким чувствованием человека, к которому он обращается, нежеланием ранить или уязвить корреспондента. Разница в подаче одного и того же факта в письме и дневнике писателя свидетельствует о важности установления и сохранения прочных отношений с каждым отдельным участником группы.

7. Для К. А. Федина-мемуариста характерен авторский подход к отбору и изложению документальных фактов. К. А. Федин не ограничивается простым бытописанием: случившиеся в действительности события, имеющие, по мнению К. А. Федина, ключевое значение, на страницах книги воспоминаний «Горький среди нас» становятся отправными точками для размышления автора о внутренней жизни группы, об идейных установках и творческих соприкосновениях. Именно такая смысловая наполненность повествования позволяет рассматривать воспоминания К. А. Федина в ряду наиболее информативных документов эпохи.

8. Многочисленные редакторские и авторские исправления готовящейся к первой публикации книги К. А. Федина «Горький среди нас» внесли существенные изменения в авторский содержательный и композиционный

замысел: подверглись переработке отрывки, связанные с Серапионовым братством и писателями из близкого круга их общения. Возвращение к исходной концепции, которое осуществилось через два десятилетия после первой публикации, было важным для К. А. Федина в деле сохранения памяти о группе «Серапионовы братья».

9. Для К. А. Федина как для мемуариста было важным сохранение уникальности авторского замысла. Себе и другим авторам воспоминаний он давал право выбора тем и способа подачи материала, в том числе и касающегося группы «Серапионовы братья». Предвзятость в изображении кружка молодых писателей, которая долго ставилась в вину автору, безусловно имела право на существование. К. А. Федин представил широкой читательской публике дорогое ему ощущение причастности к высокой идее братского объединения, которое служило нравственным ориентиром всем серапионам до конца жизни.

Структура диссертационного сочинения включает в себя введение, четыре главы, заключение, список литературы.

Апробация основных положений представленного исследования состоялась на Всероссийской научной конференции «Серапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества» (Саратов, Государственный музей К. А. Федина, 2021) и Всероссийской научной конференции «Первая мировая война и революция 1917 года в русской культуре. К 100-летию романа К. А. Федина “Города и годы”» (Саратов, Государственный музей К. А. Федина, 2024).

Основные результаты диссертационной работы нашли отражение в следующих **публикациях**:

1. Григорьева, М. В. Этика и цензура: что скрывается за купюрами в опубликованных дневниках К. А. Федина конца 1945 – начала 1946 года // Серапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества : Материалы Всероссийской научной конференции.

- Коллективная монография / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева. – Саратов: Наука, 2021. – С. 151–157.
2. Григорьева, М. В. Е. Г. Полонская и К. А. Федин: к истории взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22. – Вып. 3. – С. 313–319. **(Издание включено в перечень ВАК)**
 3. Григорьева, М. В. Серапионы на страницах дневников К. А. Федина 1946 – 1968 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23. – Вып. 4. – С. 400–407. **(Издание включено в перечень ВАК)**
 4. Григорьева, М. В. Литературная группа «Серапионовы братья» в осмыслении К. А. Федина // Культура и текст. – 2024. – № 3 (58). – С. 77–91. **(Издание включено в перечень ВАК).**
 5. Григорьева, М. В. Роман К. А. Федина «Города и годы» в оценке Серапионовых братьев // Первая мировая война и революция 1917 года в русской культуре. К 100-летию романа К. А. Федина «Города и годы» (Фединские чтения. Вып. 8) : Коллективная монография / отв. ред. и сост. И. Э. Кабанова. – Саратов: Наука, 2024. – С. 51–58.

Глава 1. Эго-документы как предмет литературоведческого исследования

Термин «эго-документ» был впервые введен в научный оборот голландским историком Ж. Прессером в середине 1950-х годов. Определение, которое он в самом широком смысле дал этому явлению, подразумевало «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с Я – или иногда ОН – как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания»²². Исследователь Р. Деккер, первым начавший изучать само понятие, внес существенные уточнения: под термином «эго-документы» он стал понимать «текст, в котором автор пишет о его или ее делах, мыслях и чувствах»²³. Деккер относит к этому корпусу сразу несколько составляющих источников: автобиографии, мемуары, дневники и другие личные тексты, в которых авторы подробно пишут о событиях, случившихся с ними, о своих делах, опыте, о внутренних переживаниях.

В 1980-е годы началась экспансия термина «эго-документы» в Европу. Одной из причин, способствовавших закреплению неологизма, стала антропологизация науки, повышение интереса к личности «маленького человека», определение ей места в общей истории. Большой вклад в раннее продвижение этих идей внесли представители школы «Анналов», которые существенно расширили понятие исторического источника и выработали новый метод работы, предполагающий проникновение в его идейную подоплеку. М. Блок, один из основателей этого философского направления, писал, что для верной трактовки исторических процессов необходимо понимать образ мыслей человека изучаемой эпохи и культуры²⁴. Чуть позже, под влиянием идей философов М. Фуко и

²² Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 185.

²³ Там же.

²⁴ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М. : Наука, 1986. 232 с.

М. Серто, источники, которые можно было отнести к эго-документам, стали рассматриваться не как простое изложение личного опыта, а как средство социального и личного общения, самовыражения и самопознания.

В российской науке термин «эго-документы» также получил признание прежде всего у историков: о его значении писали Н. В. Суржикова²⁵, Н. М. Филатова²⁶ и др. Они отмечали новую тенденцию в историографической ситуации – смещение исследовательского интереса от изучения событий к изучению состояний. По их мнению, именно эго-документы, «характеризующиеся неперенным присутствием Я и не столько запечатлевающие исторические события, сколько создающие их ощущение, стали просто незаменимыми, заполнив лакуны официоза и обретя ту самость, которая позволила повысить их статус среди прочих свидетельств прошлого»²⁷.

Необходимо отметить, что термин «эго-документ» (производное от латинских слов: ego – я и document – свидетельство, доказательство) не мог в полной мере удовлетворить исследователей, поэтому одновременно с его внедрением на Западе предпринимались попытки найти альтернативное название: «Selbstzeugnis» (свидетельство о себе), «l'écrit du for privé» (сочинения частного характера), «life-writing» (жизнеописание), «first-person writing» (описание от первого лица), «self-narrative» (повествование о себе). В отечественной науке встречается употребление определений «автодокументальные тексты»,

²⁵ Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : АсПур, 2014. С. 6–13.

²⁶ Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М. : Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40.

²⁷ Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : АсПур, 2014. С. 6.

«литература свидетельства»²⁸. Ю. П. Зарецкий считает, что выбор определенного термина для обозначения рассказов людей о себе зависит от вкуса конкретного исследователя, и поиски лучшего, более точно характеризующего эти источники, названия еще продолжаются²⁹.

В литературоведении понятие «эго-документ» как документальное начало литературы получает свое осмысление. П. В. Палиевский, говоря о новой художественности документа, отмечает, что это «привычный материал, но пытающийся стать самостоятельным; с одной стороны, по-прежнему питающий искусство, с другой – желающий показать себя обособленно и кое-что от искусства себе забрать»³⁰. Е. Г. Местергази считает, что «эго-документ» в отечественной науке в качестве синонимичного понятия, хотя и не всегда обоснованно, существует в одном ряду с «документальной литературой», «литературой факта», «человеческим документом», с уже упоминаемым «автодокументальным текстом». Исследовательница также отмечает расхождения и в сфере таких жанровых обозначений, как «дневник», «записки», «мемуары». По ее мнению, самым емким и верным по сути является словосочетание «документальное начало в литературе»³¹. Л. Ф. Луцевич понимает «эго-документ»

²⁸ Напр.: Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.; Минец Д. В. Автодокумент как способ вербальной экзистенции автора (на материале тетрадей В. Нижинского и «Дневника 1934 года» М. Кузмина // Приоритетные направления науки и образования. 2016. № 2. С. 184–190; Сумбурова Е. И. Сестры милосердия Первой мировой войны: на материалах автодокументальных текстов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 2. С. 100–108.

²⁹ Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта) // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах. М., Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021. С. 6–28.

³⁰ Палиевский П. В. Документ в современной литературе // Палиевский П. В. Литература и теория. М. : Советская Россия, 1979. С. 131.

³¹ Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе и задачи современной теории // Литература и документ: теоретическое осмысление темы. Материалы круглого стола. М. : ИМЛИ РАН. 2008. URL : <https://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-doku-> (дата обращения: 03.05.2024).

как закрепление определенной формы фактической реальности, существующей одновременно с эстетически завершенной художественной реальностью, порожденной творческим сознанием писателя. Она говорит о том, что современная филология не может рассматривать понятие «документальность» и его частное определение «эго-документ» вне полидисциплинарных исследований, направленных на понимание самых разнообразных чувственно-мыслительных процессов человека, получивших воплощение в слове. Она утверждает, что теоретическое определение понятия «эго-документ в литературе» на данном этапе невозможно, так как окончательно не решены важнейшие вопросы: что представляют собой аутентичные эго-жанры, каковы особенности их функционирования в литературном процессе и т.п.³² В. В. Прозоров открыто не говорит о правомерности уже принятого филологами термина «эго-документ», но акцентирует внимание на скрытом оксюморе, заложенном в этом словосочетании. Он замечает: «В семантике слова “документ” угадывается утвердительная доказательность предъявляемого. “Эго” обращает нас к невыразимой бесконечности душевного пространства, к его неисчислимым психологическим самопроявлениям и связям с окружающим и проникающим в нас миром»³³. По мнению ученого, часть «Эго» пребывает в более сильной позиции, подчиняя себе основной смысловой потенциал устоявшегося определения.

Термин «эго-документ» явился на смену устоявшемуся в отечественной науке термину «источники личного происхождения», специальные подходы к

³² Луцевич Л. Ф. Документальность и эго-документ // Литература и документ: теоретическое осмысление темы. Материалы круглого стола. М. : ИМЛИ РАН, 2008. URL : <https://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-doku-> (дата обращения: 03.05.2024).

³³ Прозоров В. В. Эго-документ как объект филологической рефлексии // Эго-документы XX века. Литература. Культура. История / Фединские чтения. Вып. 7. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 234.

изучению которых уже широко применялись исследователями³⁴. Однако воспринятый первоначально «в штыхы» неологизм, по мнению группы ученых под руководством А. К. Соколова, обострил очевидную проблему несоответствия новых исследований и старой терминологии. Исследователи пришли к выводу, что в современной науке стало необходимо как привлечение новых источников, так и новое прочтение тех, которые считались основополагающими. Они утверждали, что в теории, прежде всего, нужна переоценка устоявшихся классификационных схем и переосмысление значимости отдельных типов и видов источников, используемых для исследовательской практики. «В центре внимания историков на протяжении длительного времени были преимущественно такие источники как мемуары, дневники, письма, хотя всегда было очевидно, что круг материалов личного происхождения является куда более широким. К ним с полным правом можно отнести те, в которых заложена автобиографическая, социальная, этнографическая, социально-психологическая и другая информация, которая отсутствует в официальных документах, а также в источниках других типов и видов»³⁵.

Н. В. Суржикова обозначает важную проблему в изучении источников личного происхождения – присущий им «комплекс неполноценности»: «В иерархии свидетельств прошлого они всегда занимали последнее или близкое к последнему место, поскольку рассматривались не иначе, как вспомогательные, дополнительные и, по сути, вторичные»³⁶. Использование этих источников в научно-исследовательской работе, как считалось ранее, лишь помогало

³⁴ См., например: Алексеев В. В. Основные итоги изучения эпистолярных источников в советской научной литературе 60-80-х годов. М. : Высшая школа, 1987. 318 с.; Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 114 с. и др.

³⁵ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А. К. Соколова. М. : Высшая школа, 2004. С. 12.

³⁶ Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : АсПУр, 2014. С. 9.

преодолеть схематизм изложения материала, обогатить научные труды важными приметам времени и характерными деталями. Такое восприятие обосновывалось субъективностью – как изъяном, который необходимо преодолеть. Для сравнения приведем в качестве примеров устоявшиеся в СССР в 1970-80-х годах методологические установки: «Ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»³⁷; «Личностные особенности авторов сказываются на объективной познавательной ценности этих источников»³⁸. Учитывая всю ограниченность такого подхода, Н. В. Суржикова говорит о том, что «использование термина “эго-документы” помогло бы снять проблему неполноценности источников личного происхождения, не просто их реабилитируя, но и выводя на новый уровень исследования писем, дневников, воспоминаний и целого ряда документов пограничных жанров»³⁹.

В последние годы продолжаются дискуссии об определении критериев, в соответствии с которыми тот или иной текст может быть отнесен к эго-документу. Такие исследователи, как Р. Деккер и П. Берк, относили к эго-документам тексты, в которых большое место занимают личные наблюдения, а также автобиографии, бытовые дневники, мемуары и письма – то есть тексты, ограниченные по времени и сфокусированные на особых событиях частной жизни. Но важнейшим показателем принадлежности материалов к корпусу эго-документов становятся не формальные признаки внешней оболочки текста, а авторское Я как генерирующий центр идей, переживаний и действий. Ряд исследователей (например, В. Шульце) основополагающим видели самоопределение автора и его восприятие себя не только в семье, но и в обществе,

³⁷ Зайончковский П. А. <Предисловие> // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников. Т. 1. М. : Книга, 1976. С. 6.

³⁸ Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М. : Высшая школа, 1981. С. 343.

³⁹ Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : АсПУр, 2014. С. 10.

государстве, поэтому включают в группу эго-источников только нехудожественные тексты (деловую документацию). Историк Б. фон Крузенштерн подвергла эту теорию критике, так как главным в определении понятия считала самостоятельность и уникальность автора при создании эго-документов. Подобную точку зрения высказывал и Г. Миш: «В основе всякого, пусть даже обыденного самоотражения, какой бы эпохе оно ни принадлежало, лежит мотив самореализации, прояснения и обретения “духовной индивидуальности”, “самости”, “персонального эйдоса”»⁴⁰. Однако такие исследователи, как К. фон Грейерс, в свою очередь, отрицали возможность абсолютной персонализации в эго-источниках: «Исторический субъект, которого мы можем уловить внутри и за автобиографиями, дневниками и семейными хрониками, не является эго. У него, конечно, есть “я”, внешние очертания которого некоторые из документов могут позволить нам изучить. Для всех практических исторических целей то, что мы рассматриваем в самоповествованиях, – это прежде всего люди в их специфической культурной, языковой, материальной и, наконец, социальной укорененности. В конечном счете, большинство этих текстов <...> рассказывают нам больше о группах, чем об индивидах»⁴¹.

Основная проблема, которую рассматривают современные исследователи литературы, связана не с персонализацией субъекта – автора, а с определением общих родовых признаков эго-текстов, а также специфических черт отдельных их жанров. Трудность в определении общей жанровой специфики эго-документов связана с невозможностью четкого разграничения разновидностей эго-текстов. Традиционно различают такие основные аутентичные жанры эго-документов, как

⁴⁰ Цит. по: Митина С. И. Образ автора как субъект и объект интерпретации в эго-тексте // Вестник Мордовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 3. С. 53.

⁴¹ Грейерс фон К. Эго-документы: Последнее слово? // German history. Vol. 28. № 3. С. 273–282. URL: https://core.ac.uk/outputs/85213484/?utm_source=pdf&utm_medium=banner&utm_campaign=pdf-decoration-v1 (дата обращения: 24.04.2024)

дневники (записные книжки), письма, мемуары (автобиографии). Рассмотрим подробно каждый из них.

В контексте изучения эго-документов дневник – это «форма повествования, ведущаяся от первого лица в виде подневных записей»⁴². То есть это записи не ретроспективные, синхронные событиям текущего момента. Даже если в тексте дневника идет речь о воспоминаниях или планах на будущее, автору (и исследователям) важно, что именно эти размышления имели место именно в это время, именно в этих обстоятельствах. Дата записи в этих текстах соответствует именно дате записи, а не времени, в котором происходили или будут происходить события. Единовременность реальных событий и текстовых воплощений придает дневниковому жанру такие определяющие качества, как оперативность и достоверность.

Необходимо отметить, что нефикциональность дневниковых записей органично сосуществует с представлением о личности автора в том субъективном виде, в каком пишущий являет себя сам. О. Г. Егоров, исследуя образ автора в дневнике, приходит к выводу, что полнота его воссоздания зависит от типологии и содержания дневника. Если дневник интровертивный, то более обстоятельно раскрывается внутренний мир автора, если дневник бытовой, то на первый план выдвигается взаимодействие автора с окружающим миром. Однако и в том, и в другом случае определяющей в образе автора становится степень его откровенности, «его готовности к исповеди без умолчаний»⁴³. Эта готовность к предельной искренности многими исследователями подвергается сомнению, так как сложившаяся в XIX веке практика чтения дневников узкому кругу друзей и последователей не коррелировалась с интимностью дневника как «разговора с

⁴² Чудакова М. О. Дневник // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани. М.: Советская энциклопедия, 1964. Стлб. 707–710. В данном исследовании мы сознательно не рассматриваем «дневник» как жанровую разновидность художественной прозы, как литературную форму, открывающую возможности для изображения внутреннего мира персонажа.

⁴³ Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра / 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2022. С. 118.

самим собой»⁴⁴. Такое ознакомление с личными записями служило не только установлению более близких и гармоничных межличностных отношений, в процессе чтения вслух апробации подвергались нравственные и философские понятия, жизненные правила, над которыми размышлял автор такого дневника. В этом противостоянии интимности и публичности формулируется основная проблема в изучении дневников: действительно ли они являются повествованием о себе и для себя.

Дневник не может быть абсолютно монологичным, он предполагает обращение автора к самому себе. По мнению Ю. М. Лотмана, суть этого диалога состоит в передаче сообщения от Я к Я: «<...> дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит»⁴⁵. Действительно, основным жанровым маркером дневника является автор, одновременно выступающий и в роли адресата. Основываясь на жанровой концепции М. М. Бахтина, утверждающего, что жанр – это формо-содержательное единство и суть человеческой коммуникации, А. А. Зализняк поднимает вопрос, кто же является адресатом дневника⁴⁶. Исследователь отмечает, что эта тайна делает дневник таким притягательным явлением: «<...> дневник – это *интимный* (здесь и далее курсив автора – М. Г.) текст, и *показать* кому-то свой дневник означает допустить этого человека в свою *интимную сферу*. Смысл акта “дать прочесть” свой дневник, доверительность, проявляющаяся в этом поступке, именно из того и проистекает, что человек читает *не ему адресованные строки*. Это же обстоятельство определяет эффект от

⁴⁴ Сравним с «Дневником для одного себя» Л. Н. Толстого (Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Художественная литература, 1985. Т. 22 : Дневники 1895–1910).

⁴⁵ Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство–СПБ, 2001. С. 161.

⁴⁶ Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6. С. 162–181.

чтения дневников, как будто никак не санкционированного автором»⁴⁷. А. А. Зализняк говорит о том, что кроме непосредственного адресата, которым в дневнике является сам автор, существует еще и косвенный адресат – потенциальный читатель. С одной стороны, это мог быть узкий круг духовно близких людей, или даже конкретный человек, кто-то из родных и друзей автора: подтверждением тому является сложившаяся во второй половине XIX – начале XX века практика подобного чтения дневников. С другой стороны, могла складываться ситуация, когда дневник прятался, шифровался или вовсе уничтожался, то есть косвенный адресат намеренно исключался из диалога. В большинстве же исследуемых дневников фигура косвенного адресата не отчетлива, но не устранена полностью: «<...> дневник пишется *как будто* (здесь и далее курсив автора – М. Г.) исключительно для себя и поэтому *без рисовки*, но одновременно именно это и оказывается интересно другим – тем, кем он, возможно, будет прочитан»⁴⁸. К. Кобрин поднимает ключевой, по его мнению, вопрос для жанра дневника: надеются ли авторы дневников на то, что их прочтут? Ведь «бессознательно, если автор хочет потом сам читать свой дневник, то не может не представить на своем месте другого, хотя бы на мгновение»⁴⁹. Многие из ведущих дневники, как показывает текстологический анализ, не просто возвращались к своим записям в процессе перепрочтения, но редактировали их. Своеобразным указанием на косвенного адресата как раз и являются внесенные позже в текст приписки, комментарии и пояснения, в которых сам автор по определению не нуждается. По нашему мнению, такие правки не всегда свидетельствуют о намерении автора «улучшить» дневник в глазах будущего читателя. Б. А. Успенский дает этому явлению убедительное объяснение. Он полагает, что последующая работа автора в дневнике необходима: «<...> чтобы артикулировать свою мысль, автор представляет себя адресатом, который читает

⁴⁷ Там же. С. 165.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. С. 288–295.

как бы незнакомый текст»⁵⁰. Это утверждение кажется нам обоснованным и актуальным в свете исследования дневников К. А. Федина, так как дневник писателя – это необходимая составляющая его творческой лаборатории, инструмент для оттачивания формулировок, обдумывания сюжетов и рождения художественных образов.

Первоначальный интерес исследователей к дневникам, изучение их и публикация были нацелены на то, чтобы дать представление о внешней и внутренней жизни известного человека, общественного деятеля, ученого или писателя, познакомить читателей с малоизвестными и любопытными фактами его биографии. Систематическая публикация дневников начинается в 1860-е годы. Преимущественно в журналах исторического профиля («Русский архив», «Исторический вестник») были введены специальные разделы для дневников и воспоминаний. Характерно, что в то время издатели и критики не разделяли эти материалы по жанрам, обозначая их в общем как «мемуарную литературу». О. Г. Егоров считает, что подобный неверный подход к изучению эго-документов наблюдается и в наше время: некоторые современные комментаторы дневников оценивают их как экспериментальные поиски в мемуаристике⁵¹. Уже в первой половине XX века намечается тенденция к разделению жанров дневника и мемуаров по принципу синхронии-диахронии, то есть временной соотнесенности фактических событий с фиксацией их в текстах. Дневник становится более надежным документом, за ним признается большая фактическая достоверность. В отличие от мемуаров, которые почти всегда создаются с определенным намерением, а значит большей тенденциозностью, дневник несет в себе первозданность мыслей и чувств своего автора.

О. Г. Егоров отмечает, что и в настоящее время дневник остается вспомогательным источниковедческим материалом. Его используют для

⁵⁰ Успенский Б. А. *Ego loquens. Язык и коммуникационное пространство*. М. : РГГУ, 2007. С. 124.

⁵¹ Егоров О. Г. *Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра* / 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2022. С. 11.

уточнения фактов биографий писателей, а также для решения конкретных историко-литературных задач. И сформировавшиеся принципы публикации дневников – с купюрами или с тематическими выборками – это убедительно доказывают.

Другой распространенный тип эго-документа – эпистолярный – также широко используется в решении задач современного литературоведения. Эпистолярные свидетельства играют важнейшую роль в изучении биографии писателей, их творческих намерений. Исследователи отмечают ярко выраженную субъективность, присущую корреспонденции наряду с другими типами эго-источников. Е. И. Прохоров говорит о неопределенности самого понятия «письмо», отсутствии в нем строго очерченных жанровых рамок⁵². Это может быть письменное обращение автора к конкретному лицу или нескольким определенным лицам, а может быть свободным обращением сразу ко всем. Исследователь считает, что, несмотря на наличие формальных эпистолярных элементов, таких, как обращение, дата и время написания, подпись автора, они не могут считаться равнозначными источниками. Он же определяет три типа эпистолярия: письма литературно-художественные или публицистические, деловые и частные. Е. Г. Елина разделяет эпистолярные формы на художественные («при создании которых писатель ориентируется на частное письмо») и собственно частные⁵³, очевидно, включая деловую корреспонденцию в парадигму личного общения. Частные корреспонденции, являясь актами личного общения, представляют наибольший интерес для исследователей, так как наряду с оперативной фиксацией бытовых жизненных обстоятельств дают представление о внутренней жизни как автора, так и, опосредованно, адресата.

В. А. Сметанин говорит об эпистолярности как об уникальном источнике, выделяя несколько важных особенностей: формальную внутреннюю структуру

⁵² Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия // Вопросы текстологии. М. : Изд-во АН СССР, 1964. Вып. 3. Принципы издания эпистолярных текстов. С. 17–18.

⁵³ Елина Е. Г. Эпистолярные формы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1981. С. 3–4.

писем, специфику стиля изложения и содержания⁵⁴. Анализируя античных и средневековых авторов, исследователь определяет ключевые признаки письма, остающиеся актуальными и для современности. Особенно это касается стиля изложения. Наряду с субъективным восприятием событий и личностной оценкой фактов, В. А. Сметанин выделяет «стремление, осознанное или неосознанное, быть понятным лишь адресату. Вольно или невольно говорилось так, что посторонний не всегда мог понять смысл написанного»⁵⁵. Е. Л. Ефременко развивает это наблюдение, подчеркивая, что зачастую такая тенденция достигает своего апогея в случаях, когда автор умышленно стремится быть понятным только адресату. «Нельзя забывать о причинах цензурного, полемического или личного характера, которые заставляют порою писателей скрывать от современников подлинный смысл фактов, прибегать к иносказаниям, вуалировать разными средствами свои мысли»⁵⁶.

В этой паре «автор – адресат» мы находим еще один уникальный признак, выделяющий эпистолярный из ряда других эго-документов: диалогичность. Первоначально эта категория являлась объектом пристального изучения лингвистики, так как исследователи пытались найти в тексте письма маркированные элементы, сближающие его с простым устным диалогом. Но Н. И. Белунова, исследуя письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX веков, выделяет как подтверждение диалогичности прежде всего, композиционные особенности текста частного, преимущественно дружеского, письма – такие, как политематичность, свернутость информации и интертекстуальность. По мнению исследовательницы, политематичность, которую она характеризует как «быстрое переключение тем», не нарушает

⁵⁴ Сметанин В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии // Античная древность и средние века. Свердловск : УрГУ, 1980. С. 5–18.

⁵⁵ Там же. С. 10.

⁵⁶ Ефременко Э. Л. Вопросы комментирования эпистолярных текстов // Вопросы текстологии. М. : Изд-во АН СССР, 1964. Вып. 3. Принципы издания эпистолярных текстов. С. 140.

целостности эпистолярного текста. В этом случае выбор и смена тем обуславливаются особенностями двустороннего общения, так как автор письма учитывает персональные интересы и возможные реакции своего адресата, его осведомленность в определенной сфере, его жизненный опыт. «<...> И дружеское письмо, и непринужденный диалог представляют собой личностно-ориентированное, персональное средство общения, в определенной мере “замкнутый” тип коммуникации, когда информация рассчитана не на множественность восприятий и толкований, а на однозначное понимание как максимальную приближенность восприятия адресатом к авторской интерпретации и восприятие слушающего к интерпретации говорящего»⁵⁷. Об этом же говорит и Е. Г. Елина, сравнивая частное письмо с дружеской беседой: «Как в непринужденном разговоре, так и в письме одна тема сменяет другую, человек сам себя перебивает, вновь возвращается к затронутому предмету или забывает о нем»⁵⁸. Интертекстуальность корреспонденции также обусловлена степенью подготовленности адресата и его вовлеченности в общий круг культурных ориентиров и установок.

Вызывает интерес такой признак, как «свернутость информации» в эпистолярном тексте. Полнота сообщаемых сведений является принципиальным отличием эпистолярного текста от дневникового. Письмо, так же как и дневник, передает информацию за максимально близкий к моменту происходящего события промежуток времени. Оно также может стать изложением хроники происходящих внешних событий и внутренней духовной жизни автора. Но если в записях «для себя» повествование может быть пунктирным, без подробностей, то в письме адресат должен был получить точную и максимально полную

⁵⁷ Белунова Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. СПб., 2001. 45 с.

⁵⁸ Елина Е. Г. К теории эпистолярия // Поэтика и стилистика : сб. ст. / под ред. И. В. Чуприны, В. Е. Гольдина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. С. 30.

информацию, чтобы реконструировать в своем сознании увиденное и прочувствованное автором.

Полнее всего взаимосвязь автора и адресата отображается в понятии «переписка». С древних времен связь между корреспондентами воспринималась как беседа – своеобразный диалог, основанный на взаимосогласованности посланий. Э. Л. Ефременко подчеркивает важность обращения к полному корпусу переписки, утверждая, что письма всегда связаны между собой единством содержания и не могут быть рассмотрены как обособленные документы.

При изучении эпистолярного наследия писателей возникает важный вопрос: насколько полно авторская интенция в момент написания отображает подлинную личность писателя. Б. А. Грифцов, исследуя психологию творчества писателей, упоминает «письма и иного рода признания авторов о самих себе» как материал, разнопланово и подробно объясняющий механизм творчества. Однако ученый задается вопросом: «Насколько ему можно доверять? С тех пор, как писательство стало сознательно избираемой профессией, и самые письма пишутся профессионально, и воспоминания пишутся профессионально. Ни те, ни другие не позволят захватить писателя врасплох, в минуты больших его сомнений. Ни те, ни другие не станут открывать таких переживаний, которые по существу своему исключали надобность творчества»⁵⁹. В этом свете интересное замечание сделано П. И. Чайковским в его дневнике: «Мне кажется, что письма никогда не бывают вполне искренними. Сужу, по крайней мере, по себе. К кому бы и для чего бы я не писал, я всегда забочусь о том, какое впечатление произведет письмо не только на корреспондента, а и на какого-нибудь случайного читателя»⁶⁰. К. Д. Сок, размышляя о некоторых писателях и их эпистолярном наследии, утверждает, что письма являются одним из наиболее авторитетных источников для определения характеристик творческой личности. Она акцентирует внимание на том, что

⁵⁹ Грифцов Б. А. Психология писателя. М. : Художественная литература, 1988. С. 38–39.

⁶⁰ Цит. по: Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. М. : Флинта; Наука, 2003. С. 118.

нарочитая субъективность этого вида источников дает возможность по-новому увидеть внутреннее «Я» писателя: «<...> несмотря на то, что при оценке значимости материала такого типа следует учитывать и возможное желание автора писем “спрятаться” и из-за письма-“ширмы” показаться лучше и внушительнее. “Намеренная рисовка” также информативна: в ней проявляются личность, ее изначальные эстетические и иные предпочтения»⁶¹.

Таким образом, эпистолярный становится для исследователей литературы незаменимым источником не только фактической информации о самом человеке, о событиях внешней жизни и внутренних переживаниях, но и свидетельством его отношений с современниками, источником, подтверждающим разную степень близости и доверительности автора в общении с разными адресатами.

Мемуары как один из видов эго-документов также обладают специфическими характеристиками. Мемуары, или воспоминания, это «повествование в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был»⁶². Ни одна из указанных в «классическом» определении характеристик не подвергается сомнению современными исследователями. Предметом основной дискуссии в изучении таких источников становится сам автор, степень его наблюдательности и глубина личностной интерпретации описываемого.

Основные методы работы с мемуарами были заложены историками, рассматривающими воспоминания как источник фактических сведений о тех или иных исторических событиях. В. О. Ключевский считал мемуары «плохой заменой» древних летописей. Его первые рассуждения были основаны на изучении русских записок XVIII века. Он отмечал некоторую упрощенность представляемого там материала: «Это обыкновенно записки людей, вращавшихся в тесном кругу интересов, уменьшавшемся еще тем, что горизонт мысли и

⁶¹ Сок К. Д. Творческая личность писателя в эпистолярном наследии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10. СПб., 2008. 17 с.

⁶² Левицкий Л. А. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М. : Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. Лакшин – Мураново. Стлб. 759–762.

наблюдательность этих авторов мемуаров еще уже того круга жизни, в котором они вращались»⁶³. Однако мемуаристика второй половины XIX – XX веков представляет другой уровень фактографической полноты и художественной ценности.

В рассуждениях о методах изучения мемуаров пристальное внимание уделяется анализу фигуры автора. Исследователями учитываются не только биографические сведения, но и разнообразные факторы, повлиявшие на становление его личности: воспитание, образование, убеждения, предположительное влияние среды и др. Таким образом, становится возможным определить личное отношение мемуариста к описываемым событиям, понять, как оно сформировалось и чем было обусловлено – личными ли наблюдениями, мнениями современников или информацией из письменных источников.

Одновременно с изучением личности автора воспоминаний, которое на волне персонализации истории органично вписывалось в общую концепцию интереса к эго-документам, поднимался ключевой вопрос научно-познавательной ценности мемуаров. Долгое время считалось, что мемуары наименее достоверные из всех типов источников личного происхождения. Е. В. Тарле считал предвзятость имманентным свойством мемуарного материала: «Коренная черта всей мемуарной литературы заключается в том, что у автора есть совершенно сознательное намерение показать читателю людей и их поступки лишь в известном освещении: выявить одно, скрыть другое, извратить третье»⁶⁴. М. Н. Черноморский, не опровергая подобных наблюдений, утверждал, что субъективность не снижает ценности мемуаров и возможности использовать их информационный потенциал в исследованиях⁶⁵. Принципиально новый подход к

⁶³ Ключевский В. О. Соч. : в 8 т. М. : Гослитиздат, 1959. Т. VI : Специальные курсы. С. 20.

⁶⁴ Тарле Е. В. Значение архивных материалов для истории // Вестник архивоведения. 1961. № 3. С. 102.

⁶⁵ Черноморский М. Н. Мемуары как исторический источник: учебное пособие по источниковедению СССР. М. : [Б.и.], 1959. 80 с.

решению вопроса о негативной субъективности мемуаров предложил В. С. Голубцов, который утверждал, что «место и значение мемуаров в ряду исторических источников определяется не их недостатками <...>, а тем, что нового своеобразного дает этот тип источника, насколько и чем он обогащает наше представление об эпохе, деятельности людей и т.п.»⁶⁶ Не пытаюсь нивелировать ряд недостатков «вспоминательного повествования», таких как спутанность дат и событий, приписывание поступков и действий другим людям, он настаивает на том, что научно-критический подход все-таки позволит этим источникам занять свое место в исторических исследованиях.

Таким образом, при выяснении научно-познавательной ценности мемуаров ученые середины XX века больше сосредоточивались на фактографической стороне представленной информации, ее адекватности по сравнению с другими источниками. А личностный взгляд автора воспоминаний оставался за границами их наблюдений, так как априори предполагал малую достоверность в зафиксированных сведениях.

А. Г. Тартаковский, настаивая на усилении внимания к персоне мемуариста, также говорил о необходимости учитывать как индивидуальные особенности личности автора, так и среду, в которой происходило его формирование. Но он делал акцент на том убеждении, что индивидуальное восприятие автором мемуаров социальной среды изменяется в силу определенных явлений в жизни общества, и видел в этом ярко выраженную социальную функцию – «реализацию исторического самосознания личности»⁶⁷. Он замечает, что специфическая особенность мемуаров состоит в сохранении, передаче и оценке информации в соответствии с идейными установками автора. Ту же проблему выделила С. С. Минц, применяя историко-психологический подход в исследовании механизмов социальных взаимосвязей авторов мемуарных

⁶⁶ Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 46–47.

⁶⁷ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М. : Наука, 1980. С. 24.

источников. «Культурный контекст, – утверждает С. С. Минц, – воспринимается мемуаристами через призму понимания общественной значимости собственной личности»⁶⁸. Мы делаем вывод, что ученые выявляют социальную функцию как одну из определяющих характеристик именно для мемуарных источников. Действительно, текст, изначально задуманный автором для публичного представления, является актом общественной презентации субъективного «Я» автора: он показывает те события и тех людей, которых считает значительными для своей внешней и внутренней жизни, дает им личностную оценку, вынося ее на широкое обозрение.

Специфическим признаком мемуаров, по сравнению с другими эго-источниками, становится их ретроспективность – удаленность описания от момента происхождения самого события. А. Г. Тартаковский, разрабатывая вопрос о самосознании мемуариста, отмечает разницу в авторском видении событий в период их свершения (и отражения их в дневниках) и в момент написания мемуаров. Это различие проявляется в системе отражения действительности – синхронной в дневниках, ретроспективной – в воспоминаниях.

Л. Я. Гинзбург также отмечает эту особенность: «<...> в дневнике фиксируется “непредрешенный” жизненный процесс, а в мемуарах – “обдуманное воссоздание” состоявшихся событий в свете имеющегося знания их последствий, как ближайших, так и будущих»⁶⁹.

Отчасти эта проблема несет в себе функциональную особенность категории памяти – способности долгое время хранить, а потом воспроизводить информацию. Н. Г. Георгиева считает мемуары источником, связующим разные типы документов личного характера. Она утверждает, что «поскольку мемуары

⁶⁸ Минц С. С. Российская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX в. в контексте историко-психологического исследования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2000. С. 54.

⁶⁹ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л. : Художественная литература, 1971. С. 12.

писались по прошествии энного количества лет, у авторов могло произойти смещение акцентов или переоценка происходившего под влиянием общественной обстановки и утраты точных сведений из-за возрастных провалов в памяти. Поэтому в ряде случаев, добиваясь большей достоверности, мемуаристы использовали свои дневниковые заметки, эпистолярый, публицистические, делопроизводственные документы, оставшиеся в личных архивах авторов»⁷⁰. А. С. Лаппо-Данилевский акцентирует внимание на различии понятий «память» и «воспоминание». Он отмечает: «Субъект, дающий показания об историческом факте, должен не только знать, что он его испытал где-то и когда-то, но должен помнить ту совокупность представлений, ту обстановку, словом, то конкретное целое, в котором воспоминаемый образ был действительно испытан им, и значит, то положение, которое соответствующий ему конкретный факт занимал в пространстве и во времени <...> Естественно, что при воспоминании субъект легко может поместить факт, удержанный в памяти, не в то положение, какое он занимал в данном целом»⁷¹.

Объектом изучения современного литературоведения становятся мемуары писателей, литераторов и их близкого окружения.

Наиболее полное исследование воспоминаний писателей как самоценного художественного феномена принадлежит Т. М. Колядич. Она представляет мемуары как создание авторской модели мира, где «психологически объективное раскрытие индивидуальности возможно в субъективно воспринятых событиях»⁷². Поскольку в своем исследовании она опирается на широкое понятие «мемуарный текст», мы сталкиваемся с проблемой неразграничения различных типов эго-

⁷⁰ Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1. С. 126.

⁷¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории / Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 538.

⁷² Колядич Т. М. Воспоминания писателей XX века: эволюция, проблематика, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 1999. С. 31.

источников. Например, классифицируя формы в системе мемуарного повествования, исследовательница выделяет воспоминания писателей как самостоятельную разновидность мемуаристики и включает в него дневники, записки, автобиографии, литературные портреты. Подобных взглядов придерживается Л. М. Рошаль, относя дневники и воспоминания к одной группе – «литературе мемуарно-дневникового характера»⁷³. Однако многие исследователи все же разделяют эти понятия (М. К. Макаров, С. С. Дмитриев, Г. Н. Вульфсон), считая дневники и мемуары двумя самостоятельными группами источников. Г. Г. Елизаветина еще больше сужает представление о мемуарных текстах. Она настаивает на отличии автобиографий от собственно воспоминаний, делая важное уточнение о том, что первые сосредоточены на собственной душе и на ее взаимоотношениях с миром, а вторые транслируют интерес к самому миру, к встреченным на жизненном пути людям и событиям⁷⁴.

Однако основной тенденцией в изучении мемуарных произведений писателей становится смещение центра внимания от простой фактографичности в сторону художественного осмысления. Л. Я. Гинзбург уподобляет литературу воспоминаний поэзии в силу «широкого и настойчивого присутствия автора»⁷⁵, отмечает присущую им экспериментальную смелость и широту, непринужденное отношение к читателю. Указанные особенности выводят на первый план диалектику воспоминаний, которая заключается в «сочетании свободы выражения с несвободой вымысла, ограниченного тем, что происходило в действительности»⁷⁶.

⁷³ Цит. по: Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 36–45.

⁷⁴ Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западно-европейский классицизм. Проза. М. : Наука, 1982. С. 235–263.

⁷⁵ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л. : Художественная литература, 1976. С. 133.

⁷⁶ Колядич Т. М. Воспоминания писателей: Проблема поэтики жанра. М. : Мегатрон, 1998. С. 12.

Т. М. Колядич выделяет главную типологическую ценность мемуаров: смешение реального и ирреального планов, преобладание условного изображения над конкретным. Такое допущение появляется, когда невозможно адекватно воссоздать события прошлого. Тогда мемуарист выводит на первый план какие-то факты или, наоборот, умалчивает о них в соответствии со своим авторским представлением. Т. М. Колядич верно замечает, что автор преднамеренно или случайно описывает события такими, какими ему хотелось бы их видеть, а не такими, какими они были на самом деле: «подобный подход к своему прошлому обусловлен желанием автора представить свой путь иначе, чем он прожит, стремлением уйти в мир выдуманных связей и отношений или передать не столько собственные впечатления, сколько воспоминания о них»⁷⁷. Действительно, пытаясь реконструировать события прошлого, автор, опираясь на воспоминания о своих впечатлениях, дает комментарии уже в современном ракурсе.

С этими наблюдениями тесно пересекается проблема своеобразия роли автора в мемуарном тексте, где он существует сразу в двух положениях: непосредственно повествователя и биографического героя. По мнению Т. М. Колядич, «обе ипостаси существуют в рамках общей модели автора, собираясь постепенно, в ходе развития сюжета, в единое целое, поскольку описываемые от лица каждого из них переживания, наблюдения, впечатления принадлежат одному и тому же человеку, хотя и разнесены во времени ввиду различий восприятия возрастного характера»⁷⁸. Таким образом, функция «героя – участника событий» реализуется через констатацию фактов, изложение ассоциативных наблюдений, а функция «автора – повествователя» – через отбор и комментирование информации, анализ и конечное оценивание представленного материала. Именно синтез этих двух направлений дает исследователям

⁷⁷ Там же. С. 15.

⁷⁸ Там же. С. 28.

возможность приблизиться к объективному представлению о личности автора и об окружающей его исторической обстановке.

Говорить об авторской интенции в дневниках, письмах и воспоминаниях К. А. Федина в рамках нашего исследования невозможно без обозначения отношения их создателя к эго-документам других авторов.

К.А. Федин постоянно обращался к доступным для него личным свидетельствам жизни разных деятелей. На страницах его дневниковых записей упоминаются изданные дневники натуралиста Ч. Дарвина, режиссера А. Антуана, Стендаля, Р. Роллана, русских писателей XIX–XX веков: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, А. А. Блока, А. К. Толстого, М. С. Шагинян, М. М. Пришвина, В. В. Вишневского и др., а также письма Л. Н. Толстого, М. О. Гершензона, И. А. Бунина, М. Горького, А. А. Фадеева. По записям и откликам, сделанным под воздействием от прочтения этих материалов, можно судить о том, как погружение в интимный мир другого человека отзывалось в душе Федина и какое влияние оказало на него.

К. А. Федин, как и профессиональные исследователи литературы, обращает внимание на ключевые особенности эго-документов: степень искренности автора, фактографическую достоверность, презентацию внутреннего «Я» писателей. Особенно пристальное внимание он уделяет дневникам Стендаля, Л. Н. Толстого, В. Ф. Одоевского, А. А. Блока, находя там отражение своего собственного состояния.

При изучении эго-документов вопрос об открытости автора, о степени его откровенности является одним из важнейших. Только ответив на него, можно составить объективную картину как внешней, так и внутренней жизни человека. «Все думаю, – размышляет Федин в дневнике 24 июля 1932 года, – что нынешние русские дневники, записки, письма – вся “документальная” литература – должны быть объективно неинтересны. Значение их, пожалуй, условно: по ним можно

судить, о чем их авторы не могут или не желают писать»⁷⁹. Федин сравнивает состояние внутренней свободы авторов предыдущего поколения с атмосферой тотальной невозможности непринужденного высказывания. Он неоднократно говорит о надобности в сложившихся условиях вести дневник только как хронику, но сам считает такую задачу непосильной. Размышляя над дневниками предшественников, отмечая их особенности, он конкретизирует отношение к ведению своего дневника, говоря о том, что необходимо чаще вносить в записи внешние факты и поменьше говорить о себе. Жалея о том, что не успел зафиксировать в дневнике маленькие, но «удивительно выпуклые случаи» до того, как сгладилась острота впечатлений, К. А. Федин замечает: «Нужно больше фактов, даже маленьких, даже карликовых. Время установит их истинный размер относительно моей жизни и всей среды, порождающей эти факты»⁸⁰.

Интересны записи К. А. Федина, иллюстрирующие такую категорию, как достоверность излагаемой информации. В 1930 году он вспоминает, как И. И. Ионов упрекал его в том, что при издании «Дневников» А. А. Блока была приведена записанная со слов М. Горького характеристика Ионина как бездарного и многому навредившего человека. К. А. Федин фиксирует часть этого разговора: «Ионов кричит: “Да это неверно, неверно! Я запрашивал Горького! У меня есть письма от него! Он пишет, что никогда так не говорил обо мне!”»⁸¹ Реакция И. И. Ионина вполне объяснима: он опасался остаться в памяти потомков с такой «запятнанной» репутацией. Действительно, читатели склонны доверять свидетельствам очевидцев (особенно лиц, пользующихся авторитетом), не делая скидки на особенности субъективного восприятия автором происходящего вокруг, его трактовку услышанных от третьих лиц слов. Несколько лет спустя сам

⁷⁹ Федин К. А. Дневниковая запись от 24 июля 1932 // НВГМФ 5610/4 (Здесь и далее даются указания на учетные номера предметов основного и научно-вспомогательного фондов Государственного музея К. А. Федина).

⁸⁰ Федин К.А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12 : Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 178.

⁸¹ Федин К. А. Дневниковая запись от 31 октября 1930 // НВГМФ 5610/3.

К. А. Федин оказался в подобной ситуации. Во время чтения «Дневника» М. М. Пришвина, где встречается запись о том, как Федин «попал в секретари» Союза писателей СССР, он размышляет над контекстом этого упоминания: порицанием ли становится это или ожиданием перемен к лучшему. И резюмирует: «Любопытно видеть себя в представлении других: <...> Кто-то, когда-то сложит настоящее представление обо всех нас, современниках, – какими мы хотели казаться себе и другим, какими были»⁸².

Эти наблюдения возвращают нас к вопросу о наличии реального или потенциального читателя дневников и писем. Можно отметить, что отношение К. А. Фебина к своим личным записям нельзя определить однозначно. С одной стороны, он предполагал, что они станут известны, но узкому кругу. «Мне грустно, – пишет К. А. Федин, – что близкие люди когда-нибудь захотят взвесить мою жизнь, и по этим скудным, ленивым, бесцельным запискам составят себе представление о человеке, который был так богато наделен природой и прошел такой убогий путь»⁸³. С другой стороны, говорил о том, что «<...> я слишком скрытен и не решился бы прочитать о себе то, что думаю, – если бы написал»⁸⁴. Но, как нам кажется, степень откровенности личных записей Фебина свидетельствует о том, что в первую очередь он относился к дневнику как к единственной возможности откровенно поговорить со своим внутренним «Я», провести своеобразную «работу над ошибками». 18 октября 1953 года, перечитывая дневники С. А. Толстой, он делает запись, которая в полной мере определяет его отношение к дневнику и к его возможности быть обнародованным: «Дневник – предательский жанр. Если ты назначил его для того, чтобы лучше увидеть и понять себя, то он должен быть твоим саморазоблачением; если ты ведешь его для того, чтобы утаить от себя свои пороки и ошибки и представить их в том свете, в каком хочется, то и это

⁸² Федин К. А. Дневниковая запись от 22 марта 1954 // НВГМФ 5610/20.

⁸³ Федин К.А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12 : Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 177.

⁸⁴ Там же.

разоблачит тебя. Так или иначе – дневник всегда скажет о тебе правду, одинаково – тебе самому и тому, в чьих руках он окажется. Он может помочь исправить жизнь, но приукрасить ее в глазах кого бы то ни было – никогда»⁸⁵.

Проблема изучения эго-документов в отечественном литературоведении остается по-прежнему сложной и актуальной. Она связана с изучением личных документов (дневников, писем, мемуаров, автобиографий) не только как источника фактической информации о жизни и творчестве писателей и историко-культурного контекста их времени, но и является предметом анализа авторской личности и ее субъективного восприятия событий и явлений, формирующего полную картину литературного процесса.

Рассматривая в настоящей работе эго-документы К. А. Федина и отражение в них жизни литературной группы «Серапионовы братья», мы сосредоточим свое внимание на особенностях каждого из типов таких источников. Не делая акцент на фактографической достоверности дневников, писем и воспоминаний писателя, мы определим направленность авторского сознания и специфику его выражения. Сравнение разных типов личных материалов позволит создать целостную картину восприятия К. А. Фединым содружества «Серапионовы братья».

⁸⁵ Там же. С. 315.

Глава 2. «Серапионовы братья» в дневниках К. А. Федина

К. А. Федин вел дневники на протяжении практически всей жизни – с 1913 по 1968 годы, неоднократно прерывая записи и возобновляя их снова. В 1928 году писатель перечисляет все написанные к этому времени: от самого первого, который он вел в 1913–1914 годах, учась в Московском коммерческом институте, до последнего на тот момент, зафиксировавшего его впечатления от первой заграничной поездки. В пятой (по авторской нумерации) тетради отражены 1919–1921 годы: «...все начало “настоящей” литературной работы, <...> кое-что о первом периоде Серапионовых братьев, знакомство с Горьким и другими писателями»⁸⁶. Но эти записи (за исключением страниц, посвященных Горькому⁸⁷) до нас не дошли, так как были сожжены автором в 1925 году.

Одна из причин, по которым Федин так радикально расправился со своими дневниками, указана им самим: «Все это было плохо не только потому, что – убого стилистически или малосодержательно, нет. Потому что *неверно* (курсив автора – М. Г.), именно “без начала и конца”, неизвестно – во имя чего. Господи, когда я вспомню, с какими мучениями пройден начальный путь <...> и сравню с тем, как стало теперь (литература – то же, что умыванье по утрам, прогулка, сон – естественная необходимость!), я сам себе кажусь другим. И хорошо было бы иногда поближе увидеть себя таким, каким я был пятнадцать лет назад <...>».

В самой этой форме – дневник – т.е. – записки для себя, впрок, на какой-то случай (смерти?) – что-то фальшивое. Ведь никогда я не спрашиваю себя – зачем пишу роман? А тут так и хочется оправдаться»⁸⁸. Эти размышления свидетельствуют о том, насколько остро воспринималась К. А. Фединым

⁸⁶ Федин К.А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12 : Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 25.

⁸⁷ Впервые опубликовано: Федин К. А. Из трех ленинградских дневников. 1920–1921 годы / публ. Н. К. Фединой и В. В. Перхина, коммент. В. В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4. С. 139–158.

⁸⁸ Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 25–26.

проблема необходимости выражения авторского сознания в нелитературных текстах.

К теме значения дневников и важности их ведения для писателя, влияния дневников на творческий процесс К. А. Федина обращался неоднократно. 19 октября 1929 года он пишет: «Чувствую, как много внешнего в моих записях. Год назад я начал их, не без влияния “Дневника” А. Блока. Но писать сейчас о внутренней жизни, о своей писательской и человеческой судьбе невозможно. Отбирать же внешние факты с какой-то целесообразностью, как летописец, как фотограф – для этого я ленив, да и взгляд мой глубже проникает в незначительное, малое, личное, нежели в явления... потусторонние. И еще: нигде, кроме романа, не в силах я писать в полную меру своего голоса, и скучнее моих писем, записок, дневников – может ли быть что-нибудь на всем свете? Я вдруг чувствую казенную обязательность моих писаний, скудность языка, а сквозь них – никчемность всей этой тетрадки, всей затеи повторяющейся каждые три-четыре года. Не пора ли уже отправить эти записки следом за прежними моими “дневниками” в печь?»⁸⁹

В 1928 году в «Издательстве писателей в Ленинграде» (ИПЛ) впервые был опубликован весь комплекс дневников А. А. Блока под редакцией П. Н. Медведева. К. А. Федин, находящийся на посту председателя Правления ИПЛ, также принимал горячее участие в продвижении этой книги в план издательства. Во многом эта заинтересованность определялась тем значением, которое А. А. Блок имел для К. А. Федина, ведь авторитетность имени поэта он никогда не подвергал переоценке. Известно, что А. А. Блок уничтожил свои ранние дневники 1898–1900 годов. 17 октября 1911 года поэт возобновляет систематическое ведение дневника: «Писать дневник, или, по крайней мере, делать от времени до времени заметки о самом существенном, надо всем нам. Весьма вероятно, что наше время – великое и что именно мы стоим в центре

⁸⁹ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 43.

жизни, т. е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки»⁹⁰. К. А. Федин так же, как и А. А. Блок, не смог бросить вести дневник: записи в нем становились важным средством самоанализа, проявления и фиксации жизненных и творческих переживаний.

У литературоведов, занимающихся творчеством К. А. Фебина, существует уверенность в том, что дневники писателя хорошо известны, поскольку они были изданы в 12 томе собрания сочинений в 1986 году. Между тем сегодня ситуация видится несколько иной. Дневники периода 1928–1968 годов были подготовлены и прокомментированы Н. К. Фебиной и А. Н. Старковым. Эта публикация была сделана с большими купюрами, так как многие записи, расходившиеся с общепринятой оценкой событий в контексте общественно-политической жизни нашей страны, были «непроходимы» в печати. К тому же, как нам кажется, большую роль сыграли внутренняя цензура лиц, работавших над составлением текста и комментариев, и их видение последствий обнародования тех или иных фактов в отношении ряда исторических и литературных личностей⁹¹. Только к 100-летию писателя неопубликованные фрагменты дневников 1920–1930-х годов были обнародованы в журнале «Русская литература»⁹². Немного позже там же

⁹⁰ Дневник Ал. Блока. 1911–1913 / под ред. П. Н. Медведева. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. С. 17.

⁹¹ См. об этом: Григорьева М. В. Этика и цензура: что скрывается за купюрами в опубликованных дневниках К. А. Фебина конца 1945 – начала 1946 года // Серапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества: материалы Всероссийской науч. конф. / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева, сост. Д. А. Слюзова. Саратов: Наука, 2021. С. 151–157.

⁹² Фебин К. А. Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / публ. Н. К. Фебиной и В. В. Перхина, коммент. В. В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4. С. 137–164; Неопубликованные дневники К. А. Фебина 20–30-х годов / публ. Н. К. Фебиной, Н. А. Сломовой, примеч. А. Н. Старкова // Русская литература. 1992. № 4. С. 164–181. Большие ранее неизвестные фрагменты приводятся также в публикации: Кабанова И. Э. Проблема творческой свободы и самоцензуры (по дневникам К. А. Фебина конца 1920 – начала 30-х годов) // Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецкой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С. 242–254.

были напечатаны неизвестные ранее записи 1940-х годов⁹³. Дневники более позднего периода полностью не опубликованы, и их еще предстоит подробно изучить, хотя уже при первом сравнении опубликованного варианта с подлинниками, хранящимися в РГАЛИ (Фонд 1817. Оп. 3), становится ясно, что объем оригинального рукописного текста в несколько раз больше того, что вошел в собрание сочинений.

Дневниковые записи времен активной жизни литературного сообщества «Серapiоновы братья» в цельности до нас не дошли. Сохранились только отдельные страницы, написанные в 1920–1921 годах, с записями о знакомстве и общении с М. Горьким. Но на этих листах уцелели фрагменты, свидетельствующие о начале знакомства К. А. Федина с серapiонами. Эти материалы дают нам возможность восполнения фактографических лакун в истории содружества. Именно установлению или восстановлению фактической стороны взаимоотношений К. А. Федина и серapiонов в основном посвящена предлагаемая глава. Так, из частично сохранившейся фразы на оборванном листе мы можем более точно установить время вхождения К. А. Федина в группу: «... <Слонимский – М.Г.> распростертыми объятиями принимает меня в лоно серapiонов, с гордостью констатируя, что все серapiоны, принимавшие участие в конкурсе, удостоились премии»⁹⁴. Точную датировку этого фрагмента мы определить не можем, но предыдущая и последующие записи сделаны 24 апреля и 8 мая 1921 года соответственно. В собрании сочинений писателя в разделе «Основные даты жизни и творчества» указано, что К. А. Федин входит в группу в феврале 1921 года, в других источниках – в конце февраля – начале марта⁹⁵, в

⁹³ Неопубликованные дневники К. А. Федина 40-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. Н. А. Сломовой // Русская литература. 1998. № 1. С. 119–129.

⁹⁴ Федин К. А. Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / публ. Н. К. Фединой и В. В. Перхина, коммент. В. В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4. С.157.

⁹⁵ Федин К. А. Письмо С. М. Лубэ. [1956]. Черновой автограф // ГМФ 18501.

марте⁹⁶ или весной. Но, исходя из приведенного фрагмента, можно достаточно точно установить момент принятия К. А. Федина в ряды серапионов. В этом первом сохранившемся упоминании сразу же находит отражение и важное событие в литературной биографии писателя – получение первой премии на конкурсе Дома литераторов с рассказом «Сад».

Некоторые упоминания о серапионах мы находим в описаниях вечеров у М. Горького. Из них мы узнаем первую устную оценку М. Горьким начинающих литераторов. К. А. Федин записывает ее дословно: «Хорошо будет писать Лунц, Зощенко тоже будет писать. Никитин – тот чересчур литератор. Тот будет долго писать под Замятина, потом под Ремизова, потом еще под кого-нибудь... А всех их вместе взятых побьет Всеволод Иванов. Это – большой писатель, большой...»⁹⁷ Тут же приведены и фразы М. Горького, свидетельствующие о его заботливом отношении к серапионам: «Эту группу я особенно близко к сердцу принимаю. Надо ее спасти, сохранить во что бы то ни стало»⁹⁸.

Для дневников К. А. Федина ранних лет были характерны записи, свидетельствующие о группе как объединении, без акцентирования внимания на отдельных участниках. В его представлении важной составляющей этого содружества молодых писателей была общественная жизнь. Многие моменты жизни группы отмечены информативно, без авторских размышлений, но являются фактическим свидетельством истории объединения молодых писателей. Такова краткая недатированная запись о предложении частного издательства «Алконост» выпустить альманах Серапионовых братьев. Он стал единственным общим сборником⁹⁹, вышедшим при жизни Серапионов¹⁰⁰. Там были напечатаны

⁹⁶ Так К. А. Федин указал в комментариях к машинописным копиям писем к нему М. Горького, которые он готовил к сдаче в Архив М. Горького при ИМЛИ // ГМФ 48530.

⁹⁷ Федин К. А. Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / публ. Н. К. Феединой и В. В. Перхина, коммент. В. В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4. С. 157.

⁹⁸ Там же. С. 158.

⁹⁹ Серапионовы братья. Альманах первый. СПб. : Алконост, 1922. 125 с.

следующие произведения: М. М. Зощенко «Виктория Казимировна»; Л. Н. Лунц «В пустыне»; Вс. В. Иванов «Синий зверюшка»; М. Л. Слонимский «Дикий»; Н. Н. Никитин «Дэзи»; К. А. Федин «Песнь души»; В. А. Каверин «Хроника города Лейпцига за 18... год». Кроме того, на страницах дневника кратко дана информация о литературных вечерах с участием серапионов: «19-го – первый вечер Серап<ионовых> бр<атьев> в Доме иск<усств>. Я читаю (еще неоконченный) рассказ – “Конец мира”. В вечере – М. Слонимский, Вс. Иванов, В. Зильбер. Второй вечер 26-го». Объединяющим элементом встреч стали вступительные слова В. Б. Шкловского, а сами серапионы разделились: в первом вечере принимали участие К. Федин («Конец мира»), М. Слонимский («Дикий»), Вс. Иванов («Синий зверюшка»), В. Зильбер (В. Каверин) («Хроника города Лейпцига»); во втором – Е. Полонская (стихи), Н. Радищев (Н. Чуковский) (стихи), М. Зощенко «Рыбья самка», Н. Никитин («Мокей»), Л. Лунц («В пустыне»). Подробно о том, как проходили эти выступления, мы узнаем из статьи серапиона И. А. Груздева «Кружок новых писателей», напечатанной в разделе «Хроника. Литературная жизнь» журнала «Книга и революция»¹⁰¹.

В дневниковой тетради, охватывающей период с 1928 по 1935 годы¹⁰², сохранился фрагмент рабочих набросков – возможного предисловия к сборнику повестей и рассказов. В них К. А. Федин, анализируя сделанное им в литературе, упоминает период до 1925 года как «эпоху сплоч<енной> работы серапионов». Одновременно в этих размышлениях он подчеркивает свою дистанцированность от товарищей по группе, поясняя, что, хотя и является советским литератором с общественным темпераментом и живой связью с действительностью, но воспитан

¹⁰⁰ По инициативе М. Горького предполагалось издание зарубежного альманаха Серапионовых братьев. Горький стал главным редактором, отобрал произведения и написал предисловие. Однако по ряду причин издание не было осуществлено. Обнаружено в архиве г. Хельсинки в 2009 г. Впервые напечатано: Серапионовы братья. 1921: Альманах. СПб. : Лимбус-Пресс, 2013. 448 с.

¹⁰¹ Груздев И. А. Кружок новых писателей // Книга и революция. 1922. № 3 (15). С. 110–111.

¹⁰² РГАЛИ Ф. 1817. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 1–103.

старой дореволюционной школой. «Они (расск<азы>) характерны в том отн<ошении>, что показ<ывают>, насколько дифференцированно следует оценивать работу серап<ионов>, обычно признаваемой формалистск<ой>. – Я – реалист, критич<еской> реалист<ической> традиц<ии?>»¹⁰³. Осознание индивидуального, самобытного, отличного от других участников группы пути в литературе значимо для К. А. Федина, и это не раз будет подчеркиваться писателем.

Вместе с тем мотив литературных связей, возникающих или уже закрепленных, с другими литературными группами, объединениями, творческими союзами, для К. А. Федина был также значим. Известно, что Серапионовы братья имели постоянные личные и творческие отношения с представителями формальной школы в литературоведении. Теоретические искания формалистов были восприняты серапионами с разной степенью вовлеченности, но оценивались как остро актуальные всеми членами группы. К. А. Федин в книге воспоминаний «Горький среди нас» так описывал свои впечатления от серапионовских собраний: «Здесь говорилось о произведениях, как о “вещах”. Вещи “делались”. Они могли быть сделаны хорошо или сделаны плохо. <...> Для делания вещей существовали приемы»¹⁰⁴. Это наблюдение находит свое продолжение в дальнейших воспоминаниях: «<...> (серапионы – М.Г.) были намерены изучать законы литературы, и вопрос о том, существуют ли они, как таковые, – можно ли рассматривать как сделано произведение, в независимости от того, какому содержанию оно посвящено, – этот вопрос на всякие лады поднимался многие годы подряд»¹⁰⁵.

Важной для К. А. Федина темой становится сама история Братства. Сближения и разногласия, воспоминания о прекрасных совместных заседаниях и посиделках и отчуждение серапионов друг от друга – все это становится

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас. Шаг за шагом. С. 68.

¹⁰⁵ Там же. С. 72.

импульсом для размышлений о причинах разлада в группе, а потом и ее распада. С 1929 года в дневниках можно найти упоминания о праздновании годовщин образования Серапионова братства. К этому времени группа считалась уже прекратившей свое активное существование, конец ее связывали со смертью в 1924 году одного из организаторов и главного идейного вдохновителя Братства – Льва Лунца. В записи от 3 февраля 1929 года Федин не просто дает внешнюю обрисовку этого вечера, он фиксирует витающее в воздухе, но не высказанное вслух участниками ощущение бесповоротного отдаления: «Первого – годовщина серапионов. Как ни традиционен этот день, было внезапно весело и молодо. Обычные гости – формалисты и даже Шкловский в числе них – не мешали и, кажется, веселились вместе с нами. Правда, ни слова о серьезных вопросах, ни одного повода к столкновению. Вероятно, не без умысла: чувство какого-то окончательного раздела помешало возникнуть спорам, хотя бы в начале вечера, и внутренне все были рады, что встреча протекла на пустяках. Была “стенная газета”, злая и остроумная (Зощенко, Тихонов, Каверин), было “кино”, поставленное Шварцем, с участием многих из серапионов и Форш. Шварц был в ударе и “кино” прошло блестяще, как во времена Лунца, в Доме Искусств.

Но вот теперь Слонимского попросили написать статью о серапионах, и он кается мне в том, что писать не о чем, что говорить правду – значит признать распад, а не признавать его – значит лгать. Ничего не остается делать, как вспомнить прошлое и помянуть лишний раз покойника Лунца. Он умер “символически” – говорит Слонимский – в начале развала серапионов, и унес с собою наше “единство”. Вероятно, это так»¹⁰⁶.

Ранний уход из жизни Л. Н. Лунца был, скорее всего, одной из главных внутренних причин распада. Как утверждает Е. Лемминг: «Смерть Льва Лунца и впрямь знаменовала конец культурной эпохи. Братство переродилось в

¹⁰⁶ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 35.

литературный кооператив, общность духовная сменилась общностью деловых интересов»¹⁰⁷.

Между тем во второй половине 1929 года возникает попытка возрождения серапионов на базе Издательства писателей в Ленинграде (ИПЛ). Серапионы во главе с К. А. Фединым и М. Л. Слонимским еще в 1926 году после закрытия серапионовского альманаха «Ковш» стали хлопотать о создании собственного издательства на внегрупповой основе. Планировалось, что книгоиздательство, председателем правления которого был избран К. А. Федин, будет ориентироваться на выпуск книг современных прозаиков и поэтов, критической и мемуарной литературы. Документальную историю работы издательства изучали Н. П. Лавров, Т. М. Таллерчик¹⁰⁸, Е. В. Наумова¹⁰⁹, Т. А. Кукушкина¹¹⁰, И. Э. Кабанова, А. С. Касович, Е. В. Познякова¹¹¹, Т. Б. Семенова¹¹² и другие. Однако из личных записей К. А. Федина мы в полной мере узнаем о тех внутренних побудительных мотивах, которые двигали основателями ИПЛ. 27 июня 1929 года К. А. Федин фиксирует в дневнике уже высказанное в письме М. Л. Слонимскому предложение вести работу издательства так, чтобы оно стало естественным литературным центром в Ленинграде. Для этого, считал

¹⁰⁷ Лемминг Е. <Вступительная статья> // «Серапионовы братья» в зеркалах переписки. М. : Аграф, 2004. С. 6.

¹⁰⁸ Лавров Н. П., Таллерчик Т. М. Издательство писателей в Ленинграде (1928–1934) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 36. М. : Книга, 1978. С. 92–103.

¹⁰⁹ Наумова Е. В. «Издательство писателей в Ленинграде» – предтеча ленинградской редакции «Советского писателя» // Триста лет печати Санкт-Петербурга: Материалы междунар. науч. конф. СПб. : ГМИСПб, 2011. С. 204–211.

¹¹⁰ Кукушкина Т. А. «Издательство писателей в Ленинграде»: последняя институция попутничества // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К. А. Федина. Сб. науч. статей. Саратов : Наука, 2018. С. 339–347; Кукушкина Т. А. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» (1927–1934): неизвестные эпизоды // Русская литература. 2020. № 2. С. 170–182.

¹¹¹ Кабанова И. Э., Касович А. С., Познякова Е. В. Константин Федин. Портрет издателя // Вопросы литературы. 2018. Март–апрель. С. 92–126.

¹¹² Семенова Т. Б. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» // Константин Федин и его современники / Фединские чтения. Вып. 5. Саратов : Наука, 2013. С. 150–164.

К. А. Федин, нужно сплоченное руководство издательством именно серапионовской группой в противовес фракции формалистов. «Наша задача, – писал К. А. Федин, – должна быть аналогичной задаче “старых” серапионов: мы – содружество, мы – общество, но мы не школа»¹¹³. Как видим, К. А. Федин искренне стремился продлить жизнь серапионов, вдохнуть их идеи в работу нового объединения.

По частоте возникающих на страницах рефлексий мы замечаем, что для К. А. Фебина было не просто важным, а «вдохновляющим» то обстоятельство, что на базе ИПЛ возможно возрождение серапионов. 15 июля 1929 года К. А. Федин воспроизводит в дневнике большой фрагмент письма М. Л. Слонимского о работе издательства, подчеркивая таким образом, насколько точно эти слова отражают и его собственные настроения: «<...> иллюзию серапионовского братства надо сохранять. Бездарно и грубо ставить последнюю точку, ибо я убежден, что серапионовский дух – это лучшее, что есть в каждом из нас. В конце концов, это бескорыстный, “идейный” интерес к искусству, без суетных мыслей о гонораре, славе и прочих отличных вещах. Если этого “духа” лишиться – то надо откровенно и прямо стать Лидиным или Слезкиным. Даже Никитин становится хорошим человеком, когда говорит о серапионах. <...> Но о возрождении серапионов в прежнем виде нечего и говорить. Надо только бережно охранять то, что еще живо, и для этого воспользоваться нашим издательством»¹¹⁴.

Тема воскрешения содружества усиливается в дневниковой записи от 24 ноября 1929 года: «За истекшие две недели самое главное – возрождение Серапионова братства. Вчера первое “исполнительное” заседание у Никитина. Читал Зощенко – “Сирень цветет” и маленькие рассказы. Единодушие полное. Перед этим – неделю назад – организационное собрание у меня, <...> На этом

¹¹³ Федин К. А. Письмо М. Л. Слонимскому. 24 июня 1929 г. // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 401–402.

¹¹⁴ Слонимский М. Л. Письмо К. А. Федину. 30 июня 1929 г. // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 408.

собрании отыскана “база” для реставрации: борьба за качество литературы, т.е. то же, что нас объединяло и девять лет назад¹¹⁵. Разногласия общественные, тактические остаются в стороне. Работа снова переносится в формальную плоскость, и здесь группировка сил остается неизменной и, конечно, неминуемо должна привести к новому распаду»¹¹⁶. Несмотря на всеобщий душевный подъем, принятое на собрании решение выпустить альманах с участием всех серапионов так и осталось нереализованным. Далее К. А. Федин пишет о том, что деятельность современных литературных организаций свелась к голой политике и бюрократии, а «все стосковались по писательской работе и писательскому общению»¹¹⁷. Ностальгически, с отсылкой к ранним годам серапионов звучит упоминание о том, что в среде «попутчиков» затевается новое, чисто литературное движение – группа «Современники», куда войдут О. Д. Форш, М. Э. Козаков и др. – как противовес всей общественной деятельности.

Обращаясь 2 февраля 1930 года к девятилетию Братства, К. А. Федин подчеркивает, что празднование проходит совсем по-другому: «Вчера годовщина серапионов, без гостей, у Груздева. Всеволод не приехал»¹¹⁸. Это подавленное настроение ощущается и в продолжении рукописи: «Сравнительное бытовое благополучие, в котором я живу, случайно. Нормально в наше время другое:

¹¹⁵ Сравним: «Искусству же нужна идеология художественная, а не тенденциозная, подобно тому, как государственной власти нужна агитация открытая, а не замаскированная плохой литературой» (Ответ «Серапионовых братьев» Сергею Городецкому // Жизнь искусства. 1922. 28 марта). Или в автобиографии Л. Н. Лунца «Почему мы Серапионовы Братья», задуманной как манифест группы (но не признанным таковым остальными членами братства): «<...> мы требуем одного: произведение должно быть органичным, реальным, жить своей особой жизнью. Своей особой жизнью. Не быть копией с натуры, а жить наравне с природой <...> Мы верим, что литературные химеры особая реальность, и мы не хотим утилитаризма. Мы пишем не для пропаганды. Искусство реально, как сама жизнь. И, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует потому, что не может не существовать» (Литературные записки. 1922. № 3. С. 31).

¹¹⁶ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 43–44.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Ед.хр. 2.

несчастье, неблагополучие, арест, ссылка. Поэтому я всегда и ко всему готов. Это дает некоторое внутреннее равновесие...<...>

Неприменно и в самом недалеком будущем должен начаться поход на наше издательство. Мы стали анахронизмом»¹¹⁹. К. А. Федин с его чуткостью к подтекстам, к несказанному слову, к незначительным знакам одним из первых почувствовал слом эпох, начало новых отношений между властью и литераторами, изменение статуса самой литературы. В 1920–30-е годы история давления власти на развитие отечественной литературы только набирала обороты. И впереди было еще немало сломленных судеб литераторов и деятелей искусства и культуры. Некоторые из таких историй также нашли отражение на страницах фединских дневников.

Напряженная обстановка не только в отношении ИПЛ, но и в литературных кругах в целом стала особенно ощутимой с 1929 года, когда прошли печально знаменитые перевыборы в правление Всероссийского Союза писателей (ВСП). Понимая всю остроту сложившейся ситуации, К. А. Федин писал о важности и необходимости сохранения издательства: «... никогда еще за десять лет работы (скажем – за восемь, с момента возникновения серапионов) не было у нас настолько реальных возможностей для литературной “деятельности”, насколько создались они *теперь* (здесь и далее в цитате курсив автора – М.Г.), никогда обстоятельства не благоприятствовали нам так, как сейчас. Почти все писатели и всегда боролись за “свой” журнал, за “свое” издательство, и редко кому счастливилось в этом. А у нас издательство уже есть <...> издательство действительно *наше*, мы в нем хозяева, над нами ничего и никого, кроме цензуры, нет. Это ли не благодать?»¹²⁰ Такая серапионовская платформа «аполитичности» и «сплочения» оказалась перед лицом сложных испытаний. Судьба издательства была predetermined: в преддверии создания единого Союза писателей СССР

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ При публикации письма в Собрании сочинений К. А. Федина этот фрагмент был приведен в купированном виде.

было принято решение об объединении не только писателей, но и издательств. Летом 1934 года ИПЛ было ликвидировано в связи с созданием единого кооперативного издательства «Советский писатель» на базе Московского и Ленинградского товариществ писателей. Вырезка из газеты «Правда» от 31 июля 1934 года с заметкой «Создается единое кооперативное издательство писателей» сохранилась в архиве К. А. Федина вместе с письмом секретаря ИПЛ З. А. Никитиной. Примечательно, что на конверте этого письма, где она сообщает о приезде комиссии по слиянию, есть надпись К. А. Федина «Конец издательства» и сделанный им рисунок надгробия с крестом¹²¹.

Интересно, что одним из неперенных условий успешной деятельности издательства, по мнению К. А. Федина, была организация выпусков «Дневника писателя». Об этом замысле К. А. Федин упоминает в письме Б. Л. Пастернаку в декабре 1929 года: «По мысли Издательства “дневник” должен представлять собою сборник совершенно особого типа. Это будет книга, объединенная не какой-нибудь одной узкой литературной или общественной темой, но собрание записей писателей-современников о явлениях нашей эпохи, преломленных в индивидуальном сознании каждого участника»¹²². К участию в альманахе планировалось привлечь Е. И. Замятина, М. М. Зощенко, Вс. В. Иванова, В. А. Каверина, М. Э. Козакова, Б. А. Лавренева, Л. Н. Леонова, Н. Н. Никитина, Б. Л. Пастернака, Б. А. Пильняка, С. А. Семенова, М. Л. Слонимского, Н. С. Тихонова, К. А. Федина, О. Д. Форш, Б. М. Эйхенбаума и др. Этот проект так и остался неосуществленным. Хотя замысел нашел свое воплощение под другим названием: в 1930 году вышел сборник «Как мы пишем». Формально задуманный как пособие для начинающих литераторов, он стал «манифестом в духе серапионов, отрицавшим главенство идеологии в творчестве»¹²³.

¹²¹ Никитина З. А. Письмо К. А. Федину от 2 августа 1934 г. // ГМФ 39336.

¹²² Переписка К. А. Федина и Б. Л. Пастернака / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Корниенко // Федин и современники. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 179–180.

¹²³ Кабанова И. Э., Касович А. С., Познякова Е. В. Константин Федин. Портрет издателя // Вопросы литературы. 2018. Март–апрель. С. 101.

История Издательства писателей в Ленинграде в дневнике Федина перекликается еще и с описанием ситуации, сложившейся в Ленинградском отделении Всероссийского союза писателей (ЛО ВСП), которое в 1929 году оказалось в ситуации глубокого кризиса. Общее собрание ЛО ВСП 22 сентября 1929 года, которое решило дальнейшую судьбу Союза, было посвящено не только публикации в зарубежной печати повести Б. А. Пильняка «Красное дерево» и романа Е. И. Замятина «Мы», но и более общим вопросам. Основной задачей стало переизбрание нового правления по примеру московской организации, где в состав руководства вошли люди, способные выполнить предписанные партией реформы. Кроме этого было решено осуществить перерегистрацию членов ЛО ВСП, а на самом деле – провести серьезную «чистку» в рядах ленинградских писателей. История возникновения Всероссийского союза писателей и разные аспекты его деятельности изучались многими исследователями¹²⁴. На страницах дневника К. А. Федина мы находим описание ситуации, связанной именно с выбором серапиона М. Л. Слонимского председателем нового Правления: «Слонимский, вернувшись с юга и оказавшись на посту председателя Союза, прибежал ко мне за советом: как сделать, чтобы безболезненно расстаться с этим постом? Милый друг, безболезненно ничего на этом свете не происходит! Даже Каверин чувствует какую-то боль и вынужден заглаживать свою мальчишескую вину объяснениями со мной по поводу своей “оппозиции”. На днях он уверял меня, что “теперь понял, что литературные разногласия нельзя выносить на общее обозрение, ибо в нашей обстановке все расценивается политически, и каждый удар в товарища оборачивается ударом в самого себя”. Где уж Слонимскому, человеку, который мечется между Замятиным и Либединским? Тут будет

¹²⁴ Галушкин А. Ю. Из истории «литературной коллективизации» // *Russian Studies = Etudes Russes = Russische Forschungen*. 1996. № 2. С. 437–478; Кукушкина Т. А. Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности // *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2201 год*. СПб., 2006. С. 114–115; Коновалова Л. Ю. Позиция Ленинградского отдела Всероссийского союза писателей в «Деле Б. Н. Пильняка и Е. И. Замятина» // *Эпоха «Великого перелома» в истории культуры*. Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 252–260.

сплошная боль, нескончаемые метания, и лучше сразу кончать с “болью”, нежели “безболезненно” обманывать себя. Либединский сказал обо мне: “Федин спрятался в нору и зализывает раны” (я никуда не хожу). Это верно»¹²⁵. В одном абзаце были расставлены акценты и на выборе М. Л. Слонимского присоединиться, как иронично писал К. А. Федин, «к самой лучшей и передовой части Союза»¹²⁶, и на выступлении В. А. Каверина с оценкой поступков Е. И. Замятина и Б. А. Пильняка как «политического двурушничества»¹²⁷. 27 марта 1931 года в дневнике отражено описание собрания пайщиков ИПЛ, на котором Е. И. Замятин подал заявление об уходе из товарищества, как пишет К. А. Федин, «по той причине, что привлекаемые (по неизбежности) в Правление пролетарские писатели <...> поставили условием своего вхождения уход Замятина. “Условие это было принято, как я о том был уведомлен М. Л. Слонимским” <...> Я говорил об этом на заседании и – вместе с другими членами правления – просил Замятина взять заявление обратно»¹²⁸. И следом – неожиданное даже для самого К. А. Федина – поведение одного из серапионов: «Замечательно, что во время обсуждения ни звуком не обмолвились ни Тихонов, ни Тынянов. Попыхивая трубочкой, с таинственной сосредоточенностью туркмена сидел Николай и с видом задумавшегося Меламеда склонил голову Тынянов»¹²⁹. Заметим, что впоследствии на страницах дневников проскальзывают

¹²⁵ Неопубликованные дневники К. А. Федина 20–30-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. А. Н. Старкова // Русская литература. 1992. № 4. С. 171.

¹²⁶ Федин К. А. Письмо М. Л. Слонимскому. 19 сентября 1929 // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 412.

¹²⁷ Цит. по: Кукушкина Т. А. Замятин в Правлении Всероссийского союза писателей (Петроградский и Ленинградский отдел) // Е. И. Замятин: pro et contra, антология / сост. О. В. Богдановой, М. Ю. Любимовой, вступ. ст. Е. Б. Скороспеловой. СПб. : НП МОНО «Апостольский город – Невская перспектива», 2014. С. 120.

¹²⁸ Неопубликованные дневники К. А. Федина 20–30-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. А. Н. Старкова // Русская литература. 1992. № 4. С. 175.

¹²⁹ Там же.

двузначные эпитеты в отношении Н. С. Тихонова: «самолюбец», «человек частностей», «седоволосая лиса».

М. Л. Слонимский неоднократно уговаривал К. А. Федина снова войти в правление Всероссийского союза советских писателей (ВССП). «Издерган (Слонимский – М. Г.), устал. Очень раздражается, когда ему говоришь, что он многого не понимает. “Гамбургский счет” его продолжает падать, он не замечает этого, даже – как будто – доволен, что выступает в парад-алле и арбитр нет-нет одобрит какое-нибудь его *tourdetéte*¹³⁰»¹³¹. В 1932 году ситуация получает продолжение. В записи от 12 февраля – возможно, навеянной недавно минувшей годовщиной Серапионовых братьев – К. А. Федин записывает эпиграмму, в которой обыгрывается литературный путь М. Л. Слонимского:

«Про Мишеньку болтают зря:

Пошел-де он проспектом Октября.

Вот объяснение трудов его эффекта:

Не может он свернуть со Среднего Проспекта»¹³².

К. А. Федин соединяет в коротком стихотворении Проспект Октября – аллегория на то, что М. Л. Слонимский подстраивался под политические требования власти – и название написанной им повести «Средний проспект» (1927).

Спустя полгода К. А. Федин с такой же снисходительной иронией и насмешкой описывает желание запутавшегося М. Л. Слонимского получить одобрение и поддержку бывших собратьев по перу. «Десять дней гостил М. Слонимский, живя в одном со мной пансионе. Приезд его сюда главной целью имел свидание со мною. Смысл долгих жалоб, разговоров и сплетен состоял в том, чтобы заручиться приятельским моим отношением к себе на случай

¹³⁰ Поворот головы (фр.)

¹³¹ Неопубликованные дневники К. А. Федина 20–30-х годов / публ. Н. К. Феединой, Н. А. Сломовой, примеч. А. Н. Старкова // Русская литература. 1992. № 4. С. 175.

¹³² РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Ед.хр. 4.

действительно серьезной перемены в литературной обстановке. Падение РАППа на деле оказывается падением руководящих рапповцев. А т<ак> к<ак> Мишенька связан был с ними на живот и на смерть, то ему угрожает катастрофа – на него опрокидываются все те, кто так или иначе преследовался РАППом, на нем вымещаются всяческие обиды, оскорбления etc. Рапповцы уже не в силах оказать существенной поддержки своим “союзникам”, да и сами “союзники” ныне упразднены за упразднением РАППа. В лучшем случае, на “союзниках” делается политика: приняв позу невинно пострадавших, рапповцы сочувственно указывают на бывших своих “союзников”: смотрите-де, как их травят, как их гонят! – Это – “поднимают голову, наглеют правые элементы” (понимай: за отсутствием стража партийной политики – РАППа!). Но помочь Слонимским с е й ч а с (выделено автором – М. Г.) могут только самые простые и смертные “попутчики”»¹³³. К. А. Федин задается вопросом, почему именно его М. Л. Слонимский выбрал опорой и охранителем, и сам же отвечает: «Потому что меня пытаются противопоставить ему; пробуют изолировать его, распуслав слух о моей ссоре с ним; теперь, когда он лишился защиты слева – лишить его всякой поддержки “справа”. Формалисты (Тынянов–Каверин с подголосками) предают его остракизму. Большинство старого союза писателей не доверяет ему. Седоволосая лиса Тихонов молчит крепче, чем обычно: он дружен со всеми, читает путешествия и восхищается великими открытиями. Груздев педантически копается в регистраторе старых грехов Сл<оним>ского и “ничего не прощает”. С ним, конечно, старуха Форш. Словом: Миша один. Три года назад я предрекал ему этот горький час. Он был сейчас так жалок – бедный бэби – что я ему даже не напомнил о лете, об осени 1929-го года. Пусть ему это будет утешением.

Но беда в том, что бэби чересчур много напроказил, набедокурил, нашалил! Он позволял себе, за прошлый год, такие шутки, которые могли стоить даже жизни – не ему, конечно, а его близким! <...>

¹³³ Федин К. А. Дневниковая запись от 16 июля 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Ед.хр. 4.

Невинные люди не оправдываются с таким усердием, с каким это делал все 10 дней Сл<онимский>. Но мало этого. Он упрямо добивался моих “распоряжений” относительно изд<атель>ства, моего, как он выражался, “наказа”. Ему чрезвычайно важно, приехав домой, говорить от моего имени. <...>

Я не дал ему никакого “наказа”. Я сказал ему: любите друг друга, аминь. И еще: я болен, я не буду работать ни в изд<атель>стве, ни в новом союзе. Аминь, аминь...

Я даже немножко распух от того короба сплетен и склок, которые привез Сл<онимский>. Мы обогнали Москву, куда ей, старухе! У нас такая вонь, что не отплюёшься»¹³⁴.

1930–1932 годы в работе Ленинградского отделения Всероссийского союза советских писателей (ВССП) были посвящены подготовке к Первой Всероссийской конференции советских писателей. Она задумывалась как своеобразный смотр и отчет, призванный продемонстрировать единство советских писателей и переход от попутничества к активному строительству социалистического общества. Сроки конференции неоднократно переносились в связи с организационными изменениями как в ленинградском отделении, так и московском, и она так и не была проведена. Деятельность ВССП фактически была прекращена в 1932 году на пороге создания единого Союза советских писателей.

Сообщенные К. А. Фединым перипетии не только детализируют портрет одного из серапионов, но в броской художественно отделанной форме сообщают взгляды писателя на происходящее. Болезненный процесс перестройки литературных организаций получает в дневниковой записи К. А. Федина оформленный отклик одного из активных участников событий, делает эти события более объемными, учитывая еще один неожиданный ракурс подачи важнейшего этапа в литературной жизни России.

В дневниках К. А. Федина находим оценки и других писателей-серапионов. Так, полностью¹³⁵ не публиковались записи К. А. Федина 1943 года, дающие

¹³⁴ Там же.

краткое описание истории с выходом в печати книги одного из Серапионовых братьев – М. М. Зощенко. После того, как первые части его повести «Перед восходом солнца» появились в журнале «Октябрь»¹³⁶, на писателя началась организованная травля. Книгу характеризовали как пошлое, политически вредное и антихудожественное произведение. Такие оценки встречались как в официальных постановлениях секретариата ЦК ВКП(б), так и на страницах печатных изданий. Запись в дневнике К. А. Федина от 3 декабря 1943 года кратко передает содержание его встречи с М. М. Зощенко: «Был у Зощенки. Старается быть бодрим. Говорит, звонил Фадеев, сказал, что “придется (подчеркнуто автором – М. Г.) осудить” (“Перед восходом солнца”) и просил дать рукопись, так как не знает еще, что именно “придется осудить” – не читал!»¹³⁷ Продолжается запись рассказом о ситуации в редакции журнала: «В “Октябре”. Редакторша с грустью ожидает “разбора” Зощенки в Союзе. Будет каяться»¹³⁸. На разгромном собрании в Союзе писателей Федин не присутствовал, но после пишет: «О Зощенке в Союзе рассказали: в защиту выступила одна Ольга Форш, остальные изобразили негодование. Ругал Шкловский, до того расхваливавший “Перед восх<одом> солнца” мне (по телефону) и самому Зощенке»¹³⁹. К осуждающим тогда присоединился и серапион Н. С. Тихонов: «Повесть Зощенко – явление глубоко чуждое духу, характеру советской литературы. В этой повести действительность показана с обывательской точки зрения – уродливо искаженной, опошленной, на первый план выдвинута мелкая возня субъективных чувств»¹⁴⁰. Надо обязательно упомянуть о том, что в 1944 году Н. С. Тихонов

¹³⁵ Частично были приведены Т. А. Кукушкиной во вступительной статье к публикации переписки К. А. Федина и М. М. Зощенко // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 333.

¹³⁶ Зощенко М. Перед восходом солнца // Октябрь. 1943. № 6/7. С. 58–96; № 8/9. С. 103–133.

¹³⁷ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Ед.хр. 7.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Тихонов Н. С. Отечественная война и литература // Новый мир. 1944. № 1/2. С. 186.

также присоединился к осуждающим К. А. Федина за его книгу воспоминаний «Горький среди нас». Об этом К. А. Федин пишет в дневнике 11 сентября 1944 года: «Груздев рассказывает: Тихонов пришел к нему читать свою статью обо мне. Груздев разъясняет ее несостоятельность. Смущение. А потом... потом все-таки она прочитывается на судилище и самые несправедливые и шулерские передержки из нее печатаются в газете. Приход Николая к Груздеву очень выразителен: совесть мешала ему порочить меня, но он подавил совесть и твердо пошел по избранному пути, выполняя требуемую программу: не делать ничего, что отличало бы его от хористов»¹⁴¹.

К. А. Федин не дает прямой оценки повести М. М. Зощенко ни где-либо в печати, ни в личных дневниках. Однако тон записей, пусть кратких, но частых, делает возможным понять, что он по-прежнему относился к М. М. Зощенко с большой симпатией: «Хожу с Зощенкой, он рассказывает, как было с ним», «Хороший разговор о Зощенке». В упоминаниях о неоднократном выселении-заселении М. М. Зощенко из гостиницы «Москва» в 1943 году сам К. А. Федин находит трагикомическую переключку с записанным 4 октября 1930 года случаем: «Он (М. М. Зощенко – М. Г.) живет в жакте имени Горького. Его вознамерились “уплотнить” – вселить к нему в квартиру посторонних людей. Он взмолился. Жакт остался нем к его мольбам. Тогда Зощенко пожаловался... Горькому. Тем временем в квартиру въехали новые жильцы. Вдруг в жакт приходит письмо от Горького. Он пишет, что ему очень приятно, что жакту присвоено его имя, что он не знает, что такое – “жакт” и как писать это слово – с большой буквы или с маленькой, и – на всякий случай – пишет с большой. “Когда буду в Ленинграде непременно приду к вам в Красный уголок, попить чайку”. И дальше: “У вас в доме живет замечательный писатель М. М. Зощенко, очень прошу вас – не притесняйте его” и пр. и пр. Председатель жакта с письмом Горького в руках, прибегает к Зощенке, извиняется, расшаркивается. Жильцы летят вон из

¹⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Ед.хр. 7.

квартиры, весь дом в необыкновенном смятении и страхе...»¹⁴². К сожалению, ситуация 1943 года не имела такого счастливого разрешения, и гонения на писателя были продолжены дальше. История с М. М. Зощенко в дневниковой интерпретации К. А. Федина о цинизме и бесцеремонности власти рассказана в духе самого сатирика и дает представление об отношении К. А. Федина к М. М. Зощенко и о том, как К. А. Федин воспринимал советский быт и советские чиновничьи нравы в 1930–1940-е годы.

Представления К. А. Федина о серапионах, складывающиеся на страницах дневника, существенно дополнены его впечатлением о еще не законченной книге О. Д. Форш «Сумасшедший корабль» с рассказом о годах, когда в Доме искусств зарождались серапионы. О. Д. Форш была частым гостем на собраниях молодых литераторов, с охотой общалась с ними и пользовалась в этой среде уважением. К. А. Федин считал О. Д. Форш одним из литературных наставников серапионов. «Она была самоцветом, и о ней будет еще немало говорено в истории писателей первой половины нашего века, – писал К. А. Федин М. Л. Слонимскому 9 октября 1965 года. – Она исполнила искусную повивальную работу, когда мы появлялись на свет, а потом воспитывала нас своими озорными сказками»¹⁴³. Имя О. Д. Форш часто встречается на страницах дневников К. А. Федина. Он фиксирует встречи с ней, разговоры, размышляет о ее творчестве. О «Сумасшедшем корабле» К. А. Федин высказывается критически, об этом свидетельствует запись от 22 февраля 1930 года: «Разрыв между стилем и темой. Мишура острословия и анекдотов, напоминающая французов <...> Кажется, О<льга> Д<митриевна> обиделась, что я назвал ее вещь гротеском»¹⁴⁴.

¹⁴² Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 50.

¹⁴³ Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 624.

¹⁴⁴ Неопубликованные дневники К. А. Федина 20–30-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. А. Н. Старкова // Русская литература. 1992. № 4. С. 172.

Прежде чем книга была напечатана отдельным изданием¹⁴⁵, фрагменты читались автором на различных встречах и вечерах в кругу общих знакомых. К. А. Федин вспоминает один из визитов к О. Д. Форш: «Она кончает “Корабль” серапионами, которые представляются ей гомункулюсом – одна голова, отсутствие чувств, задавленных войной, голодом. Если считать самым характерным в серапионстве “каверинизм”, то характеристика верна. Меня и Всеволода Ф<орш> считает чужеродным телом в серапионстве»¹⁴⁶. К. А. Федин не принял такой литературный портрет братьев, пытаясь в споре с автором доказать несостоятельность ее позиции. 31 октября 1930 года он фиксирует свои впечатления: «Форш читала конец “Корабля”. Были Груздевы. Спор о серапионах. На следующий день Форш у меня. Ей что-то не ясно, она боится перессориться с современностью, больше всего – с серапионами. Я говорю ей, что “серапионов” нужно дифференцировать, иначе она запутается. Ведь серапионы – “единство противоречий? Нас объединило время. “Весы”, “Мусагет” с одной стороны, “Знание”, “Шиповник” – с другой жили одновременно, соседствовали. Расцвет символизма совпал с лучшей порой реализма. Точно так же случилось, что шкловитяне (мальчики Лунц и Каверин) объединились со мной и Всеволодом. Наше сожительство может быть объяснено только дедуктивно. Надо идти от общего, от времени, от эпохи. Эпоха объяснит наше “единство”. Но этого мало. Теперь уже можно оценить дифференцированных серапионов. Все вместе они послужили “мостом”, по которому литература дореволюционная общественно перешла в литературу революции. Но только немногие из них (или – из нас) послужат мостом для перехода в будущее собственно литературы, литературы, как искусства, а не как общественной функции. Тут-то и нужна дифференциация»¹⁴⁷. По свидетельству К. А. Федина, этот разговор закончился тем, что Ольга Дмитриевна, взяв у него приготовленные ей книги, пошла править

¹⁴⁵ Форш О. Д. Сумасшедший корабль. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1931.

¹⁴⁶ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 51.

¹⁴⁷ Там же. С. 51–52.

рукопись. В окончательной печатной редакции фрагмент, связанный с серапионами, явно имеет отголоски этой беседы: «Эти молодые оказались в те дни представителями почти всех форм литературы, удельный же вес каждого определился только теперь, когда некоторые из них уже накануне того, чтобы, взяв под мышку Собсоч. прошагнуть в историю литературы. Но это особая тема.

Сейчас речь только о тех днях, когда в их кружке дифференциации не было и все скопом пришли на “огонь”»¹⁴⁸.

В отличие от ранних записей в дневниках К. А. Федина 1946–1968 годов «серапионовская» тема занимает крайне скромное положение¹⁴⁹. Традиционные празднования годовщин образования Братства отмечались разве что в узком кругу. К. А. Федин с теплотой описывает одну из таких редких встреч, лишь отдаленно напоминающую прежние посиделки. 1 февраля 1957 года в гостях у Вс. В. Иванова были К. А. Федин, Е. Г. Полонская и В. А. Каверин. «Каверин прочитал главу воспоминаний. Это о Лунце и Зоценке, немного о себе. Всем понравилось. И очерк об университетской молодежи Петрограда 1921-го года, и характеристики Лунца, Зоценки документально точны.<...>

Вечер оставил по себе хорошее чувство, и я рад»¹⁵⁰.

Последнее упоминание о годовщинах относится к 1966 году, и эта запись предельно лаконична: «В. Каверин. 1.И. 1966. 45 лет годовщины Серапионов»¹⁵¹ Незадолго до этого В. А. Каверин подарил К. А. Федину книгу своих воспоминаний с дарственной надписью «Дорогому Косте – брату во Серапионе на

¹⁴⁸ Форш О. Д. Сумасшедший корабль. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. С. 59.

¹⁴⁹ См. об этом: Григорьева М. В. Серапионы на страницах дневников К. А. Федина 1946–1968 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Вып. 4. С. 400–407.

¹⁵⁰ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 420.

¹⁵¹ Федин К. А. Дневниковая запись от 1 февраля 1966 г. // НВГМФ 5610/31.

память о нашей милой молодости. В. Каверин. 15.I.1966»¹⁵². Сейчас этот экземпляр хранится в отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич в коллекции изданий из собрания К. А. Федина как свидетельство последнего дружеского участия перед публичным отречением В. А. Каверина от бывшего «брата» Федина в 1968 году.

Небольшие рефлексии уже состоявшегося писателя касаются проблем творчества, волновавших всех Братьев на заре их писательской юности. Например, размышления о прочитанных письмах Ж. Санд от 18 мая 1875 года и 12 января 1876 года, адресованных Г. Флоберу: «Надо было это прочитать гораздо раньше, лучше всего – в эпоху серапионов: может быть я скорее решил бы некоторые вопросы, которые лишь не так давно стали мне вполне ясны. Это – о “чрезмерном значении, придаваемом словам (здесь и далее в цитате выделено автором – М.Г.)”; о форме, которую Жорж Санд считает даже не “средством”, но “следствием” мыслей и чувств, накопленных в мозгу и в сердце (т.е. содержания); о том, что “читатель прежде всего хочет понять наш замысел”; о том, что невторжение “личных взглядов автора в литературу” является “скорее отсутствием убеждений, нежели эстетическим принципом”.

Споры о “невторжении” были главным содержанием собраний на Мойке в 1921–1924 гг. ...»¹⁵³.

Миф о нарочитой аполитичности братства был в значительной мере основан на программной статье Л. Н. Лунца «Почему мы Серапионовы братья»: «С кем же вы, Серапионовы Братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?

С кем же мы, Серапионовы Братья?

Мы с пустынным Серапионом»¹⁵⁴.

¹⁵² Каверин В. А. «Здравствуй, брат, писать очень трудно...»: портреты, письма о литературе, воспоминания / ред. Е. И. Изгородин. М. : Советский писатель, 1965. 256 с.

¹⁵³ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 227–228.

В поддержку этого постулата работали и опубликованные в № 3 журнала «Литературные записки» за 1922 год автобиографии Братьев, их публицистические выступления тех лет. Однако это не означало полного ухода от политических и социально-экономических реалий: «Петроградские серапионы не могли оказаться вне политики, как не оказались вне политики и немецкие Серапионовы братья. Речь шла о необходимости сопротивления давлению внешних сил, стремящихся исказить внутреннее содержание творчества членов группы»¹⁵⁵.

Тот же Л. Н. Лунц продолжает: «У каждого из нас есть идеология, есть политические убеждения, каждый хату свою в свой цвет красит. Так в жизни. И так в рассказах, повестях, драмах. Мы же вместе, мы – братство – требуем одного: чтобы голос не был фальшив. Чтоб мы верили в реальность произведения, какого бы цвета оно ни было»¹⁵⁶.

С самого момента возникновения Братства оно не было однородным ни по политическим убеждениям, ни по литературным пристрастиям. И рано или поздно эти различия должны были развести участников в разные стороны. В дневниковой записи К. А. Федина 25 декабря 1960 года читаем: «... мы хорошо сделали, что вовремя разошлись, это помогло почти всем остаться самими собой. Школа была пройдена, и все стали искать себя»¹⁵⁷.

С течением времени «общие» упоминания о серапионах на страницах дневников К. А. Федина становятся все реже и в основном возникают на периферии основных размышлений и наблюдений. Писатель вспоминает

¹⁵⁴ Лунц Л. Н. Почему мы Серапионовы братья // Литературные записки. 1922. № 3. С. 30–31.

¹⁵⁵ Коновалова Л. Ю. Серапионовы братья: миф и мифологема // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. К 90-летию образования литературной группы. Саратов : Орион, 2011. С. 247.

¹⁵⁶ Лунц Л. Н. Почему мы Серапионовы братья // Литературные записки. 1922. № 3. С. 31.

¹⁵⁷ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 492.

«молодость серапионов, теперь уже стариков»¹⁵⁸, размышляет об отсутствии дифференциации в оценках критиков, «до сих пор сваливающей серапионов в одну кучу, словно из страха, что разобрав их порознь, она уготовит им слишком большую славу...»¹⁵⁹ На первый план в дневниках рассматриваемого нами периода выходят отдельные писатели, объединенные общим «братским» прошлым: Н. С. Тихонов, И. А. Груздев, Н. Н. Никитин, М. М. Зощенко, Вс. В. Иванов, В. А. Каверин, М. Л. Слонимский, Е. Г. Полонская¹⁶⁰. С каждым из них связан свой «сквозной сюжет», если он возможен в жанре дневника. Рассмотрим некоторые из них.

В литературных биографиях К. А. Федина и Н. С. Тихонова большую роль сыграла активная общественная деятельность, отвлекающая их от непосредственного писательского труда. И тот, и другой занимали руководящие посты в Союзе писателей СССР, неоднократно избирались депутатами Верховного Совета РСФСР и СССР. На страницах дневника часто упоминаются их встречи на официальных мероприятиях, участие в одних и тех же заседаниях. Высокое положение обязывало соблюдать определенный протокол, но в личных записях можно увидеть, насколько иронично воспринималось участниками происходящее. 12 декабря 1946 года К. А. Федин пишет: «В Союзе праздновали 50-летие Николая Тихонова. Довольно тепло, без мертвечины, но и недалеко от обыкновенного юбилея. Он все это принял серьезнее, чем следовало бы. Мария Константиновна (жена Н. С. Тихонова – М. Г.), еще непривыкшая к сановитости положения, глядя молящими и все видящими глазами, спросила меня: “что сказал бы Лева Лунц, если бы все это видел?” Но сейчас не то время: юмора уже ни у кого не осталось. <...> Самое приятное было то, что Тихонов снова начал писать

¹⁵⁸ Федин К. А. Дневниковая запись от 18 июля 1961 г. // НВГМФ 5610/31.

¹⁵⁹ Федин К. А. Дневниковая запись от 30 мая 1958 г. // НВГМФ 5610/28.

¹⁶⁰ См. об этом: Григорьева М. В. Е. Г. Полонская и К. А. Федин: к истории взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 313–319.

хорошие стихи: он прочитал несколько отличных из нового цикла о Югославии»¹⁶¹.

Способность радоваться творческим удачам друг друга всегда отличала членов Серапионова братства. Такая поддержка не была безоглядной: анализируя сильные стороны Н. С. Тихонова как наблюдателя и рассказчика, К. А. Федин отдает отчет и в его неспособности упорядочить поток этих впечатлений. Он описывает в дневнике обед, устроенный 18 мая 1952 года, где Н. С. Тихонов, ни на секунду не теряя внимания собравшихся, около семи часов рассказывал об Индии: «<...> по-прежнему копит богатства, которых еще никто не увидел полностью. Они рассыпаны у него в памяти, и чем больше он их накапливает, тем – кажется – меньше остается у него возможности их собрать и дать им какой-нибудь строй. Это песок, гонимый смерчем и развеваемый бесследно в пустыне. Художник должен уметь себя сдерживать и отказываться от излишних впечатлений. Напишет ли он когда-нибудь нечто обобщенное и глубокое? Чтобы создать пейзаж, надо изучить местность с сотни точек, но остановиться на одной. Эта единственная из ста точек должна выражать всю прелесть местности и весь ее дух. Раскрыть их возможно только отказавшись от 99-ти прочих точек наблюдения. Но Тихонов пока еще ни разу не остановился на одной точке, он бежит и бежит. А бег ведь должен скоро кончиться. Где же пейзаж?.. Синтез, синтез – вот его ахиллесова пята!»¹⁶².

Мы видим, что К. А. Федин отходит от резких, хлестких, порой язвительных характеристик, которые время от времени давал своим собратьям в молодые годы. Приведенный фрагмент представляет собой аналитические литературно-критические раздумья о произведениях автора, за творчеством которого Федин-критик наблюдает много лет. Здесь нет неприятия, на его место

¹⁶¹ Федин К. А. Дневниковая запись от 12 декабря 1946 г. // НВГМФ 5610/10.

¹⁶² Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 254.

приходит вдумчивая сосредоточенность, позволяющая увидеть написанное как процесс динамичный, продолжающийся и, вероятно, перспективный.

Несмотря на то, что писатели, казалось бы, уже давно состоялись, и не нуждались так остро, как прежде, в ободрении и поддержке, привычка откликаться на новые произведения друг друга оставалась. К. А. Федин замечает: «Прочитал в рукоп<иси> роман Мих. Слонимского “Инженеры”. Он пишет лучше, чем прежде, и я похвалил его даже несколько более щедро, нежели роман заслуживает (вещь не закончена, это первая часть)»¹⁶³. Во внутренней рецензии для редколлегии журнала «Новый мир» К. А. Федин резюмировал, что «вещь эта свидетельствует о большом шаге вперед М. Слонимского. Очень энергична вся экспозиция романа, сразу ставится тема, задача произведения, язык стал богаче, при всем лаконизме, образы героев отчетливы и (что раньше не удавалось автору) зримы, одушевлены»¹⁶⁴. И сам М. Л. Слонимский вспоминал, что, в его понимании, «напечатаны были “Инженеры” под сильным нажимом Фебина. Вообще Федин тех лет был спасением не только для меня»¹⁶⁵.

Хотя жизнь бывших сержантов не всегда и не у всех складывалась благополучно, самым незащищенным и нуждающимся в помощи был, несомненно, Михаил Зощенко. После известного постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 1946 года и последующего за ним исключения из Союза писателей его жизнь изменилась на целое десятилетие. Разрыв договоров с журналами и издательствами, изъятие его книг из библиотек и запрет на издание новых произведений были полным отлучением писателя от литературного дела. Его жена В. В. Зощенко впоследствии вспоминала: «И вот потянулись долгие, тяжелые годы, о которых больно и страшно вспоминать. Для Михаила Михайловича это были годы какого-то подвижнического, упорного, беспросветного и неблагодарного труда. Годы тяжелой трудной жизни, полной неуверенности в завтрашнем дне, неуверенности в заработке, в

¹⁶³ Федин К. А. Дневниковая запись от 16 августа 1949 г. // НВГМФ 5610/13.

¹⁶⁴ Переписка К. А. Фебина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Ткачевой и Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 535.

¹⁶⁵ Слонимский М. Л. Записи, заметки, случаи // Звезда. 2010. № 8. С. 147.

“куске хлеба”, жизни, граничащей с нищетой...»¹⁶⁶. В дневниках К. А. Федина картина наполняется еще большим трагизмом: «Очень изменился. Даже глаза переменились – не по выражению, а ф о р м о й (выделено автором – М.Г.). Только редкий проблеск старой улыбки и сквозь нее – вдруг горький вопрос, или – нет: испуганный вопрос: “ты думаешь – я выстою?..”»¹⁶⁷.

Изображение бытовых неурядиц К. А. Федина опускает, давая вместо него психологический портрет измученного человека, близкого друга, которого бесконечно жаль. Или записанный 2 сентября 1949 года разговор с М. М. Зощенко о «счастье», вернее, о создании образа современного «счастья», который Михаил Михайлович как идею фикс искал в своих книгах. «<...> Давно не бывавший разговор с писателем. И невероятно, что он состоялся именно с самым несчастным (вероятно) писателем современности»¹⁶⁸. В спасении М. М. Зощенко К. А. Федин принимал участие в первую очередь материально. Он неоднократно одалживал ему денег на оплату квартиры и прочие текущие расходы, оказывая такую помощь предельно деликатно. Узнав из письма В. В. Зощенко о том, что им приходится продавать вещи и занимать деньги у бывшей домработницы, 8 февраля 1953 года К. А. Федин пишет ее супругу: «Я решил послать тебе немного деньжонок, чтобы тебе легче работалось. Не посетуй на меня – делаю это от души»¹⁶⁹. Но, возможно, более существенной была его помощь в улаживании отношений М. М. Зощенко с различными «литературными» инстанциями, включая Ленинградское отделение Литфонда, секретариат СП СССР, в содействии издания книги М. М. Зощенко «Избранные рассказы и повести 1923–1956» (Л., 1956). Еще одним серьезным шагом на пути «реабилитации» М. М. Зощенко стало включение

¹⁶⁶ Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 334.

¹⁶⁷ Федин К. А. Дневниковая запись от 19 апреля 1948 г. // НВГМФ 5610/11. С купюрами опубликовано: Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 165.

¹⁶⁸ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 184.

¹⁶⁹ Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 358.

статьи о нем в книгу К. А. Федина «Писатель. Искусство. Время» (1957). Получив от М. М. Зощенко отклик, К. А. Федин пишет: «Письмо Зощенки трогательно и трагично. Он так приучен за это десятилетие к плохому, что страшится – не было бы хуже после неожиданной радости моей статьи»¹⁷⁰. Действительно, в очень взволнованном письме Зощенко выражает свое опасение: «<...> беспокоюсь – не напустили бы на тебя какого-нибудь доктора филологических наук <...> Было бы огорчительно, если б кто-нибудь из таких задел бы тебя. Ну, да бог милостив!

А, в общем, благодарю тебя, мой старый друг, за то, что ты захотел вырвать из плена мой почти погасший дух»¹⁷¹.

К. А. Федин хорошо представлял себе, как это тягостно – быть оторванным от литературной жизни, не иметь надежды творить в полную силу, хотя его самого больше беспокоил другой аспект – отсутствие возможности сосредоточиться непосредственно на писательском труде. Творческое бессилие – одна из главных тем в дневниковых записях после 1950 года. В это время в жизни К. А. Федина лавинообразно возникали дополнительные общественные нагрузки: участие в международных Конгрессах сторонников мира, деятельность на посту депутата Верховного совета РСФСР, а затем и СССР, выборы в состав Правления Союза писателей СССР, избрание председателем Московского отделения СП СССР и т.д. Все это забирало время и силы: «Прошедший декабрь был именно тем типичным (подчеркнуто и далее в цитате выделено автором – М. Г.) месяцем последних двух лет моей жизни, из каких медленно слагалась б о л е з н ь бесплодия. Оглядываясь на него, вижу, как он, в сущности, повторяет собой все то, на что я нудно жалуясь.

Я был все время занят. То есть я с утра до ночи сидел за столом, но ничего не сделал такого, что было бы достойно названия “работа”. Вместе с тем меня очень часто отрывали от моего сиденья и увлекали на всяческие предприятия,

¹⁷⁰ Федин К. А. Дневниковая запись от 13 декабря 1957 г. // НВГМФ 5610/27.

¹⁷¹ Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 368.

которые тоже никак нельзя назвать работой, но которые создавали еще большее впечатление занятости и крайне меня утомляли. Я изо всей силы уклонялся от этих ничего не стоящих дел и рвался к своему ничего не стоящему сидению за столом. Эта борьба с мельницами, в конце концов, лишила меня всякой сопротивляемости»¹⁷². Это состояние писательской беспомощности, очевидно, не могло укрыться от его окружения, куда входил и самый близкий ему из серапионов – Всеволод Иванов. Федин так описывает вечер, на котором присутствовали Вс. В. Иванов, В. М. Ходасевич, Л. И. Толстая и Н. А. Пешкова: «Время прошло на редкость приятно – с этой группой вдов и друзей, говоривших больше о настоящем, чем о воспоминаниях 20-ти, а то и 30-ти летней давности.

Всеволод, – очень оживленный, – спросил, пишу ли роман. Я не сразу ответил. Тогда он, сразу поняв, приободрил меня: “ты, ничего, ничего!.. Я тоже совсем не пишу!” ... И потом, будто вынув у меня изо рта, горячо начал объяснять – почему невозможно писать. Это была фотографическая копия моего состояния!»¹⁷³

Между Вс. В. Ивановым и К. А. Фединым менялись периоды притяжения и отталкивания, внутренних споров и разногласий, но в основе своей их взаимоотношения были теплыми и доверительными. Именно так показательно характеризуются они во многих дневниковых записях: «Вечер у Всеволода. <...> Легко говорилось – без необходимости разъяснять себя и выслушивать разъяснения собеседников. Все с полуслова»¹⁷⁴. Или: «Вечером пошел ко Всеволоду и провел время легко и сердечно»¹⁷⁵. Их тесному общению во многом способствовало соседство по дому в Лаврушинском переулке в Москве и по даче в Переделкине. В дневниках постоянно упоминаются их соседские хождения друг к другу, дружеские обеды, спонтанные посиделки: «Сегодня вечером зашел к

¹⁷² Федин К. А. Дневниковая запись от 1 января 1950 г. // НВГМФ 5610/14.

¹⁷³ Федин К. А. Дневниковая запись от 16 января 1952 г. // НВГМФ 5610/15.

¹⁷⁴ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 288.

¹⁷⁵ Федин К. А. Дневниковая запись от 3 августа 1955 г. // НВГМФ 5610/23.

Ивановым. У них была Е. А. Пешкова с мужем и В. Ходасевич. Очень приятно было, просто и непринужденно. Всеволод вернулся на днях из Болгарии, где пробыл месяца три. Но он ничего не рассказывал, и я ничего о своих поездках. Болтали о всякой житейской чепухе»¹⁷⁶. Или 14 апреля 1955 года: «...Потом записка от Всеволода, и я иду к нему. Он читает мне и Бажану вставную новеллу из романа “Мы идем в Индию”, над которым работает (четвертая книга “Похождений факира”). Узорчато, пышно и занятно. Как в давние годы. Мы втроем заходим – уже поздно вечером – ко мне и кейфуем за коньяком и под литературный разговор, каких теперь у нас в быту немного. Славный вечер»¹⁷⁷.

Именно такое «литературное» общение лежало в основе той тесной связи между серапионами, которую практически каждый из них пронес через всю жизнь. Их братская дружба носила совершенно особый характер, отличный от обычной привязанности и симпатии. В дневниковой записи от 6 марта 1945 года, сделанной после смерти его близких друзей А. Н. Толстого и В. Я. Шишкова, К. А. Федин пишет: «... Моя связь с серапионами носила окраску совершенно литературной дружбы и строилась на понимании мастерства, на литературном родстве, даже, пожалуй, на литературной биографии. А дружба сердечная, человеческие привязанности, “приязни” росли на другой почве, в стороне от “единомышленников”»¹⁷⁸.

Несмотря на возникшую с годами разобщенность, бывшие Братья продолжали традицию чтения друг другу и обсуждения вновь написанных произведений. Их подробный анализ часто находил отражение на страницах дневника. Например: «Вчера Всеволод читал мне с Кавериним три акта из своего “Ломоносова”. Это уже пятый вариант. Отдельные куски очень талантливо. Словарно еще не все найдено. Длинно. Третий акт содержит по меньшей мере четыре конца. Нет подъема, весь рисунок действия похож на кардиограмму

¹⁷⁶ Федин К. А. Дневниковая запись от 21 ноября 1953 г. // НВГМФ 5610/20.

¹⁷⁷ Федин К. А. Дневниковая запись от 14 апреля 1955 г. // НВГМФ 5610/23.

¹⁷⁸ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 100.

больного пороком сердца. Ломоносов мало отчетлив. Хороша Нарышкина и второстепенные фигуры»¹⁷⁹. Или несколько недель спустя 29 мая 1950 года: «Вчера прочитал Николаю (Никитину – М.Г.) начало “Толстого”. Он уговаривает писать книгу, а не статью, – считает, что даю новый образ, разрушающий сложившееся представление о Толстом, и что надо так же широко показать существенные для нас периоды биографии Толстого, как развернуты ранние периоды в начале статьи. <...> Нахожу, что важно давать кризисные моменты биографии и установить зависимость личности Толстого от общественных кризисов, т.е. то, что весь образ слагался как продукт кризисов и что Толстой есть тип, один из типов русской интеллигенции 1-й половины века. Это – и канва всей вещи, и ее концепция. Размер же – вопрос второстепенный. Но, конечно, – не книга. Боже меня убереги!

Разговор о жанре: мнение Никитина – “портрет” (неверно уже потому, что если – книга, то какой же “портрет”?); моё – “история писателя”, – история становления личности (в связи с историей общества или на фоне последней)»¹⁸⁰.

Обращает на себя внимание степенность в описании последнего разговора, подобранное для этого слово «уговаривал». Видно, что с возрастом в обсуждениях бывших Братьев полностью исчезла резкость оценок, молодая горячность, остались только четкая аргументация своей позиции и – неожиданно – деликатность. Возвращаясь к упомянутому выше «Ломоносову», приведем запись, в которой К. А. Федин излагает впечатления от просмотра этой пьесы, поставленной в МХАТе Б. Н. Ливановым: «О самом спектакле. На первом месте – художник, В. М. Ходасевич, на втором – актеры, на третьем – постановщик, на четвертом автор.

Я признался Нине, что у меня не хватит мужества сказать до конца свое мнение о пьесе Всеволоду: почти 4 года работал он над текстом и написал 17

¹⁷⁹ Федин К. А. Дневниковая запись от 8 мая 1950 г. // НВГМФ 5610/14.

¹⁸⁰ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 195.

вариантов... И зачем сейчас на эту рваную рану сыпать соль правды? Драматургически “Ломоносов” вещь слабая. Есть и просто плохие места, например, 3-й акт. Впечатление в целом: альбом иллюстраций к общеизвестной биографии ученого. Страницы большей частью очень хороши, живопись пышна, рисунок верный, но страницы чересчур медленно перелистываются и иногда много повторяются. В литературном отношении старый и уже неисправимый недостаток Всеволода – зыбкость языка»¹⁸¹.

Создается впечатление, что в восприятии К. А. Федина некоторые серапионы так и не смогли преодолеть какие-то устоявшиеся стилистические проблемы. Выше уже была упомянута «ахиллесова пята» Н. С. Тихонова. А так, например, было оценено творчество В. А. Каверина: «Читал начало нового романа Каверина. Как всегда, странное впечатление вырезанных из картона человечков, расставленных в очень хорошо обдуманном порядке»¹⁸². Сравнивая затем «Открытую книгу» В. А. Каверина с только что оконченным романом В. П. Катаева «Катакомбы», К. А. Федин отмечает, что и в том, и в другом произведении нет ничего самостоятельного, что они избыточно наполнены ссылками на разных классиков. «Но благодаря талантливости, его (Катаева – М.Г.) человечки ближе все-таки к человечкам во плоти, а не в картоне»¹⁸³.

Достаточно резкие оценки мастерства В. А. Каверина берут начало в давнем противостоянии серапионов, разделившихся на два крыла: «западное», состоящее из «сюжетников» Л. Н. Лунца и В. А. Каверина и «восточное», куда были причислены «бытовики» М. М. Зощенко, К. А. Федин, Вс. В. Иванов, М. Л. Слонимский. В. А. Каверин вспоминает, что «это был спор, не похожий на споры молодых московских поэтов, в которых было что-то случайное, менявшееся от месяца к месяцу. Здесь (я это почувствовал сразу) спор шел об основном – о столбовой дорожке нашей литературы. Не знаю, можно ли сравнить

¹⁸¹ Федин К. А. Дневниковая запись от 12 мая 1953 г. // НВГМФ 5610/18.

¹⁸² Федин К. А. Дневниковая запись от 10 июля 1949 г. // НВГМФ 5610/13.

¹⁸³ Там же.

его со спором между “западниками” и “славянофилами”, но в настойчивом стремлении убедить противника, хотя бы это стоило самой жизни, было что-то очень серьезное, быть может, уходящее к истокам этого классического спора»¹⁸⁴. В подтверждение многолетней истории разделения приведем запись в дневнике К. А. Федина от 19 октября 1929 года: «Вчера знаменательный эпизод: на Литейном я встречаю Каверина. На одну секунду он колеблется – подойти и поздороваться за руку? Но я снимаю шляпу и прохожу мимо, своей дорогой. Он тоже раскланивается и идет своей. Серапионовы братья... Это уже не просто расхождение, это начало литературной вражды. Что ж, я готов, я вижу, что иначе не могло быть»¹⁸⁵. Свою позицию в вопросах подобных противостояний К. А. Федин обозначил на страницах книги «Горький среди нас»: «<...> если это нужно будет для искусства, должна быть принесена в жертву даже дружба. Вражда в литературе, в искусстве не может умалить художника, если она вытекает из разности убеждений. Микеланджело и Леонардо да Винчи враждовали. Толстой, Тургенев, Достоевский были в ссоре. Искусство – не салон»¹⁸⁶.

К. А. Федин записывает впечатления от работы секции прозы Московского отделения СП СССР: «Обсуждали I книгу романа Каверина “Открытая книга”. Говорил. Напрасно: наши представления о литературе и даже о мастерстве по-прежнему различны. Каверин – механик»¹⁸⁷. Однако до определенного момента эти творческие противоречия не накладывали тотальный отпечаток на все возможные грани взаимодействия. В дневниках имеются свидетельства и их теплых отношений: подаренный К. А. Фединым В. А. Каверину перевод

¹⁸⁴ Каверин В. А. «Здравствуй, брат, писать очень трудно...»: портреты, письма о литературе, воспоминания / ред. Е. И. Изгородин. М. : Советский писатель, 1965. С. 192.

¹⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Ед.хр. 2.

¹⁸⁶ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас. Шаг за шагом. С. 138.

¹⁸⁷ Федин К. А. Дневниковая запись от 20 февраля 1950 г. // НВГМФ 5610/14.

стихотворения И. Гете «Карлсбад» «на элегическую память о Карловых Варах»¹⁸⁸, упоминания о совместном просмотре по телевизору юбилея 90-летней актрисы Малого театра А. А. Яблочкиной, об «очень хороших» рассказах В. А. Каверина об археологических раскопках в Новгороде и написанной им пьесы на эту тему. Да и в некоторых вопросах литературоведения, например, в размышлениях о судьбе традиций классических жанров они придерживались схожего мнения. Так, после прочтения философско-сатирического диалога Д. Дидро «Племянник Рамо» К. А. Федин замечает: «Поучительно, что 200 лет назад, спор об искусстве ничем не отличался от наших споров. Мы топчемся на месте. Конечно, не одни мы, – то же происходит сейчас у французов: они повторяют зады.

Вчера говорил об этом с Кавериним, и мы согласились, что проблематика, например, теории “изящной” литературы была и во времена Софокла почти той же, что в канун французской революции, и на тот же лад варьируется теперь»¹⁸⁹.

Еще в 1951 году, в очередную годовщину серапионов, К. А. Федин делает такую запись: «1. II. – Был Каверин с женой. Очень подробно вспоминали все перепутья. Тридцать лет! И несмотря на великую разность с ним – много одинаково понятого»¹⁹⁰. Однако современная литературная жизнь проложила глубокую трещину между бывшими Братьями.

В других случаях разлад, образовавшийся много лет назад, наоборот, сглаживался «на пороге вечности». Так произошло и в отношениях К. А. Фебина и Н. Н. Никитина. В самом начале их знакомства они были вполне дружескими, что подтверждается их письмами и сделанной «с сердечностью и радостью»¹⁹¹ дарственной надписью на книге Н. Н. Никитина «Рвотный форт» (1922). Сближала их и совместная работа в писательской артели «Круг». Однако отношения Н. Н. Никитина с К. А. Фебиным и

¹⁸⁸ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 346.

¹⁸⁹ Там же. С. 347.

¹⁹⁰ Федин К. А. Дневниковая запись от 1 февраля 1951 г. // НВГМФ 5610/14.

¹⁹¹ Библиотека К. А. Фебина : сводный каталог / под общ. ред. М. В. Григорьевой. Саратов : Наука, 2022. Т. 1. Книги с дарственными надписями. С. 72.

остальными серапионами были далеко не безоблачными и часто находились на грани разрыва. Напряжение начало нарастать после сближения Н. Н. Никитина с Б. А. Пильняком и их совместной поездки по Европе. Многие серапионы стали очень критично отзываться о его заграничных очерках и новых книгах, рассматривая их как «неприкрытую дрянь и халтуру»¹⁹². Отторгался не только низкий литературный уровень его новых произведений, но его общественно-политическая позиция. Высшей точки конфликт достиг после того, как Н. Н. Никитин взял на себя смелость поставить групповую подпись «Серапионовых братьев» под заявлением пролетарских писателей в связи со смертью В. И. Ленина, опубликованным в газете «Петроградская правда» 27 января 1924 года. После этого по инициативе К. А. Федина Братья решили больше не видеть Н. Н. Никитина, и последний «отпал» от серапионов.

Из переписки конца 1930-х годов и поздних дневниковых записей становится ясно, что давний конфликт постепенно был исчерпан, и отношения полностью возобновляются. Н. Н. Никитин становится частым и желанным гостем в доме К. А. Федина, неоднократно гостит на даче в Переделкине. Эпистолярный свидетельствует о том, что они живо и искренне могли обсуждать творческие проблемы, делиться новыми замыслами. Но наедине с собой, а именно так оценивается нами искренность личного дневника, Федин расставляет другие акценты: «Смерть сближает? Прежде я никогда не был особенно близок с Николаем Никитиным – ни в раннюю пору серапионов (он тогда стремился тесно дружить с Пильняком и быстро отходил от нашего круга, увлеченный своим успехом), ни в последующие долгие годы, среди которых случались целые полосы нашего безразличия друг к другу и даже чуждости. Мы были приятели. Пожалуй, не больше. Казалось мне, он пишет ниже своих возможностей, предпочитая игру с модой и оригинальничая. Но одаренность его была совсем незаурядна и, может быть, недоставало ей самокритичности, почему внешнюю одежду

¹⁹² Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. И. Э. Кабановой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов : Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский. Кн. 2. СПб. : Наука, 2006. С. 30.

он и предпочитал другим достоинствам. Вероятно, впрочем, его писательский дар не обладал особой глубиной...

Я навестил его позавчера в последний день ленинградского пребывания. Он лежит в больнице. Исхудалый, желтый, задыхающийся от каждого движения, после каждого слова. У меня было чувство, что мы прощаемся. И он стал мне дорог не из одного сочувствия. В нем стало видно все лучшее, все подлинное. Он сделался глубже. <...>

Мы были рады встрече, насколько так можно сказать, когда оба думают о смерти и один все сводит к ней, а другой старается увлечь и приманить его жизнью, и – значит – один правдив, другой невольно лжив. Не мог же я говорить, что он, скорее всего, прав, ожидая неминуемого конца¹⁹³ ...»¹⁹⁴

В размышлениях К. А. Федина многократно возникает жесткая самооценка попыток вести дневник. И если в 1929 и 1932 годах он называет свои письма, записки и дневники скучными или объективно неинтересными, то спустя полтора десятилетия тональность восприятия дневника как инструмента самопознания меняется.

«Все время хочется рассуждать, а рассуждать нельзя.

Был момент, когда я поверил “формалистам”, что рассуждать нельзя (1921–22). Но это быстро прошло, как грипп. Гораздо длительнее запрещение рассуждать, налагаемое историей. Это – как горб, хватит до могилы. Но и могила не исправит горба, п<отому> ч<то> после смерти я буду в числе всех, выдержавших запрещение. Они не пробудят памяти, не воскреснут.

Это приходит на ум за попыткой вести дневник.

Ни один из дневников моих не удался. Только ли моих? Век писем, век эпистолей кончился безвозвратно. Почему не должен кончиться век дневников? Ведь причины, действующие на разговор с бумагой, с пером – одни, как для эпистолей, так и для “мемориев”.

¹⁹³ Н. Н. Никитин умер 26 марта 1963 г.

¹⁹⁴ Федин К. А. Дневниковая запись от 5 июня 1962 г. // НВГМФ 5610/31.

Наш век поощряет молчание, а не разговор.

Я думал много раз вести простой календарь фактов. Надо быть автоматом, чтобы это осилить: в тебя сунули гривенник, ты выбросил билет; все гривенники одинаковы, все билеты тоже. Благодарение Богу – я не могу это выдержать. Но не легче принудить себя – не рассуждать.

И самая страшная беда, – что терзания эти порождаются делом столь мало “государственным”: литературой, искусством!

Им-то и заказано историей не рассуждать!»¹⁹⁵

Эта запись сделана в период работы К. А. Фебина над книгой «Горький среди нас». К писателю приходит острое осознание невозможности свободно высказываться в сложившейся исторической реальности. Накануне столкновения с полным неприятием официальной критикой этих воспоминаний, в том числе и о серапионах, Фебин особенно остро осознает опасность, но необходимость «разговора с самим собой».

Анализируя весь корпус дневников, в том числе и тех фрагментов, которые имеют отношение к литературному сообществу «Серапионовы братья», мы приходим к выводу, что именно рефлексии писателя, его рассуждения о литературе в целом и об отдельных писателях, его оценки литературного процесса, дают нам возможность через авторское сознание более полно увидеть картину культурной жизни нашей страны 1920–1968 годов.

Запись, сделанная 8 октября 1953 года, подводит итог многолетних размышлений о необходимости и цели ведения личной летописи. «Все же я пришел к *дневнику* (здесь и далее в цитате курсив автора – *М. Г.*). А как боялся этого в молодости! Все извинялся перед самим собой и... перед кем еще? Перед всеми? Значит, все-таки рассчитывал, что его прочитают. Гадко.

Но теперь уже не могу не записывать. И опять: для себя? Или для кого-то еще? Для кого же? Для всех? Тогда еще гаже...

¹⁹⁵ Фебин К. А. Дневниковая запись от 7 декабря 1943 г. // РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Ед.хр. 6

Дневник может иметь единственное оправдание: если это работа. Если записываешь, чтобы сохранить важнейшее для работы, чтобы не позабылось. Если думаешь *пером*. Если работаешь *над собой*.

Остальное – глупость.

Что же я делаю? *Глупость*.

Столько самопризнаний в беспомощности, в бессилии, в бессмыслице, с какой *упускаешь* время. Придумаешь слово и прикроешься им: *кризис*. Но кризис *чего?* *Времени*. Но время всегда против человека, если он не занимает его без остатка трудом. Лень и все слабости прикрываются словами.

Перо мое *не думает*. Зачем же им водить по бумаге?

Вижу, что все еще не могу изжить самое мерзкое в себе <...> И я жалуясь, что мне мешают, жалуясь себе и другим, жалобами прикрывая недуг моего тщеславия, *действительно* мешающего мне – и гораздо сильнее, чем мешают люди, *использующие* мое тщеславие в своих намерениях»¹⁹⁶. Эти размышления, сделанные, как нам представляется, с предельной степенью откровенности, свидетельствуют о том, что для Федина дневник был именно инструментом самопознания, способом поговорить с собой не опасаясь осуждения, без оглядок на чужое мнение.

Таким образом, становится очевидно, что дневники писателя являются наиболее полным и достоверным источником в реконструировании личных и творческих связей К. А. Федина с литературным сообществом «Серрапионовы братья». На страницах документа фиксируются в меньшей степени только факты, а в большей – переживания и размышления автора, который доверяет дневнику «полную меру своего голоса»¹⁹⁷. К. А. Федин неоднократно возвращался к дневникам, о чем свидетельствуют многочисленные поздние авторские правки. В большинстве случаев это была работа с формой, поиск более верного слова, более яркого и выразительного эпитета. Будучи превосходным стилистом, К. А. Федин больше работал над усилением словесного

¹⁹⁶ Федин К. А. Дневниковая запись от 8 октября 1953 г. // НВГМФ 5610/19.

¹⁹⁷ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 43.

выражения мысли, чем занимался переиначиванием написанного. При работе с дневниками нами не выявлено случаев искажения первоначального смысла высказываний. В процессе исследования мы пришли к выводу, что дневники К. А. Федина опровергают популярную теорию, согласно которой писатель всегда пишет дневник для того, чтобы его прочитали. Обрисовка различных по эмоциональной окраске ситуаций, связанных, в том числе, и с сепарациями, редуцирование собственной значимости, широкий диапазон повествования, включающий и философские размышления, и бытовые подробности, делают дневниковые записи К. А. Федина искренними, живыми и достоверными.

Глава 3. Участники группы «Серрапионовы братья»

в эпистолярном наследии К.А. Федина

Эпистолярное наследие К. А. Федина очень велико. Только в архиве писателя сохранилось более 4 тысяч его писем разным корреспондентам. Среди них – письма родным, близким, друзьям, знакомым, коллегам по писательскому цеху, деловые письма в различные организации. В этом корпусе переписка с членами группы «Серрапионовы братья» занимает особое место. В первую очередь обращает на себя внимание временной охват: самые ранние из сохранившихся документов датированы 1920 годом (переписка с М. Л. Слонимским началась еще до образования группы «Серрапионовы братья»), самое позднее – 1976 года (письмо, написанное Н. С. Тихонову к 80-летнему юбилею). Тексты наполнены интересным фактологическим материалом, позволяющим исследователям получить более подробную картину литературной жизни на протяжении более пятидесяти лет. И, наконец, авторские размышления философского характера позволяют проникнуть в творческую лабораторию писателя, точнее определить авторскую интенцию.

Эпистолярные традиции были очень сильны среди серрапионов. Известно, что они активно переписывались с момента образования группы и друг с другом, и с уехавшим затем на лечение Л. Н. Лунцем, а также с писателями, оказывавшими на серрапионов наибольшее влияние, такими как М. Горький, Е. И. Замятин, А. М. Ремизов и др. Подтверждением этому служит опубликованная переписка К. А. Федина с Вс. В. Ивановым, М. Л. Слонимским, М. М. Зощенко, В. С. Познером и др., а также письма К. А. Федину от Н. Н. Никитина, И. А. Груздева¹⁹⁸. Но в письме Е. Г. Полонской мы находим

¹⁹⁸ См. подробнее: Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1 и 2. М. : ИМЛИ РАН, 2016–2018; Письма Вс. В. Иванова К. А. Федину / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. А. Мазановой // Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 692–714; Письма

фразу, косвенно опровергающую этот факт: «Черкните-ка мне письмо, хотя это и против серапионовских традиций!»¹⁹⁹. В попытке объяснить эти слова, приходим к тому, что время от времени действительно возникали паузы в переписке Братьев, связанные с их частым непосредственным личным общением и с отсутствием необходимости писать письма. Однако именно эпистолярный 1920-х годов (в отсутствие дневников этих лет) является единственным свидетельством активной жизни литературной группы.

Этот период наиболее полно представлен письмами К. А. Федина, адресованными М. Л. Слонимскому, Л. Н. Лунцу и Вс. В. Иванову²⁰⁰. Для каждого корреспондента К. А. Федин выбирает свой стиль изложения и темы для сообщений.

Переписка с Л. Н. Лунцем начинается с июня 1923 года, с момента его отъезда на лечение за границу. «Милый европеец, обнимаю тебя со свойственным мне восточным темпераментом»²⁰¹: так начинает К. А. Федин послание к Л. Н. Лунцу. Начальные строки обращения К. А. Федина многозначны: в них заложена не только географическая определенность каждого из корреспондентов, но в шуточной форме подчеркнута разность их позиций в направленности развития литературы – одного из главных дискуссионных вопросов между «западным» и «восточным» крылом Серапионовых братьев. Однако литературные

Н. Н. Никитина К. А. Федина 1920-1930-х гг. / публ. И. Э. Кабановой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920-1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2. М., 2006. С. 27–66; Письма И. А. Груздева К. А. Федина 1920-1930-х гг. / публ. О. П. Семеновской и И. В. Ткачевой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2. М., 2006. С. 67–82.

¹⁹⁹ Письмо Е. Г. Полонской К. А. Федина от 21 июля 1925 г. // ГМФ 34915.

²⁰⁰ По сохранившимся в архиве Федина письмам И. А. Груздева и Н. Н. Никитина мы делаем вывод, что в 1920-е годы с ними также велась активная переписка, и можем определить круг вопросов, обсуждаемых писателями, но не имеем возможности привлечь к анализу тексты писем самого Федина.

²⁰¹ Федин К. А. Письмо Л. Н. Лунцу от 21 июня 1923 г. // Лунц Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / сост., подгот. текстов, коммент., указ., послесл. Е. Лемминга; вступ. ст. В. Шубинского. СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2003. С. 572.

споры никак не влияли на теплоту, с которой Братья общались. Неизменные ласковые обращения «Левушка, милый», «дорогой Левочка» говорят об очень искренних дружеских отношениях, которым, к сожалению, скорая смерть Л. Н. Лунца не дала развиваться в полной мере. Л. Н. Лунц стал первым из серапионов, кому К. А. Федин доверил свои переживания о трудностях творческого характера, в шутливой форме обрисовывая все те обстоятельства, которые мешают целиком сосредоточиться на писательстве: «У меня на столе – полтора пуда рукописей для “Круга”, тяжеленный роман Келлермана в воздушно-легком переводе Лидочки (Харитон – М.Г.), геологические отложения писем и фунтов десять корректур моей “Книги и революции” <...> За последний месяц я тщетно пробовал писать – больше двух строк не выходило»²⁰². К. А. Федин завершает письмо шаржированным словесным автопортретом, подчеркивающим необходимость не просто работать, а зарабатывать средства на существование своей недавно создавшейся семьи: «Я жалкий дачный муж. Щеки мои ввалились, у меня невралгия лицевого нерва и боязнь расстояний (не пространства!). По средам и субботам в шестом часу вечера на проспекте Володарского можно встретить человека с мешком за спиной, с чемоданами и сверточками в руках, иногда с детской ванной, одетого странно и небрежно <...> По небритым щекам его стекает и падает на землю кровавый пот. Он стремительно догоняет трамвай. Подумать только, что этот человек еще недавно был жизнерадостным, подающим (хотя бы правому крылу литературы) надежды молодым серапионом. До чего доводит иной раз семейная жизнь!!! Левочка, не женись!!!»²⁰³ Эта тема своеобразного творческого бессилия, невозможности целиком отдаваться любимому делу и постоянной зависимости творческого процесса от внешних обстоятельств будет подниматься К. А. Фединым и в дальнейшем, и только с

²⁰² Федин К. А. Письмо Л. Н. Лунцу от 20 июля 1923 г. // Лунц Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / сост., подгот. текстов, коммент., указ., послесл. Е. Лемминга; вступ. ст. В. Шубинского. СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2003. С. 586.

²⁰³ Там же.

самыми близкими друзьями он сможет откровенно делиться интимными переживаниями.

Письма К. А. Федина Л. Н. Лунцу развернуты, информативно насыщены, ироничны. К. А. Федин сообщает обо всех значимых событиях в жизни серапионов: поездки В. А. Каверина и Вс. В. Иванова, новые произведения Н. С. Тихонова и И. А. Груздева, «серапионовские среды». В юмористическом ключе он подает важную информацию о назревающем конфликте серапионов с Н. Н. Никитиным, об отношении к нему: «Никитин прислал письмо, в котором, между прочим, такая фраза: “Что в России? Как ко мне относятся?” Я организовал анкету среди крестьянства, рабочих и интеллигенции во всех союзных республиках, чтобы выяснить, как, наконец, черт возьми совсем, Россия относится к Никитину! Пока ответов не поступало <...>»²⁰⁴ Шутливый тон посланий К. А. Федина не может скрыть полноты искренних переживаний не только за физическое здоровье «собрата», но и за его моральное состояние и умонастроение. Он стремится поддержать Л. Н. Лунца: «Главное – не падай духом, не теряй вкуса к спору, смеху, издевательствам и прочим превосходным вещам, до которых ты такой охотник. <...> до поры до времени тебе не следует работать, особенно – писать. Откуда тебе взять такое зверское количество нервной энергии после нервной болезни? А ведь что бы мы ни писали, мы пишем нервами. Повремени, оправься. Будь покоен. Вернется все, что у тебя было, и рост твой, рост драматурга Льва Лунца! – впереди»²⁰⁵. К. А. Федин отлично понимал, что его товарища гораздо сильнее беспокоит не телесная болезнь, а то, что он теряет способность заниматься литературой, созданием нового искусства. Переписка К. А. Федина с Л. Н. Лунцем оборвалась 8 мая 1924 года, когда Лунца не стало, но имя «Брата-Скомороха» еще многократно будет появляться на страницах серапионовских эпистоляриев.

²⁰⁴ Там же. С. 587.

²⁰⁵ Федин К. А. Письмо Л. Н. Лунцу от 11 ноября 1923 г. // Лунц Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / сост., подгот. текстов, коммент., указ., послесл. Е. Лемминга; вступ. ст. В. Шубинского. СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2003. С. 636.

Совершенно иной тон у писем К. А. Федина, адресованных Вс. В. Иванову. Большую часть прожитой жизни писатели провели рядом, в 1921–1923 годах в Ленинграде, с 1937 года соседствовали и по московским квартирам, и по дачам в Переделкине, поэтому необходимость в эпистолярном общении практически не возникала. Самое раннее письмо, написанное К. А. Фединым Вс. В. Иванову, датируется 30 ноября 1925 года. К этому моменту Вс. В. Иванов переехал в Москву и практически не принимал участие в серапионовских встречах. Однако, несмотря на то, что некоторые серапионы (например, Л. Н. Лунц) считали Вс. В. Иванова «чужим», использовавшим Братство как «трамплин, чтобы вскочить выше»²⁰⁶, для К. А. Федина он продолжал оставаться близким и родным. К. А. Федин с искренним дружеским интересом осведомляется о жизненных обстоятельствах Вс. В. Иванова, рассказывает об обстановке в Ленинграде, а также делится своими планами: «У нас здесь вовсе – монастырь! До чего тихо!! Львы опять вместе с обезьянами и ослами, при этом все улыбаются. До чего скучно! От скуки – страшная злоба. Со злобы додумался я до... альманаха “Серапионовы братья”. Говорю СЕРЬЕЗНО (здесь и далее в тексте письма выделено автором – М. Г.). Вот план: выпустить к 1-му февраля (ПЯТИЛЕТИЕ!) сборник с участием ВСЕХ (покойного Лунца в том числе) серапионов; поэзия, проза, статьи (“пять лет” – это “информационно!”, “памяти Лунца”), библиография; весь состав должен быть таким, чтобы получилось впечатление, что мы ничего не заметили и замечать не собираемся! Рассказы должны быть “вообще”, по возможности необычные (т.е. без Кремля, без социологии, без всех узаконенных и приятных ослам и львам аксессуаров), но очень хорошие. <...> Это будет форменный переворот!»²⁰⁷ Обрисовывая аллегорически литературную жизнь Ленинграда, К. А. Федин, скорее всего, откликается на постановление

²⁰⁶ Лунц Л. Н. Письмо К. А. Федину от 19 февраля 1924 г. // «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / вступ. ст., сост. коммент., аннот. указ. Е. Лемминга. М. : Аграф, 2004. С. 271.

²⁰⁷ Федин К. А. Письмо Вс. В. Иванову от 30 ноября 1925 г. // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 284.

Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». В нем говорилось о том, что у пролетариата уже «есть безошибочные критерии общественно-политического содержания любого литературного произведения»²⁰⁸. Задумывая издание этого сборника, К. А. Федин и все поддержавшие его серапионы рассчитывали напомнить читателям, что Братство живо и не собирается отступить от своей установки быть вне идеологии и политики. Хотя К. А. Федин и не сомневался в успехе этого предприятия, попытка не закончилась положительным результатом. Но то, с каким уверенным воодушевлением К. А. Федин пишет об этом деле, показывает сплоченность серапионов, их готовность транслировать идеи Братства, несмотря на первые признаки будущего разъединения писателей.

Письма К. А. Федина М. Л. Слонимскому 1920-х годов носят, прежде всего, деловой характер. В них тезисно, без лирических отступлений, дается информация о бытовых, денежных вопросах, возможности публикации серапионов в журнале «Петербург», о задержке издания альманаха «Серапионовы братья», о попытке собрать материал для отдельного сборника произведений Л. Н. Лунца и воспоминаний о нем.

Отдельного внимания заслуживает рефлексия К. А. Федина на сообщение М. Л. Слонимского об окончании первой части «Лавровых»: «Письмо твое умилило меня до слез, я плакал две ночи. Во-первых, роман, как твой РОМАН (здесь и далее в цитате выделено автором – *М. Г.*)? Неужели решил сделать повесть? Рассказ? Очерк?! Этюд из личных переживаний??!!! Милый мой, я хочу, чтобы у тебя был РОМАН! Говорю это совсем серьезно. Тебе необходим роман, потрудись, не падай духом, не спеши. Можешь писать год, два, это –

²⁰⁸ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б); ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М. : Демократия, 1999. С. 53–54.

пустяки, но роман НУЖЕН²⁰⁹. Диалог двух писателей, их особое внимание к роману, конечно, было навеяно дискуссией о судьбе этого прозаического жанра, развернувшейся в начале 1920-х годов. В. Б. Шкловский²¹⁰ одним из первых заметил в традиции серапионов переплетение «старшей» линии с авантюрным, пришедшим с запада, романом. А. К. Воронский²¹¹ упоминал серапионов, рассуждая о становлении жанра романа в русской литературе 1920-х годов. Формалистская теория романа В. Б. Шкловского была раскритикована А. Слонимским²¹². К дискуссии присоединились Е. Замятин²¹³, В. Правдухин²¹⁴, А. Рашковская²¹⁵, С. Нельдихен²¹⁶ и многие другие. Но, скорее всего, глубоким побудительным мотивом для серапионов стала статья Л. Н. Лунца «На Запад!», прочитанная им на одном из серапионовских собраний. Сам Л. Н. Лунц вспоминает об этом в письме М. Горькому от 16 июля 1922 года: «Пря произошла потрясающая. Едва не побили меня. Это было, кажется, самое интересное наше заседание <...> Я считаю, что разрушение русского романа произошло вовсе не потому, что “сейчас роман невозможен”, а потому, что все слишком хорошо владеют стилистическими мелочами, и под ними тонет действие <...> “Голый год” Пильняка, по-моему, очень характерное и возмутительное явление. Это не

²⁰⁹ Федин К. А. Письмо М. Л. Слонимскому от 28 июня 1928 г. // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 368.

²¹⁰ Шкловский В. Б. Серапионовы братья // Книжный угол. 1921. № 7. С. 18–21.

²¹¹ Воронский А. К. Литературные силуэты // Красная новь. 1922. № 6. С. 319–320; Воронский А. К. На перевале (Дела литературные) // Воронский А. К. Искусство и жизнь. М.; Пг.: Круг, 1924. С. 75–86.

²¹² Слонимский А. По поводу «кризиса критики» // Книга и революция. 1922. № 4. С. 17–18.

²¹³ Замятин Е. Новая русская проза // Русское искусство. 1923. № 6–7. С. 57–67; Замятин Е. О сегодняшнем и современном // Русский современник. 1924. № 2. С. 264–268.

²¹⁴ Правдухин В. Литература о революции и революционная литература // Правдухин В. Литературная современность. М. : ГИЗ, 1924. С. 147–186.

²¹⁵ Рашковская А. Современный роман // Жизнь искусства. 1923. 19 июня (№ 24). С. 18.

²¹⁶ Нельдихен С. Мысли о современной русской литературе // Книга и революция. 1922. № 7. С. 21.

роман, а свод матерьялов. Фабула требует долгой учебы, многих опытов и эскизов. А все, в том числе и большинство серапионов, не хотят работать на верную – вначале – неудачу и движутся по линии наименьшего сопротивления. <...> Надо писать большие вещи, хотя бы не такие совершенные. Совершенство придет после тяжелой работы»²¹⁷.

Сам К. А. Федин в 1924 году опубликовал свой первый роман «Города и годы», который стал событием не только в отечественной, но и в европейской литературе. Книгу бурно обсуждали в нашей стране и за рубежом: ведущие критики, сами писатели, читатели²¹⁸. Восторженные отзывы внесли свой вклад в создание «славы крупного романиста», над которой дружески подшучивали некоторые Братья, тонкой иронией нивелируя созданный излишний пафос. Это хорошо чувствуется и в ответном письме М. Л. Слонимского на настойчивые уговоры К. А. Фебина не ограничиваться определением «Лавровых» как повести: «Тебе хорошо, Костя, ты пользуешься европейской известностью, ты – великий романист и такой талант при этом, что даже Ангерт²¹⁹ подает тебе руку. А каково нам – неизвестным начинающим молодым авторам? Мы, с благоговением читая “Города и годы”, и мечтать не смеем исполнить когда-нибудь такой созвучный современности труд. Мы выше небольших эскизов из личных переживаний не можем подняться»²²⁰. И уже серьезно продолжает: «Костик, роман мой – роман (здесь и далее в письме подчеркнуто автором – М. Г.) и никаких гвоздей! 3 листа –

²¹⁷ Лунц Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / сост., подгот. текстов, коммент., указ., послесл. Е. Лемминга; вступ. ст. В. Шубинского. СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2003. С. 558.

²¹⁸ Подробнее см.: Кабанова И. Э. Роман К. А. Фебина «Города и годы» в оценке критики 1920-х годов // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К. А. Фебина. Саратов : Наука, 2018. С. 210–219.

²¹⁹ Ангерт Давид Николаевич (1891–1977) – заместитель главного редактора Ленинградского отделения Государственного издательства.

²²⁰ Переписка К. А. Фебина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 370.

это только первая часть, где еле наметилась завязка, я уже начал вторую часть, так, если я не умру и если я не задохнусь от чтения рукописей, то будет не что иное, как роман!»²²¹ М. Л. Слонимский – единственный из серапионов, с кем К. А. Федин поднимал вопрос о необходимости написания большого произведения для литературного багажа писателя.

Эпистолярное общение с М. Л. Слонимским было самым активным из всех серапионов. Близость их литературных биографий переросла в большую человеческую дружбу, продолжавшуюся более полувека, невзирая на все препятствия и разногласия. Их общение было настолько тесным, что нерегулярность корреспонденции в некоторых случаях воспринималась как сигнал отчуждения. С такой интонацией К. А. Федин пишет письмо М. Л. Слонимскому 25 февраля 1928 года: «Так как от тебя долго не было ни строчки, то я решил, что ты сердит на меня и что я совершенно проклят тобою на вечные времена. <...> Сейчас пришло твое письмо, и я благодарю тебя прежде всего за то, что ты написал (подчеркнуто автором – *М.Г.*), не говоря уже о том, что ты пишешь. Мне теперь будет во сто раз покойней и легче. Выражаясь современным языком – на фронте нашей пожилой дружбы все благополучно»²²². В этом письме свое бессилие составить ответ К. А. Федин объяснял невозможностью оторваться от работы: он заканчивал роман «Братья». Но, кроме творческих, появлялись и другие объективные причины длительного молчания. Например, связанные с состоянием здоровья. Так, восстанавливаясь после очередного этапа лечения туберкулеза, К. А. Федин сетует М. Л. Слонимскому на то, что деревенский режим расслабляет почти как санаторский: «Мишенька, ты – поди – гневаешься на меня – молчу, как гроб! Не сердись! Изленился я так, что написать письмо стало для меня трудом египетским, и писал я все время мало,

²²¹ Там же.

²²² Переписка К. А. Федина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 390.

только по неизбежности. <...> Писем получал много, так что почти обо всем знаю, что мало-мальски примечательно»²²³.

Обращение к эпистолярию 1930–1960-х годов (времени активного ведения К. А. Фединым дневника) дает нам возможность сравнения авторской интенции в разных по жанровым особенностям эго-документах. Приведем несколько примеров.

В переписке К. А. Федина и М. Л. Слонимского часто обсуждалась работа Издательства писателей в Ленинграде как в части общетеоретических рассуждений о создании литературного центра на основе серапионовских традиций, так и в части редакторской работы по отбору рукописей для публикации. К. А. Федин как раз просил М. Л. Слонимского посмотреть конец 21 главы романа Н. Н. Никитина «Шпион». В дневнике К. А. Федина 15 июля 1929 года зафиксированы его впечатления от этого произведения: «Я прочел “Шпиона” Никитина, последнюю его вещь. Она написана с большим стилистическим напряжением и, если бы была короче раз в пять-шесть, могла бы произвести хорошее впечатление. Но он так взвинтил повествование в самом начале, что к концу темп его утрачивается, его перестаешь замечать, и роман становится безжизненным. Во всем чувствуется искусственность выдумки, хотя в основу положен “живой” случай – налет монархистов на Деловой клуб в Ленинграде. Кажется, и серапионы не могли бы помочь сейчас Никитину. *Дело его, как-будто, кончено* (курсивом мы выделили фразу, не вошедшую в текст опубликованных ранее дневников – М. Г.)»²²⁴. Несколько иную позицию мы видим в письме К. А. Федина Н. Н. Никитину (недатированному, написанному на бланке ИПЛ): «Дорогой Коля, сегодня разбирался в делах Издательства <...> “Шпион” сейчас не может пойти, не можем взять, так как нечем платить. Новая книга твоя готова ли? ЕЕ, конечно, было бы легче провести – и я лично буду проводить непременно

²²³ Там же. С. 427.

²²⁴ Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 41.

(подчеркнуто автором – *М. Г.*) – но трудно, спасая положение резкими мерами и всем отказывая во всем, делать исключение даже бесспорному автору»²²⁵. Формальный отказ из-за денежных затруднений, нивелированный интересом к *новой* (курсив мой – *М. Г.*) книге, как нам кажется, был свидетельством нежелания К. А. Федина обострять недавно погашенный конфликт серапионов с Н. Н. Никитиным, обвиняемым ими в «неприкрытой дряни и халтуре»²²⁶. В. П. Муромский писал о настоящем литературном профессионализме как об «истинном групповом интересе, общей цели серапионов»²²⁷. Снижение литературного качества новых произведений Н. Н. Никитина было, безусловно, отмечено К. А. Фединым и оценено им фразой «*Дело его, как будто, кончено*», однако его же слова «*бесспорный автор*» свидетельствуют о прежнем желании К. А. Федина видеть Н. Н. Никитина в ряду близких и дорогих ему участников группы.

Несколько иная история произошла с публикацией романа М. Л. Слонимского «Инженеры» в журнале «Новый мир». В дневнике К. А. Федина находим запись в августе 1949 года: «Прочитал в рукописи роман Мих. Слонимского “Инженеры”. Он пишет лучше, чем прежде, и я похвалил его даже несколько более щедро, нежели роман заслуживает»²²⁸. В письме, адресованном главному редактору «Нового мира» К. М. Симонову и его заместителю А. Ю. Кривицкому, от 4 марта 1949 года К. А. Федин выразил свое мнение о первой части нового произведения М. Л. Слонимского и предложил редакции взять его сразу после окончания работы над ним: «Судя по началу, вещь эта свидетельствует о большом шаге вперед М. Слонимского. Очень энергична

²²⁵ Федин К. А. Письмо Н. Н. Никитину. <б.д.> // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. Ед.хр. 380. Л. 3–3 об.

²²⁶ Каверин В. А. Письмо Л. Н. Лунцу от 9 октября 1923 г. // «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / вступ. ст., сост. коммент., аннот. указ. Е. Лемминга. М. : Аграф, 2004. С. 177.

²²⁷ Муромский В. П. «Серапионовы братья» как литературно-групповой феномен // Русская литература. 1997. № 4. С. 84.

²²⁸ Федин К. А. Дневниковая запись от 16 августа 1949 г. // НВГМФ 5610/13.

вся экспозиция романа, сразу ставится тема, задача произведения, язык стал богаче при всем лаконизме, образы героев отчетливы и (что ранее не удавалось автору) зримы, одушевлены»²²⁹. Роман был принят к публикации не без препятствий, о чем сообщает М. Л. Слонимский: «Милый Костя, до меня дошли слухи, что Твардовский²³⁰ заворчал на мой роман, но что ты отстоял роман <...> Я очень тронут таким твоим поступком и хочу тебя весьма и весьма поблагодарить. Уж не говоря о том, что это в высочайшей степени принципиально. В общем, как мне рассказали, Твардовскому не удалось выместить из журнала принятую и набранную вещь (говорят, он действовал без особых мотивировок, опираясь только на личный вкус)»²³¹. Примечательно, что отмечая несовершенство написанного М. Л. Слонимским романа, К. А. Федин объективно оценивает профессиональный рост автора и поддерживает публикацию, понимая, насколько важно это для его «брата во серапионе».

В 1940–1960-е годы, несмотря на то, что надобность в эпистолярном общении между серапионами стала гораздо существенней, все же возникали долгие паузы в переписке. Тогда К. А. Федин находит этому свое объяснение: он связывает задержки не с возникающими внешними преградами и обстоятельствами, не с загруженностью и невозможностью найти свободное время, а с состоянием внутреннего кризиса. Так он оправдывает свое молчание перед Н. Н. Никитиным: «Не писал же тебе исключительно потому, что писать отучилось сердце, а просто водить рукой по бумаге, может быть, как раз для писателя невозможно...»²³² Еще раньше в письме тому же Н. Н. Никитину К. А. Федин упоминал о своей зависти к тому, что его товарищ не утратил

²²⁹ Федин К. А. Письмо К. М. Симонову и А. Ю. Кривицкому от 4 марта 1949 г. // ГМФ 52662.

²³⁰ А. Т. Твардовский стал главным редактором журнала «Новый мир» с 1950 года.

²³¹ Слонимский М. Л. Письмо К. А. Федину от 7 марта 1950 г. // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 534.

²³² Федин. К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 22 июля 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. Ед.хр. 382. Л. 27–27об.

способности вести переписку: «У меня уже нет умения взять листок бумаги и рассказать что-нибудь связное о своем душевном состоянии, о пережитом и переживаемом. Даже другу тяжело черкнуть два добрых слова – письмобоязнь одолела, ужас перед почтовой бумагой, какой-то эпистолярный тромб!»²³³ Отдельного внимания заслуживает, с одной стороны, объективная причина – излишняя загруженность общественными поручениями и должностями, но, с другой стороны, она же перерастает в субъективное ощущение постоянной невозможности заниматься «своим» делом. Об этом К. А. Федин пишет Н. Н. Никитину незадолго до его смерти: «Повинен я перед тобою в том, что на летнее письмо твое не отозвался хотя бы коротко. Я его возил с собою в Карачарово, где жил с сентября по ноябрь. Но, знаешь ли и поверишь: истощились мои силы! Сколько раз ни брался я за ответ – чувствовал, что чего-то недостает мне для эпистолярности, – вялость и пассивность душевной жизни были гнетущими. Дело заключалось в обычном у меня в последние годы чувстве, что главному делу перечат все другие. Я заточился в Карачарове, чтобы дать, наконец, ход своему роману. <...> Но заточение мало помогло мне. Пожалуй, только увеличился страх, что отвлекающие от настоящей работы обязанности никогда уже не дадут за нее взяться...

Словом, друг мой, “романы” наши с романами не так просты»²³⁴.

Тема постоянной отвлеченности от непосредственного писательского труда часто возникает на страницах как дневников, так и писем К. А. Федина. Так, писатель обрисовывает период работы над своим первым романом И. С. Соколову-Микитову 25 июня 1923 года: «До сих пор не написал и половины своего романа <... > Очень мешает, конечно, служба и теперь – редакторская работа в “Круге”.

²³³ Федин. К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 15 октября 1944 г. // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. Ед.хр. 382. Л. 21.

²³⁴ Федин К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 3 декабря 1962 г. // ГМФ 52264/1.

Мешает, собственно все. Потому что нет покою, пестро, многолюдно кругом»²³⁵. В 1939 году – делится своим состоянием с Никитиным: «Должен сказать, что занятие работой, которую ты считаешь не своей (здесь и далее в цитате подчеркнуто автором – *М.Г.*) – мучительнее многолюбых неудач в обычной своей работе. Я настолько привык чувствовать себя прозаиком, что само нахождение вне этой сладостной сферы для меня – мучительная утрата, а сознание, что меня ждет неоконченная повесть, начатый роман еще больше ухудшают самочувствие»²³⁶. И даже заявляет о своем решительном намерении отказаться от всех общественных нагрузок ради творчества: «У меня делание (новой литературы – *М.Г.*) это сейчас вон из рук: как вульгарная наемная сила, я ворочаю и перетряхиваю чужое белье быта, от родов до погребения, и вдобавок к этому – “председательствую”, протираю брюки на заседаниях. И вот, пообдумав все, пришел к выводу, что надо кончать (подчеркнуто автором – *М. Г.*). Жить осталось мало, а сделать хочется побольше. Ведь ни Литфондом, ни Союзом не помянут. Да и черт с ним – чем помянут: важно делать то, что хочется»²³⁷. В 1953 году К. А. Федин сообщает М. Л. Слонимскому: «Я пишу помалу. В город почти не езжу. Морозы, иней. Хочется читать хорошие книги, а читаю плохие рукописи. Словом – жизнь профессионала»²³⁸. Спустя еще три года он пишет М. М. Зощенко: «Милый Миша, я сейчас в отпуске и сбежал из города, сбежал со своей дачи, чтобы поработать “для себя”, чего уж совсем невозможно делать, если достигаем для “широких кругов”. Круги эти, по названию широкие, имеют способность так сжиматься, что ежели не выпрыгнешь вовремя, то они и задушат

²³⁵ «Свела нас Россия». Переписка К. А. Феина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974 / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. М. : Тов-во научных изданий КМК, 2008. С. 31.

²³⁶ Федин К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 6 января 1939 г. // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. Ед.хр. 380. Л. 13.

²³⁷ Федин К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 8 февраля 1939 г. // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. Ед.хр. 380. Л. 19.

²³⁸ Федин К. А. Письмо М. Л. Слонимскому от 3 ноября 1953 г. // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 547.

в своих благодарных объятиях»²³⁹. Но в будничности и простоте упоминаний об этом в письмах не чувствуется того трагизма, той неразрешимости, какими проникнуты дневниковые записи. Федин остро реагирует на подобные состояния своих собеседников. Например, он записывает в дневнике, что по дороге на дачу имел с А. А. Фадеевым «разговор об усталости и нервной цене, которую он (Фадеев – М. Г.) платит за общественную работу, что может “просто умереть”»²⁴⁰. Пророческими оказались записанные К. А. Фединым слова. Сам К. А. Федин свое состояние называл «болезнью бесплодия» и только в разговоре с самим собой признавался: «И я жалуясь, что мне мешают, жалуясь себе и другим, жалобами прикрывая недуг своего тщеславия, действительно мешающего мне – и гораздо сильнее, чем мешают люди, использующие мое тщеславие в своих намерениях»²⁴¹. Особенно остро К. А. Федин переживал последствия своего «нетворчества»: «Встречаю часто свое имя – нынче, в статьях <...> Упоминания почтительные и лестные. Но сам себе я по-прежнему не в радость: пишется трудно, с угнетающей неуверенностью в каждом слове и с чувством полной забитости текущими делами, которые опустошат меня, наверное, в конец. В таком состоянии прочитывать комплименты себе мучительно. Они кажутся издевательством»²⁴². Для сравнения способа выражения авторской интенции приведем еще фрагмент письма К. А. Федина Н. Н. Никитину, написанного примерно в это же время в 1954 году: «Все еще поддаюсь многим и трудным нажимам нашей святой писательской церкви и пою либо на клиросе, либо даже соло. Но решил непременно снять с себя стихир и пригасить кадило: возраст не тот уже, парча тянет плечи, да и кашлять начал от ладана»²⁴³. Таким образом, становится ясно, что эпистолярные тексты писателя имеют свою специфику,

²³⁹ Федин К. А. Письмо М. М. Зощенко от 8 июня 1956 г. // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 366.

²⁴⁰ Федин К. А. Дневниковая запись от 5 января 1951 г. // НВГМФ 5610/14.

²⁴¹ Федин К. А. Дневниковая запись от 8 октября 1953 г. // НВГМФ 5610/19.

²⁴² Федин К. А. Дневниковая запись от 18 ноября 1954 г. // НВГМФ 5610/20.

²⁴³ Федин К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 1 мая 1954 г. // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. Ед.хр. 380. Л. 21–21 об.

обусловленную и степень близости с корреспондентом, и некоторой самоцензурой, не позволяющей, в отличие от дневников, быть предельно откровенным. Тем не менее, эпистолярное общение было неотъемлемой частью жизни К. А. Федина и его связи с серапионами.

Братья уже давно договорились, что эпистолярный стиль умер вместе с телефонами, радио и с прочими техническими изобретениями. «И напрасно жалеть о том, что мы, присяжные стилисты, не умеем писать писем. Все происходит, как течение планет, и мы не в силах продолжать тургеневские традиции»²⁴⁴. Эпистолярное наследие И. С. Тургенева огромно: из тридцати томов полного собрания сочинений письма занимают восемнадцать²⁴⁵. Упоминанием Тургенева-классика в контексте эпистолярных образцов К. А. Федин подчеркивает свое отношение к письму не только как к документальному жанру. Очевидно, письмо воспринималось им еще и как своеобразный художественный текст, демонстрирующий направленность писательского сознания. Такими шедеврами, по мнению исследователей, стилистически обработанными и тематически продуманными, становились многие письма И. С. Тургенева: «Раскрывая свой внутренний мир, делясь своими мыслями, переживаниями, русский писатель зачастую превращает письмо в лирическую миниатюру, а откровенные философские размышления перемежаются с лирическими описаниями»²⁴⁶. «Однако, – продолжает свою мысль К. А. Федин, – писать писем по Тургеневу мы уже не станем. Если нам хватит переживаний для книг – слава

²⁴⁴ Письмо К. А. Федина Н. Н. Никитину от 3 октября 1944 г. // Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 11. Письма 1909–1977. С. 226.

²⁴⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1978.

²⁴⁶ Скоропадская А. А. Горацианские мотивы в эпистолярном наследии И. С. Тургенева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 242.

богу. На письма их не хватит. Поэтому я хотел бы только разговаривать, даже только болтать в письмах, о большем и не мечтаю»²⁴⁷.

Интонация живого разговора, доверительной беседы, действительно, характеризует большую часть писем, адресованных К. А. Фединым членам Серапионова братства. Исключение составляет переписка с В. С. Познером, рано уехавшим вместе с родителями за границу. Их личное знакомство было чрезвычайно кратким, поэтому прошло несколько десятилетий эпистолярного общения, прежде чем их отношения стали если не дружескими, то приятельскими: впервые писатели перешли на «ты» в декабре 1961 года²⁴⁸. В этих письмах корреспонденты обменивались новостями и обсуждали возможность публикации произведений К. А. Федина на Западе. В. С. Познер стал инициатором переписки, вдохновленный прочитанным романом К. А. Федина «Города и годы». Он восторженно отзывался о произведении, в письме от 19 апреля 1925 года называл его «лучшей книгой, написанной за революцию»²⁴⁹, собирался сам переводить роман. Первых ответных писем К. А. Федина не выявлено, поэтому мы не знаем, как он воспринял комплиментарный отзыв молодого Собрата. В его самом раннем письме уже идет речь о переводе «Городов и годов» не только на французский язык, но и на испанский. В основном, в их корреспонденциях обсуждались деловые вопросы, связанные с издательскими делами, с гонорарами, с получением визы для заграничной поездки, пересылка книг.

Единственным отступлением в этой переписке стало упоминание в письме К. А. Федина от 2 декабря 1929 года точки пересечения биографий писателей: «Серапионы опять возродились, мы очень часто собираемся, дружеские связи

²⁴⁷ Федин К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 3 октября 1944 г. // Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 11. Письма 1909–1977. С. 227.

²⁴⁸ Подробнее о взаимоотношениях писателей см.: Переписка К. А. Федина и В. С. Познера / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. Э. Кабановой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 283–335.

²⁴⁹ Там же. С. 292.

наши очень упрочились»²⁵⁰. До сих пор исследователи не пришли к единому мнению о дате прекращения деятельности этой литературной группы. Традиционно принято говорить о трех годах активных встреч, которые завершились в 1924 году после смерти Л. Н. Лунца. Другие рассматривают пять лет, в течение которых проходили регулярные собрания. Концом этого периода стало торжественное празднование пятой годовщины Братства. Слова, написанные М. Горьким К. А. Федину в письме от 28 января 1926 года, ставят на этом этапе своеобразную точку в истории существования группы: «Да, вы, “серапионы”, история литературы. В невероятно трудные годы, в условиях отчаянно тяжелых, вы сумели остаться “свободными художниками” именно “вопреки законодателям вкусов”, как Вы пишете, вопреки создателям канонов или – точнее кандалов для души. Это заслуга немалая. Ее – не забудут»²⁵¹. Следующая веха – 1929 год. Воодушевление, с каким пишет К. А. Федин о возрождении серапионов В. С. Познеру, связано во многом с работой Издательства писателей в Ленинграде. Подтверждение тому находим в его письме М. Л. Слонимскому от 24 июня 1929 года: «Так мы и должны, по-моему, строить наше издательство, с расчетом, что оно будет центром литературной жизни, как были в свое время серапионы»²⁵². Однако, как считает Л. Ю. Коновалова²⁵³, эта попытка восстановить единство на прежнем принципе свободы от принадлежности к любым школам и эстетическим направлениям была обречена на провал. В преддверии одиннадцатой серапионовской годовщины К. А. Федин, находящийся на лечении в Давосе, обращается с просьбой к жене Д. С. Фединой:

²⁵⁰ Там же. С. 316.

²⁵¹ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 502.

²⁵² Переписка К. А. Федина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 402.

²⁵³ Коновалова Л. Ю. Возрождение Серапионова братства... (На материале эго-документов К. А. Федина 1929–1931-х годов) // Серапионовы братья: Взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества: материалы Всероссийской научной конференции. Саратов : Наука, 2021. С. 48–57.

«Будь добра, позвони 1-го февраля Мише Слонимскому и скажи, что, мол, Костя запрашивает, существуют ли серапионы хотя бы настолько, чтобы пить вместе водку (на большее, мол, он и не рассчитывает)»²⁵⁴. Несмотря на игривый тон в этом послании степень серьезности волновавшего его вопроса не вызывает сомнений. Одновременно он отправляет письмо М. Л. Слонимскому: «Милый Миша, скажи, существуют ли Серапионы? <...> Если ты захочешь (всерьез или в шутку) принять поздравление – значит, серапионы существуют (всерьез или в шутку). Если же ты почувствуешь потребность объяснить мне разительное несоответствие серапионовской традиции духу времени <...> я буду знать, что серапионов нет даже в шутку»²⁵⁵.

Б. Я. Фрезинский считает, что сами серапионы свой распад предчувствовали гораздо раньше, еще до первой кризисной точки – смерти Л. Н. Лунца. В качестве примера он приводит письмо Л. Н. Лунца Н. Н. Берберовой от 24 января 1923 года: «Должен Вам сообщить очень горькую для меня новость: серапионы разваливаются. Медленно, но неуклонно. Часть вышла в знаменитые писатели и тяготится “партийным ярмом”. Но ведь партийности-то у нас нет. Всё одно: не клеятся больше наши “субботы”, не все приходят. Я в отчаянии. <...> Ну, да будем надеяться, что это временно. Я твердо знаю: разойтись мы не можем – слишком крепко спаяны. Серапионы трещат, но развалиться не могут. Будем ждать»²⁵⁶. 21 июня 1923 года К. А. Федин тоже сообщает Л. Н. Лунцу, к тому времени уже уехавшему в Гамбург, о плачевном состоянии серапионовских собраний: «Нам грустно, что серапионов не стало. У Полонской по средам никого нет <...> Это, кажется, все»²⁵⁷. Однако в конце 1923 года обстановка в группе снова переменилась: «У серапионов стало хорошо, – пишет К. А. Федин

²⁵⁴ Федин К. А. Письмо Д. С. Фединой. 19–20 января 1932 г. // ГМФ 33586.

²⁵⁵ Переписка К. А. Фебина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 448–449.

²⁵⁶ Лунц Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / сост., подгот. текстов, коммент., указат., послесловие Е. Лемминга. СПб. : ООО «Инапресс», 2003. С. 560.

²⁵⁷ Там же. С. 572.

Л. Н. Лунцу 11 ноября 1923 года. – <...> Следующую Среду посвящаем серапионам. Илья говорит обо всех и каждом – “итоги”, – а мы рассказываем о том, чем каждый из нас обязан серапионам. Вечер интимный, дружеский и проч<ее>. Хорошо»²⁵⁸. На таком же подъеме чувств серапионы встретили свое трехлетие. 2 февраля 1924 года К. А. Федин пишет Л. Н. Лунцу длинное письмо, в каждой строчке которого читается не просто искренняя необходимость поделиться с отсутствующим собратом атмосферой праздничного вечера, а желание еще раз пережить восторг воплощения идеи Братства: «Дорогой, милый Левушка. Пишу с похмелья, под живым впечатлением вчерашнего вечера. Твои “Хождения” произвели на всех непередаваемое действие. Все говорят, что ты был центром юбилея. Виктор (Шкловский – М.Г.) <...> считает, что ты “оправдал” весь вечер. Словом, нет возможности передать тебе всех похвал и восторгов. Мое личное мнение: “Хождение” осмыслило наше братание на трехлетии, придало ему нужность, еще раз дало всем понять, что “мы не товарищи, а братья”!»²⁵⁹ Используя цитату из статьи Л. Н. Лунца «Почему мы Серапионовы братья», К. А. Федин подчеркивает одно из принципиальных отличий группы от всех остальных литературных объединений – лежащую в его основе высокую идею человеческого братства, основанного на принципах свободы и взаимного уважения, свободного от идеологии и конъюнктурности. Л. Ю. Коновалова считает, что даже в условиях ограничения реализации идеи братства сферой литературы и искусства, серапионы стали символом невозможного: «Быть свободным от неприятия точки зрения другого брата, его эстетического кредо и литературных пристрастий оказалось не менее сложным, чем быть свободным от политических и идеологических установок и требований своего времени»²⁶⁰. По

²⁵⁸ Там же. С. 636.

²⁵⁹ Там же. С. 672.

²⁶⁰ Коновалова Л. Ю. Возрождение Серапионова братства... (На материале эго-документов К. А. Федина 1929–1931-х годов) // Серапионовы братья: Взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества: Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов : Наука, 2021. С. 55.

ее же мнению, только Л. Н. Лунц в чистом виде воспринял эту идею, для всех остальных серапионов отношения внутри группы очень скоро переросли просто в дружеские. Согласимся с ней, приведя в качестве примера несколько высказываний К. А. Федина. Исследователь Гари Керн эпиграфом к своей магистерской диссертации «Лев Лунц, Серапионов брат»²⁶¹ взял слова К. А. Федина, дописанные им на письме Л. Б. Харитон Л. Н. Лунцу от 6 декабря 1923 года: «Дорогой Левочка <...> Ты прекрасный, один и единственный Серапион! Все остальные – суррогат»²⁶². Очевидно, акцентируя внимание на том, что именно Л. Н. Лунц был проводником идеи братства для остальных членов группы, именно Л. Н. Лунц вместо автобиографии опубликовал ставшую «программной» статью «Почему мы Серапионовы братья»²⁶³. Свою оценку взаимоотношений членов группы К. А. Федин дал в письме М. Горькому от 28 августа 1922 года: «<...> кажется, не было в России ни одной литературной группы, которая держалась бы так долго на одной дружбе (школы бывали, направления – тоже, но ведь у нас ни школ, ни направлений!)»²⁶⁴ Эту же оценку он подтвердил позже в письме тому же М. Горькому от 16 января 1926 года, отправленном в преддверии пятой годовщины братства: «К этому сроку все заново сошлись, по-новому все поняв и пересмотрев. <...> Но я чувствую (и думаю, что это чувствуют все), как многим каждый из нас обязан этому мифологическому обществу – “Серапионовы братья”. Сомнительно, конечно, что это – история литературы. Но, во всяком случае, это – история человеческой дружбы. Меня эта дружба очень часто и очень щедро питает»²⁶⁵. К. А. Федин

²⁶¹ Керн Г. Лев Лунц, Серапионов брат. Манчестер. Апрель 1965 / Пер. А. Приходько. Машинописная копия диссертации для служебного пользования // ГМФ 15174.

²⁶² Письмо Л. Б. Харитон Л. Н. Лунцу от 6 декабря 1923 г. // Лунц Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / сост., подгот. текстов, коммент., указат., послесловие Е. Лемминга. СПб. : ООО «Инапресс», 2003. С. 645.

²⁶³ Литературные записки. 1922. № 3. С. 30–31.

²⁶⁴ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. С. 467.

²⁶⁵ Там же. С. 500.

постоянно размышлял о сообществе и его роли в истории литературы, о том, как они воздействуют на его собственное творчество, о совпадении или несовпадении его личных воззрений с основополагающей идеей группы. Расходясь с «западным крылом» серапионов во взглядах на формальные поиски и пути развития русской литературы, он выделял и разделял главные идеи Братства – свободу творчества и серьезное отношение к искусству.

Некоторые факты, представленные на страницах писем К. А. Федина, развенчивают устоявшиеся представления о содружестве серапионов. Например, о появлении названия «Серапионовы братья». Многие мемуаристы (М. Л. Слонимский, Н. К. Чуковский, Е. Г. Полонская) говорят о случайности такого выбора, связывая его только с тем фактом, что одноименная книга Э. Т. А. Гофмана лежала на столе в комнате М. Л. Слонимского в Доме искусств, где проходило первое собрание молодых писателей. Однако в комментариях к машинописным копиям писем М. Горького, которые К. А. Федин готовил к сдаче в Архив М. Горького при ИМЛИ, он делает уточняющее замечание:

«Серапионы – кружок молодых писателей, возникший 1 февраля 1921 года в “Доме Искусств”, в Петрограде, и принявший название “Серапионовы братья” – по одноименному циклу новелл Э. Т. А. Гофмана. Название всплыло на базе аналогии с “серапионами” 30-х годов XIX века – молодыми петербургскими литераторами, почитателями Э. Т. А. Гофмана, устраивавшими “серапионовские вечера”, на которых они читали друг другу свои сочинения»²⁶⁶. Действительно, такое явление существовало в жизни Петербурга 1830-х годов, подтверждение чему находим в воспоминаниях И. И. Панаева: «В описываемое мною время кроме литературных собраний, о которых я упомянул (у П. А. Плетнева, Ф. П. Толстого и В. Ф. Одоевского – *М. Г.*), были еще известные немногим литературные небольшие сходки любителей, еще, так сказать, домашним образом занимавшихся литературой. <...> Они назывались серапионовскими вечерами

²⁶⁶ Горький М. Письма К. А. Федину 1923–1936. Машинописная копия // ГМФ 48530. С. 71.

(Гофман у нас был тогда в большом ходу). На этих вечерах наши серапионы читали по очереди свои сочинения»²⁶⁷. Отметим, что больше никто из петроградских серапионов не упоминал о такой аналогии, но, следуя этим, уже заложенным предшественниками, традициям, они горячо приняли идею чтения и обсуждения сообща только что написанных произведений.

Еще одно устоявшееся суждение связано с восприятием статьи Л. Н. Лунца «Почему мы Серапионовы братья» как манифеста группы – публичного объявления собственных принципов, намерений, программ. Считываемая многими современниками «программность» статьи Л. Н. Лунца породила миф о нарочитой аполитичности группы.

«С кем же вы, Серапионовы Братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?

С кем же мы, Серапионовы Братья?

Мы с пустынным Серапионом»²⁶⁸.

По мнению Е. Г. Елиной, этому способствовал выбранный Лунцем стиль, продиктованный самой эпохой, предполагающий использование декларативности, призыва, лаконизма рубленой фразы, рассчитанный не на индивидуальное, а на обобщенное восприятие: «Категорически борясь с любым проявлением обязательности, одинаковости, общности в художественном творчестве, Лунц делает это, прибегая к эстетике сформированного в первые послереволюционные годы “большого стиля” советской публицистики, пропитанного идеями массовости и единения»²⁶⁹.

Не сразу стал известен тот факт, что многие серапионы были не согласны с высказываниями Лунца. Л. Ю. Коновалова считает, что позицию несогласия

²⁶⁷ Панаев И. И. Литературные воспоминания / вступ. ст. и коммент. И. Г. Ямпольского. М. : Правда, 1988. С. 134–135.

²⁶⁸ Лунц Л. Н. Почему мы Серапионовы братья // Литературные записки. 1922. № 3. С. 30–31.

²⁶⁹ Елина Е. Г. Лев Лунц: опыт реконструкции литературно-критического мышления // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. Саратов : Орион, 2011. С. 28.

серапионы высказывали как сразу после опубликования статьи, так и несколько десятилетий спустя. «В начальные годы существования, несмотря на все кажущиеся разногласия и жаркие споры относительно конкретных литературных проблем и терминов, в группе, несомненно, существовало единство <...> согласно этике братства, Л. Лунц не имел права публиковать статью, не согласовав ее с остальными братьями»²⁷⁰.

Именно на страницах писем К. А. Федина поздних лет мы находим свидетельства отношения участников к так называемому «манифесту». 6 января 1965 года, отвечая на вопросы литературоведа А. Д. Зайдман, связанные с историей взаимоотношений М. Горького и серапионов, К. А. Федин замечает: «А ведь в действительности ни один из Серапионовых братьев не знал и не ведал, что написал Лунц... до того, как написанное было напечатано. <...> Это, пожалуй, самый интересный миф об истории Серапионовых братьев – пресловутая статья Лунца “Почему мы Серапионовы братья”, фигурирующая у литературоведов все еще как “Программа” Серапионовых братьев»²⁷¹. Еще раньше эта тема поднималась в переписке со Вс. В. Ивановым. Во время переработки автобиографии «История моих книг» Вс. В. Иванов уточнял у К. А. Федина некоторые ключевые моменты истории группы. В письме от 20 сентября 1958 года К. А. Федин подчеркивает (в прямом и переносном смысле) факт единоличного авторства «манифеста»: «Милый Всеволод, в данном случае на меня положиться можешь: статья Лунца <...> была подписана только Лунцем (подчеркнуто автором – М. Г.). Я был в числе недоумевающих серапионов, когда

²⁷⁰ Коновалова Л. Ю. «В великом городе, в великое время мы нашли друг друга...» (Из истории литературного братства) // Творческая биография писателя в контексте эпохи. Фединские чтения. Вып. 4. Саратов : Новый ветер, 2010. С. 82.

²⁷¹ Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. Москва: Художественная литература, 1986. Т. 11. Письма 1909–1977. С. 518.

прочитал эту статью в “Литературных записках”: почему Лунц нам ее даже не прочитал, прежде, чем опубликовать?!»²⁷².

Обращаясь к эпистолярным источникам, мы видим, насколько важной для К. А. Федина становится тема сохранения истории и традиций «Серапионовых братьев» даже после их окончательного распада. К десятилетнему юбилею группы, пришедшемуся на 1931 год, от привычных серапионовских встреч осталось только обыкновение отмечать годовщину со дня основания. Даже много лет спустя такие празднования были отмечены особой атмосферой. В письмах К. А. Федина Вс. В. Иванову, Н. Н. Никитину и Н. С. Тихонову встречаются приглашения на спонтанные холостяцкие обеды по случаю дня рождения группы, в письме Е. Г. Полонской К. А. Федина даже находим ответ на его «предложение заключить договор о праздновании золотой серапионовой свадьбы»²⁷³. В письмах К. А. Федина, связанных с юбилейными датами, встречаются и более развернутые размышления, связанные с осмыслением истории и значения группы. Например, в письме Н. Н. Никитину 1 февраля 1941 года К. А. Федин пишет: «Дорогой Коля, поздравляю тебя с серапионовской годовщиной – самой торжественной из бывших до сего дня – XX-й! Тысяча наилучших пожеланий к предстоящим... десятилетиям. О вечности я уже не говорю, – она дается нам легче, чем дались прошедшие десятилетия. Тем более, что печатают нас... для вечности»²⁷⁴. Пафос поздравления нивелируется далее историей с полученным К. А. Фединым хвалебным отзывом на роман «Санаторий Арктур». Читатель из маленького провинциального городка, описывая внешний облик книги, замечает: «Бумага грубовата для читателя. Для вечности хороша»²⁷⁵. В продолжение письма К. А. Федин иронично замечает, что в этот раз никому не посылал поздравлений,

²⁷² Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 318.

²⁷³ Полонская Е. Г. Письмо К. А. Федина от 10 февраля 1966 г. // ГМФ 34932.

²⁷⁴ Федин К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 1 февраля 1941 г. // Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 11. Письма 1909–1977. С. 191.

²⁷⁵ Там же.

но надеется, что они надумают, «как почтить свою собственную маститость». Не всегда друзьям удавалось встретиться. В 1946 году К. А. Федин присутствовал на Нюрнбергском процессе в качестве специального корреспондента газеты «Известия». Но, несмотря на значимость и масштабность события, в котором он принимал участие, на потрясение от увиденного в зале международного суда, он все-таки вспомнил о 25-летней годовщине братства и кратко сообщил об этом в письме Н. Н. Никитину²⁷⁶.

Упоминания о следующих юбилейных датах в текстах писем говорят о том, что день образования группы для К. А. Фебина по-прежнему оставался существенным, не номинальным. Наряду с ироничным приветом «Küche von Ruf²⁷⁷» – шумной общей кухне в Доме искусств, где часто собирались серапионы, нарочито помпезным самодельным поздравлением, сделанным Фебиным из газетной вырезки, здесь же появляются размышления о значении группы для истории литературы. «Дорогой Всеволод, – пишет К. А. Федин Вс. В. Иванову 27 января 1961 года, – шлю тебе поклон и приветствие от души, памятуя, что близится 1-е февраля, а на этот раз задумываешься над *незабываемой* (курсив мой – М. Г.) датой больше обычного – 40 лет! <...> Все еще ничего нет по-настоящему написанного о серапионах – никто не хочет или не может сказать о них то, чем они были или остаются в литературе. Но идет время, идут, уходят и приходят люди и... родится историк, который поймет, что такое 1-е февраля 1921 года!»²⁷⁸

Известно, что К. А. Федин читал исследовательские работы, посвященные литературе 1920-х годов, где упоминались Серапионовы братья, переписывался с их авторами. Центром изучения в этих работах становилась фигура М. Горького, его влияние на молодых писателей. Так, записывая в дневнике свои размышления

²⁷⁶ Федин К. А. Письмо Н. Н. Никитину от 8 марта 1946 г. // Федин К.А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 11. Письма 1909–1977. С. 247.

²⁷⁷ Именная, прославленная кухня (нем.)

²⁷⁸ Письма К. А. Фебина Вс. В. Иванову / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. А. Папковой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 324.

о книге К. Д. Муратовой «Горький в борьбе за развитие советской литературы» (1958), он особо отмечает мысль автора о том, что забота М. Горького о молодых писателях была «своеобразным сражением за становление новой советской литературы»²⁷⁹. На это он обращает внимание в письме, написанном К. Д. Муратовой 23 мая 1958 года: «Убежден, что основа предложенной Вами концепции совершенно верна. Конечно, в первые два-три года существования кружка <...> дело шло о борьбе за *серапионов*, а не о борьбе с *серапионами* (курсив автора – М. Г.). Когда победа вполне выяснилась, то есть когда старой литературе сделалось очевидно, что серапионы за ней не пойдут <...>, – вот тогда, пожалуй, началась борьба... с серапионами. <...> Впрочем, также и борьба старой литературы с серапионами началась тогда же: за серапионов ей было бороться уже поздно»²⁸⁰. Здесь же в качестве антипримера К. А. Федин приводит напечатанную в газете «Литература и жизнь» статью «Факты и иллюзии», в которой автор под псевдонимом «Литературовед» пытается в качестве очернения Вс. В. Иванова использовать его участие в группе «Серапионовы братья». Данная автором оценка, по словам К. А. Федина, «состоит в провозглашении “правды об историко-литературном процессе, в котором некогда копошились чуждые, тормозившие его развитие группировки, вроде ОПОЯЗа, Серапионовых братьев и т.п.” <...> Видимо, такую подлинность истории наше литературоведение не собирается никому уступать, но будет отстаивать вопреки фактам»²⁸¹.

Вопрос о полувековом юбилее группы К. А. Федин впервые поднял в письме М. Л. Слонимскому 14 мая 1970 года: «А думаешь ли ты о 50-летию Сер<апионовых> братьев?»²⁸² Начав обсуждение «невозможности не вспомнить

²⁷⁹ Муратова К. Д. М. Горькой в борьбе за развитие советской литературы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 144.

²⁸⁰ Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 11. Письма 1909–1977. С. 391–392.

²⁸¹ Там же. С. 392.

²⁸² Переписка К. А. Федина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 674.

молодость» за полгода до знаковой даты, через тернии забот и болезней друзья подошли в конце 1970 года: «А что ты, Миша, скажешь насчет близящегося 1-го февраля? Повидаемся ли, встретимся ли? Возможно ль думать о некой “Субботе”, открытой в былом для всех, кто любопытствовал – что будет прочитано, о чем пойдет спор в этот день в Доме искусств на Мойке? Или посидят двое-трое осколков прошлого за рюмочкой и лишний раз уверятся, что примирению не быть – даже будь дата встречи кругла, как полстолетие?»²⁸³ К этому рубежу серапионы подошли с заметно поредевшим составом, остались только сам К. А. Федин, Н. С. Тихонов, М. Л. Слонимский и В. А. Каверин. В. С. Познера мы не включаем в этот ряд, поскольку слишком короткое его пребывание в группе и долгая географическая удаленность от остальных членов братства так и не сделали его по-настоящему близким другом. Казалось бы, приближение к роковой черте должно было сгладить все шероховатости, утишить все споры, но именно тогда разгорелся конфликт, ставший непримиримым. 25 января 1968 года В. А. Каверин написал К. А. Федину открытое письмо, где объявил о разрыве отношений после того, как К. А. Федин, по его мнению, сыграл решающую роль в недопущении к печати романа А. И. Солженицына «Раковый корпус» в журнале «Новый мир». Б. Я. Фрезинский пишет, что письмо широко распространялось в самиздате, поскольку сам автор сознательно избегал тамиздата, не стремясь стать публичным диссидентом²⁸⁴. Там же он припоминал бывшему товарищу историю с Б. Л. Пастернаком, включающую и публикацию романа «Доктор Живаго», и смерть поэта²⁸⁵, а также судьбу альманаха «Литературная Москва». В архиве К. А. Фебина сохранился экземпляр этого

²⁸³ Там же. С. 681.

²⁸⁴ Фрезинский Б. Я. Судьбы Серапионов: Портреты и сюжеты. СПб. : Акад. проект, 2003. С. 154.

²⁸⁵ Подробнее об истории их взаимоотношений см.: Переписка К. А. Фебина и Б. Л. Пастернака / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Корниенко // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 130–210.

письма²⁸⁶, весь испещренный пометами Константина Александровича, сделанными в характерной для него манере синим карандашом: с разнообразными подчеркиваниями, восклицательными знаками. Ключевые тезисы письма были разделены К. А. Фединым на пять пунктов, которые, очевидно, должны были лечь в основу ответного послания. Но оно так и не было написано. В рабочих записях, сохранившихся в архиве писателя, находится блокнот с черновыми набросками к этому задуманному письму. Высказывания в нем, возможно, излишне экспрессивны, что говорит об очень сильном негативном впечатлении от прочитанного: «То, что оно оскорбительно – ты знаешь, потому что старался его таким сделать. Что оно гнусно – до тебя вряд ли дойдет, уже потому, что ты способен на такую гнусность»²⁸⁷. Особо обращал внимание К. А. Федин на специфику выбранного жанра открытого письма, отмечая, что «Писал не только (выделено автором красным цветом и подчеркиванием – *М. Г.*) мне, а обо мне (подчеркнуто автором – *М. Г.*) – своим прихлебателям, поклонникам или... как их еще? Для рассылки по белу свету...»²⁸⁸ Негодование обеих сторон было настолько велико, что общение прервалось и не возобновлялось уже до конца жизни.

Открытое письмо В. А. Каверина так и осталось без ответа, хотя К. А. Федин многократно возвращался к нему: «Собирался одно время даже ответить Каверину, пока не увидел ясно, что – это самый обычный подлец. И лгун. Он перестал существовать для меня как человек... не говоря уже о его литературничанье! И это все. Время оплюет его. Мне жалко слюней»²⁸⁹. Разрозненные записи, находящиеся в архиве, говорят о том, что К. А. Федин не единожды принимался за такое письмо: «Нач<ало>. Понимая, что раз ты не погнушался ни лжи, ни сплетен, то не погнушаешься вывернуть мой ответ, как

²⁸⁶ Каверин В. А. Письмо К. А. Федину от 25 января 1968 г. // ГМФ 48241.

²⁸⁷ Федин К. А. «Собирался, одно время, даже ответить Каверину...» Рабочие записи // ГМФ 48243.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же.

хочешь»²⁹⁰. Или: «Надо было найти время отозваться на твое прокурорское послание, Веня. Вовсе не отвечать на него – было бы, пожалуй, тебе услугой: ты обернешь молчание куда и как тебе понравится»²⁹¹. Последняя, датированная 7 апреля 1968 года, запись показывает, насколько долго К. А. Федин был потрясен и формой, и содержанием письма В. А. Каверина. Хотя их взаимоотношения изначально не были близкими, и в Братстве они находились в диаметрально противоположных позициях – один в «восточном крыле», другой в «западном». Все конфликты сглаживались едиными принципами творческой независимости и свободы, а также вытекающими из них уважением и интересом друг к другу, вне зависимости от выбранного пути. В письмах К. А. Фебина даже самым близким друзьям из серапионов не встречается обсуждения поступка В. А. Каверина. Единственными свидетельствами обуревавших его эмоций становятся пометы на письмах М. Л. Слонимского, связанных с работой Комиссии по литературному наследию Льва Лунца. 19 апреля 1968 года М. Л. Слонимский обращается к К. А. Федину: «Дорогой Костя, обращаюсь к тебе от всей Комиссии (здесь и далее в цитате подчеркнуто автором – М. Г.) по литературному наследию Лунца. Все единодушно решили просить тебя дать согласие на то, чтобы книга вышла под редакцией К.А. Фебина. Это будет во всех отношениях наиболее авторитетно и по существу наиболее правильно»²⁹². Федин подчеркивает слова «от всей Комиссии», «единодушно решили», «во всех отношениях авторитетно и правильно»: прекрасно зная, что В. А. Каверин является членом этой комиссии, К. А. Федин явно чувствовал диссонанс этих утверждений. Он не дал такого согласия, доказывая, что редактирование книги может и имеет право взять на себя сама Комиссия. Более того, 28 апреля 1968 года К. А. Федин категорично сообщил М. Л. Слонимскому о том, что если единоличным редактором будет

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Переписка К. А. Фебина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 658.

назначен В. А. Каверин, то он как автор будет вынужден заявить о возврате своей рукописи²⁹³. Даже имя умершего Собрата и работа над долгожданным изданием его сочинений, включающим воспоминания друзей и знакомых, не могли примирить бывших собратьев. Подчеркнем, что именно обращение к эпистолярным источникам позволило максимально достоверно восстановить отношение К. А. Федина к этому окончательному разрыву когда-то единых серапионов.

Изучение эпистолярного наследия К. А. Федина дает нам возможность проследить с разных сторон взаимоотношения писателя как с группой «Серапионовы братья» в целом, так и с отдельными ее участниками. В первую очередь, на страницах писем мы находим факты, позволяющие развенчать или дополнить уже сложившиеся представления о возникновении и первых годах существования содружества. Но гораздо интереснее то, что переписка К. А. Федина с отдельными писателями дает представление о направленности авторского сознания в выборе тем для обсуждения и подачи материала для каждого корреспондента. Наиболее полно эти особенности проявляются в сопоставлении разных типов эго-документов. Становится очевидно, что различия в рефлексиях Федина на страницах дневников и писем обусловлены не привычкой К. А. Федина менять свое мнение в угоду складывающимся обстоятельствам, а тонким чувствованием человека, к которому он обращается, нежеланием ранить или уязвить корреспондента. Разница в подаче одного и того же факта в письме и дневнике писателя свидетельствует о важности установления и сохранения прочных отношений с каждым отдельным участником группы. К. А. Федин даже в размышлениях о лично его касающихся затруднениях старается нивелировать всю значимость собственных переживаний, представляемых на обозрение его друзей-серапионов.

²⁹³ Там же. С. 660.

Глава 4. Книга К. А. Федина «Горький среди нас»

в контексте источниковедения

Книга К. А. Федина «Горький среди нас» стала первой книгой воспоминаний, на страницах которых возникает образ группы «Серапионовы братья». Ретроспективный рассказ, созданный самим участником этого литературного объединения, дает читателю возможность увидеть объемную и многогранную картину литературной жизни 1920-х годов. Смысловым центром мемуарного повествования стал М. Горький, но в тексте большое внимание уделено как серапионам в целом, так и портретам отдельных членов группы.

В данной главе мы сосредоточимся на особенностях авторского представления содружества «Серапионовы братья», характерных для мемуарной литературы, проанализируем некоторые изменения, которые вносились К. А. Фединым в текст рукописи, проведем сравнительный анализ избранных фрагментов книги «Горький среди нас» с воспоминаниями некоторых других участников группы.

Впервые в полном объеме книга увидела свет в 1967 году в издательстве «Молодая гвардия». Это издание К. А. Федин предварил небольшой вступительной статьей, объясняющей замысел книги, ее структуру, авторские методы работы над материалом. Не называя напрямую свое произведение воспоминаниями, тем не менее, он выделяет основные особенности своего произведения, характерные для мемуарной литературы: автобиографичность, тематический отбор материала, достоверность пережитого и специальную «сюжетную» организованность текста. К. А. Федин пишет: «Мне хотелось показать жизнь молодого писателя под наблюдающим взглядом Горького. Я думал, что интересно видеть споры, поиски – частью неумелые, приблизительные, ученические <...> Мне представлялось, что важнее всего будет конкретность примеров. Поэтому я не привлекал для работы никаких книжных материалов. Я писал только о том, что сам видел, сам пережил.

В своей основе книга кажется мне воспоминательной. Ее объем ограничен местом действия, определенным временем и кругом моих встреч. Это Ленинград, главным образом – первая половина двадцатых годов, и это те молодые писатели, рядом с которыми я жил, которые находились более или менее в одинаковых со мной условиях, – “серапионы”.

Я не считал своей задачей писать историю советской литературы. <...> Я находил, что моя работа может стать вспомогательным материалом для истории нашей литературы, чем обычно и могут быть всякие мемуары»²⁹⁴. Еще раньше К. А. Федин дал подзаголовок своей книге – «картины литературной жизни», определяя свое повествование как «свободную форму из воспоминаний и портретов, биографий, литературного очерка и документов»²⁹⁵.

К. А. Федин выделил три главные линии в своем повествовании: «Из пестрых литературных явлений мне казалось поучительным отметить три влияния»²⁹⁶. Первое – объединяющая фигура Горького и его авторитетность; второе – молодежь, которая одновременно была плодом и разносторонних внешних воздействий, и внутренних влияний друг на друга путем литературных ошибок и достижений; третье – это писатели дореволюционной школы, которые уже отходили в прошлое, но все еще были вовлечены в литературную жизнь современного Петрограда. Эти три линии стали основными векторами в последующем развитии критической оценки книги.

В центре внимания советских критиков и литературоведов, исследующих книгу К. А. Федина, преимущественно находилась фигура М. Горького. Основные дискуссии в этих работах разворачивались в поле исторической достоверности созданного К. А. Фединым образа, его противоречивости, несоответствия

²⁹⁴ Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 8.

²⁹⁵ Федин К. А. Двадцатые годы (Предисловие к публикации второй части книги «Горький среди нас» в журнале «Новый мир»). 1944. Машинопись с правкой автора // ГМФ 48185/1.

²⁹⁶ Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 8.

устоявшемуся каноническому представлению о персоне самого авторитетного советского писателя²⁹⁷. Не меньшее внимание отводилось тому, как были изображены на страницах «Горького среди нас» другие представители литературной среды – по замыслу автора воспоминаний, антиподы М. Горького. Поругание, или в лучшем случае, забвение культуры недалекого прошлого стало одной из основополагающих установок культурной политики СССР. Е. Б. Скорospelова обобщает тенденции советской критики 1930–1940-х годов: «Помимо решения общей задачи – самоутверждения официальной послеоктябрьской литературы и культуры путем снижения “планки” за счет “уничтожения” классических образцов, мешавших апологии посредственности, – сводились счеты с виднейшими представителями Серебряного века: З. Гиппиус, Д. Мережковским, Н. Бердяевым, оказавшимися в эмиграции и не выказывавшими желания сотрудничать с новой властью»²⁹⁸. Такими персонами нон грата в книге К. А. Федина стали три литератора – А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб и А. Л. Волынский.

Молодые поэты и прозаики, ставшие героями воспоминаний К. А. Федина, также рассматривались исключительно сквозь призму горьковского влияния²⁹⁹. Возможность такой однозначной трактовки была заложена самим автором, объясняющим свою позицию в предисловии к журнальной публикации второй части книги: «Жизненный пример отношений Горького со мною и с писательской

²⁹⁷ См. напр.: Брайнина Б. Я. Константин Федин. Очерк жизни и творчества. М. : Гослитиздат, 1962. 463 с.; Гречнев В. Я. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького (Воспоминания о писателях). М., Л. : Наука, 1964. С. 124–130; Перхин В. В. Дневники К. А. Федина 1920–1921 годов и его книга «Горький среди нас» // Русская литература. 1992. № 4. С. 134–139 и др.

²⁹⁸ Скорospelова Е. Б. Мемуарная проза // Скорospelова Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М. : ТЕИС, 2003. С. 223.

²⁹⁹ См. напр.: Волков А. А. А. М. Горький и литературное движение советской эпохи. М. : Советский писатель, 1958. С. 41, 49–50, 70–72; Муратова К. Д. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 142–179; Наумов Е. И. М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советских писателей. М. : Гослитиздат, 1958. С. 73–74, 101–104 и др.

молодежью, получившей в начале двадцатых годов известность под именем “Серрапионовы братья”, ярко показателен для роли Горького в развитии советской художественной литературы. Стремясь обширнее характеризовать эти отношения, я даю в книге картины литературной жизни по своим личным впечатлениям от окружавшей меня среды. <...> В центре картин стоит Горький»³⁰⁰. Одним из обвинений, выдвинутых в дальнейшем критиками, стало преувеличение К. А. Фединым роли группы «Серрапионовы братья» в истории советской литературы. Б. А. Бялик, принимая во внимание мемуарный характер книги, по определению запечатлевающей то, что непосредственно окружало автора, формулирует предпосылки такого восприятия серрапионов: «Естественно, что его (автора. – М. Г.) внимание оказалось сосредоточенным на той литературной группе, в которую он прежде входил. Однако многие читатели его книги в пору ее появления меньше всего воспринимали Федина как бывшего “серрапиона”. Они видели в нем (и вполне оправданно) одного из крупнейших представителей всей советской литературы, причем одного из тех, кто особенно далек от каких бы то ни было групповых пристрастий. Прочитав название книги “Горький среди нас”, они не сомневались, что это означает: Горький среди советских писателей, Горький в центре всей нашей литературной жизни, во главе всей советской литературы»³⁰¹. Такое расхождение между ожиданием и реальным содержанием книги, по мнению исследователя, и стало поводом для упреков автора в необъективно высокой оценке серрапионов.

Прежде, чем исследовать направленность авторского сознания, необходимо вспомнить историю создания и публикации книги «Горький среди нас».

К. А. Федин задумал написать воспоминания о М. Горьком в середине 1930-х годов. 15 апреля 1937 года в газете «Кировец» К. А. Федин поделился с

³⁰⁰ Федин К. А. Двадцатые годы (Предисловие к публикации второй части книги «Горький среди нас» в журнале «Новый мир»). 1944. Машинопись с правкой автора // ГМФ 48185/1.

³⁰¹ Бялик Б. А. Книга трудной судьбы // Творчество Константина Федина: Статьи. Сообщения. Материалы. Встречи с Фединым. Библиография. М. : Наука, 1966. С. 94.

читателями опасениями в том, что сможет сделать это в ближайшее время. Очевидно, что в представлении автора замысел будущей книги уже выходил за рамки простых воспоминаний. 15 декабря 1940 года К. А. Федин рассказывает в письме М. Л. Слонимскому о творческих планах: «Я буду писать воспоминания довольно обширные, может быть исчерпывающе полные. Серапионы займут в них большое место. Всеволод (Вс. В. Иванов. – М. Г.) предлагает выделить в книге своего рода “раздел” Серапионов. Это может хорошо получиться»³⁰². Замысел будущих воспоминаний К. А. Федин обсуждал со многими членами Братства. В письме Н. Н. Никитину от 23 ноября 1940 года К. А. Федин отмечает важность сохранения памяти о многих исторических реалиях, свидетелями которых они стали: «Надо, знаешь ли, записать все, что было ценно и дорого в наши дни начал и зарождений, – ведь это все пропадет, если мы не запишем. Я буду (решил окончательно!) писать три “воспоминательных” работы: 1) о Горьком; 2) о серапионах в связи с Петроградом начала 20-х годов; 3) о “моей” Европе <...> Первую начал давно, но отступил перед трудностью, которую ты понимаешь. Но все-таки буду продолжать»³⁰³. Мы видим, что первоначально К. А. Федин хотел рассказать о Серапионовых братьях в отдельной книге. А. Н. Старков объясняет такое изменение замысла автора тем, что разговор о воздействии М. Горького только на одного члена содружества, без упоминания других серапионов, – это обеднение образа М. Горького, преуменьшение его исторических заслуг как наставника талантливой советской литературной молодежи³⁰⁴. Однако нам кажется, что это была не единственная причина. Изменив исходное название книги «Горький в моей жизни» на более широкое и емкое «Горький среди нас», Федин нашел возможность рассказать о

³⁰² Федин К. А. Письмо М. Л. Слонимскому от 15 декабря 1940 г. // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 518.

³⁰³ Цит. по: Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 380–381.

³⁰⁴ Подробнее см. коммент.: Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 379–391.

существенных для него явлениях литературной жизни 1920-х годов, в том числе, о содружестве «Серапионовы братья», нивелируя их негативное общественное восприятие фактом приближенности к М. Горькому, прикрывая непререкаемым авторитетом его имени. Как показало дальнейшее, это не уберегло книгу от яростных нападков критики.

Первая часть книги «Горький среди нас» вышла только в 1941 году в июньском номера журнала «Новый мир». Текст, по словам автора, был сильно исковеркан цензурными правками многочисленных редакторов: «Одна пятая часть книги выпала вовсе, в общей сложности – больше листа, но не одной сплошной купюрой, а по строчечке и буковкам. Было иксовое множество редакторов. Одно изъятие частей и деталей следовало за другим. Выпали отдельные слова, фразы, эпитеты, картины, характеристики. Совсем устранены высказывания о Евгении Ивановиче (Замятине – М. Г.), о Шкловском. Некоторые места оказались полуискаженными»³⁰⁵. В таком усеченном виде первая часть книги вышла отдельным изданием в 1943 году. Вторая часть, над которой К. А. Федин завершил работу в конце января 1944 года, также должна была быть опубликована в журнале «Новый мир». В дневнике писателя подробно записаны все перипетии, через которые прошла рукопись: чтение неполного варианта рукописи в редакции журнала, изменение мнения о ней (первоначально благоприятного) на резко негативное, замеченные автором уже дома следы несанкционированного копирования главы о М. М. Зощенко для неизвестных целей, исключение этой главы из окончательного варианта текста книги. После сообщения редактора об «одном незначительном замечании» К. А. Федин подводит итоги своей работы над текстом: «Подобных “незначительных” я сделал уже много, десятка два, ибо рукопись, предназначавшаяся ранее журналу “Октябрь”, уже читалась его редактором, наметившим ряд изменений, которые могут быть потребованы (подчеркнуто автором – М. Г.). К ним прибавились требования Гос. издательства, и теперь будут прибавляться новые, так что

³⁰⁵ Федин К. А. Письмо М. А. Сергееву. 27–28 сентября 1946 // ГМФ 41642.

хождение по мукам, предстоящие этой второй части “Горького” не обещают быть короче, чем пройденные первой частью в 1941-м году, когда общее число изменений доходило до полусотни...»³⁰⁶ 1 апреля 1944 года К. А. Федина сдал окончательный вариант рукописи в Государственное издательство.

25 мая 1944 года в редакции «Нового мира» К. А. Федину сообщили о запрещении печатать вторую часть книги «Горький среди нас», несмотря на то, что номер с ней уже был сверстан³⁰⁷ и ждал запуска в тираж. Там же ему рекомендовали не выпускать эту часть отдельным изданием, намекая на то, что ее будет ждать неблагоприятный прием. Но в редакции Госиздата К. А. Федина уверили, что их это не касается, и что «книжка уже разрешена соответствующей инстанцией»³⁰⁸. На страницах дневника писатель старается запечатлеть свое внутреннее состояние тревоги: «Но все время не могу отделаться от чувства, что книга “несвоевременна”: она слишком серьезно говорит о литературе, которой придается сейчас совсем иное назначение, нежели в 20-х годах, когда еще жива была романтика, и искусство еще не было совершенной служанкой пропаганды. “Несвоевременность” книги может дать повод к нападкам на нее, а кстати, вообще на все, что я делал и чего “не делал” – чего не писал, чего не слушался. Самым неуместным сейчас в нашей литературе считается ПАМЯТЬ (выделено автором – М. Г.)»³⁰⁹. Вторая часть книги вышла отдельным изданием в 1944 году без подписи редактора, что стало беспрецедентным случаем в истории книгоиздания СССР с момента организации института выпускающих редакторов: никто в издательстве не захотел поставить подпись и нести персональную ответственность за выпуск. Она была осуждена и проработана на заседаниях в Союзе писателей, а затем на многие годы предана забвению.

³⁰⁶ Неопубликованные дневники К. А. Федина 40-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. Н. А. Сломовой // Русская литература. 1998. № 1. С. 120.

³⁰⁷ В архиве К. А. Федина сохранилась эта журнальная верстка с авторской правкой (ГМФ 48185/2).

³⁰⁸ Неопубликованные дневники К. А. Федина 40-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. Н. А. Сломовой // Русская литература. 1998. № 1. С.121.

³⁰⁹ Там же.

Оценка в критике первой и второй частей книги К. А. Федина была неодинаковой. Первая часть была принята очень хорошо, хотя задолго до публикации К. А. Федин уже делился с И. А. Груздевым своими опасениями: «Читал в обществе Пешковых, Ладыжникова, Тихонова, Всеволода (Иванова. – М. Г.), Толстого – весь 1920 год. Весьма хвалили. Но (между нами!) все время тревожусь: допустимо ли?.. Весь 21-й год – о серапионах!»³¹⁰. Однако и после выхода эта часть книги получила самую высокую оценку³¹¹. Положительно отозвались о книге сами серапионы. Н. Н. Никитин в статье «Воспоминания К. Федина о Горьком» отмечает то большое внимание, которое в тексте уделено возникновению литературной группы «Серапионовы братья» и предрекает развитие этой темы в дальнейшей работе К. А. Федина: «<...> я вспоминаю литературную судьбу каждого из моих братьев по перу, и мне невольно думается, что о ряде из них Федин мог бы дать столь же блистательный рассказ, какой он дает о Горьком. Возможно, что он это в дальнейшем и сделает, ибо стиль книги, ее композиция не ограничивает автора. Наоборот, они представляют ему такие возможности, такой простор, такой воздух, что она становится уже не только воспоминаниями о Горьком, а исключительным по мастерству изложения литературным документом эпохи. <...> в этой книге взвешены не только слова, не только мысли, но и факты, что время в ней кристаллизовано, что по насыщенности, по отобранности материала, по стилю книга Федина станет не только одной из его совершенных книг, но и одним из значительнейших явлений советской литературы за последнюю четверть века»³¹². М. Л. Слонимский подчеркнул и содержательные, и стилистические достоинства книги: «Теперь о тех годах можно писать спокойно, беря самое главное и отбрасывая несущественное. Так и написана книга Федина – ровно, местами почти эпично.

³¹⁰ Федин К. А. Письмо И. А. Груздеву. 6 мая 1941 г. // ГМФ 48807.

³¹¹ Напр.: Лежнев И. Новая книга о М. Горьком // Огонек. 1943. № 27; Слонимский М. Л. Горький среди нас // Октябрь. 1943. № 8–9. С. 258–259.

³¹² Никитин Н. Н. Воспоминания К. Федина о Горьком. 1943. Машинописная копия с пометами К. А. Федина // ГМФ 15139.

Но под видимым спокойствием изображения есть глубокая взволнованность, вдруг взрывающая каноническую форму мемуаров, есть та страсть художника, которая неотделима от выражения своей, особой точки зрения на события. <...> ощущением высокого призвания, страстным и благоговейным отношением к делу литературы проникнута вся книга Федина, это составляет ее основной тон, ее убеждающую силу, ее главную прелесть»³¹³.

Противоположное восприятие критикой второй части своей книги К. А. Федин предчувствовал, и записи в дневнике дают нам представление о его переживаниях: «Кончил вторую часть “Горького”. Нет веры, что напечатают. Нет удовлетворения»³¹⁴; «Что-то неискреннее в том, как похваляют вторую часть “Горького” в редакции Госуд. издательства. Предчувствую худое...»³¹⁵; «Перемывание косточек моему “Горькому” в редакции “Нового мира”. Опасения: слишком субъективное изображение Горького, чересчур большая претензия на историчность серапионов, отсутствие в книге иных литературных течений (как будто я ставил такую задачу) <...> Редакция требует от меня “предварения”, в котором я должен объяснить то, что совершенно ясно – содержание книги...»³¹⁶. Пессимистичные ожидания К. А. Федина оправдались в полной мере: критика обрушилась на него сразу же после выхода второй части. Ю. Лукин в статье «Ложная мораль и искаженная перспектива», опубликованной в газете «Правда» 24 июля 1944 года, упрекал К. А. Федина в заведомо искаженном изображении литературной жизни двадцатых годов, в некритическом отношении к представителям «отживших, откровенно реакционных тенденций в литературе», в

³¹³ Слонимский М. Л. «Горький среди нас» [К. Федин] // Октябрь. 1943. № 8–9. С. 258–259.

³¹⁴ Федин К. А. Дневниковая запись от 29 января 1944 г. // Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 86.

³¹⁵ Федин К. А. Дневниковая запись от 20 февраля 1944 г. // НВГМФ 5610/7.

³¹⁶ Федин К. А. Дневниковая запись от 19 апреля 1944 г. // Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 89.

неоправданном превознесении группы серапионов: «Отведя первую половину книги Ремизову, Волынскому и Сологубу, он (Федин. – М. Г.) рассказывает о группе писателей “Серапионовы братья” (в которую входил сам) так, словно эта группа в основном и представляла зачинателей новой советской литературы. Он превозносит М. Зощенко, за чтением которого ему слышится “музыка Гоголя”»³¹⁷. Эта статья, заголовок которой сам К. А. Федин назвал «сокрушительным», задала направление всем дальнейшим событиям в Союзе писателей, всем последующим обличающим выпадам коллег по литературному цеху. В письме А. С. Долинину К. А. Федин с горестью замечал: «Совершенно не важно качество этих выступлений. Важно то, что при самой щепетильной осторожности в трактовке своей темы, я все-таки переоценил меру допустимости пространного разговора о таких календарно близких и острых вопросах нашей литературы»³¹⁸.

Надо отметить, что печатная критика книги отличалась от устных оценок, услышанных писателем. Об этом свидетельствуют записи в дневнике: «После того, как один экземпляр книги моей попал в Дом творчества – там слышу я со всех сторон исключительно горячую, восторженную оценку моей работы (даже в изуродованном виде). Она и стилистически, и в жанровом отношении, и по содержанию, и по значению ее для дела искусства и воспитания будущей (подчеркнуто автором. – М. Г.) литературы нашей признана выдающейся»³¹⁹. Показателен, например, случай с М. С. Шагинян, которая на заседании в СП СССР говорила о вредности книги, а после в кулуарах благодарила автора за волнение, с каким она читала его произведение. К. А. Федин записывает в дневнике этот диалог: «“Зачем же вы сказали, что она вредна?” – вопрошаю я. “Как? Я этого не говорила”. “Но я это слышал”. ”Ну, я просто оговорилась!” Ей хочется убедить меня в одном: “Поймите, что так надо, надо, надо!” – то есть надо, чтобы книга подверглась заранее размеченному, подготовленному

³¹⁷ Лукин Ю. Ложная мораль и искаженная перспектива // Правда. 1944. 24 июля.

³¹⁸ Федин К. А. Письмо А. С. Долинину. 23 апреля 1947 г. // ГМФ 48534.

³¹⁹ Федин К. А. Дневниковая запись от 8 июля 1944 г. // НВГМФ 5610/7.

хулению»³²⁰. Зачастую отголоски этой критики носили анекдотический характер. К. А. Федин записывает в дневнике рассказ М. Петровых о встрече с одной знакомой по эвакуации в Чистополь, когда та испуганным и таинственным голосом сообщает: «<...> он (Федин. – М. Г.), оказывается, был знаком с Ремизовым и был связан со Скорпионовыми братьями! Подумайте только!»³²¹ Становится очевидным, что современники по-разному восприняли написанное К. А. Фединым: официальная оценка книги, отражающая правительственную идеологию, и неофициальная сильно различались. Однако и та, и другая сыграли свою роль в дальнейшей судьбе этих воспоминаний.

В первой части книги К. А. Федина можно выделить несколько основных сюжетов, связанных с серапионами. Проанализировав некоторые из них, мы постараемся определить, каким образом в воспоминаниях К. А. Федина реализуются основные качества мемуарной литературы, как автор находит баланс между фактологической достоверностью и художественным описанием.

Отбор автором воспоминаний определенных событий из насыщенной жизни Серапионова братства говорит о том, какие именно моменты в презентации содружества К. А. Федина считал ключевыми. Это общая характеристика группы с размышлениями о внутренних побудительных мотивах, объединивших молодых писателей; портреты самых выразительных участников – Л. Н. Лунца и Вс. В. Иванова, а также рассказ о писателях (кроме М. Горького), повлиявших на становление серапионов. Без этих «картин из литературной жизни», по мнению автора, невозможно было создать цельную картину литературного Петрограда 1920–1921 годов.

Первый такой сюжет связан с представлением «кружка литературной молодежи», с краткой характеристикой их творческих установок. Описывая

³²⁰ Неопубликованные дневники К. А. Федина 40-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. Н. А. Сломовой // Русская литература. 1998. № 1. С. 123.

³²¹ Федин К. А. Дневниковая запись от 11 ноября 1944 г. // Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. С. 96.

тесную и темную комнату М. Л. Слонимского в Доме искусств, где по субботам собирались серапионы, читая и горячо обсуждая свои только что написанные произведения, К. А. Федин воссоздает атмосферу таких заседаний: «Конечно, нужны были бы незаурядная дисциплина и ангельские характеры, чтобы на протяжении многих лет выдерживать эти сидения в банке консервированного табачного перегара, если бы не страсть к литературе, заменившая нам и дисциплину и вообще все мыслимые добродетели. Эта страсть объединила дружбой людей, чрезвычайно различных по художественным вкусам, и эта страсть не была мимолетной, – она с самого начала исключила возможность любительского отношения к искусству и упрочила в нас чувство признания»³²². Здесь необходимо обратить внимание на слова «на протяжении многих лет». Когда К. А. Федин работал над воспоминаниями, он прекрасно знал, что история группы не была долгой, что с 1924 года серапионы начали неуклонно отдаляться друг от друга. Но, тем не менее, пытаясь воссоздать, очевидно, свои юношеские ощущения от этих собраний, писатель счел необходимым подчеркнуть то, что серапионы осознавали себя как сложившееся объединение, которое ждет насыщенная и продолжительная жизнь. Эту же мысль мы находим в мемуарах Е. Г. Полонской: «Казалось, оно (Братство. – М. Г.) навсегда, но кружок начал распадаться. Некоторое время еще действовали законы притяжения, потом прекратились и они – остались только духовные связи»³²³.

Об особой обстановке, сложившейся в группе, вспоминали многие участники группы. Например, Е. Г. Полонская в своих воспоминаниях «Города и встречи» в главе «Серапионовы братья» отмечает: «Первой нашей заповедью было говорить и писать правду. Фальшь и украшательство мы преследовали в себе и в своих товарищах сильнее всего, и эта честность по отношению к тому, что мы писали, была чем-то вроде обета, связывавшего нас. Мы все были атеисты,

³²² Федин К. А. Горький среди нас. Двадцатые годы. М. : ОГИЗ, 1943. С. 104.

³²³ Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент., послесловие и подбор илл. Б. Я. Фрезинского. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 392.

но в нашем отношении к литературе было что-то общее с верой и сознанием долга»³²⁴. В. А. Каверин характеризует жизнь серапионов в Доме искусств как «странную, полную неожиданностей и вдохновения»³²⁵. М. Л. Слонимский, в свою очередь, вспоминает о начальном периоде дружбы серапионов более прагматично: наряду с объединившей молодых писателей «отчаянной любовью к литературе» говорит об идее «делить гонорары (если таковые будут) и пищу поровну, как в коммуне»³²⁶. В отличие от М. Л. Слонимского, К. А. Федин практически не описывает быт молодых писателей, сосредотачивая свой взгляд на внутреннем наполнении группы, на их идейных установках и творческих соприкосновениях. «Каждый из нас пришел со своим вкусом, более или менее выраженным и затем формировавшимся под воздействием противоречий. Мы были *разные* (курсив автора – М. Г.). Наша работа была непрерывной борьбой в условиях дружбы»³²⁷. К. А. Федин вспоминает, что его приход к серапионам сопровождался ссорой. Писатель не смог безропотно принять ту атмосферу смеха, веселости и потехи, с какой члены группы относились к литературе, к искусству, которое он сам воспринимал как «плод исканий, мук и раздумий художника»³²⁸. Свою позицию – свой «отстоявшийся протест против “игры” в защиту “серьезности”» – он стал отстаивать на третьем собрании: «Удар принял Лев Лунц. Стычка была жестокой. Истина сидела где-то в углу комнаты, ухмыляясь за спинами “серапионов”, поддерживающих Лунца или соблюдавших нейтралитет»³²⁹.

³²⁴ Там же. С. 373.

³²⁵ Каверин В. А. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...»: Портреты, письма о литературе, воспоминания. М.: Советский писатель, 1965. С. 189.

³²⁶ Слонимский М. Л. Завтра: Проза. Воспоминания. Л.: Советский писатель, 1987. С. 374.

³²⁷ Федин К. А. Горький среди нас. Двадцатые годы. М.: ОГИЗ, 1943. С. 105.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 68.

В последней фразе нашли отражение те многочисленные редакторские правки, которым подверглась первая часть «Горького...» при первой публикации. В издании 1943 года она была приведена так: «Истина сидела где-то в углу комнаты, ухмыляясь за спинами “серапионов”, поддерживающих нейтралитет»³³⁰. Таким образом, создавалось впечатление, что это было единоличное противостояние К. А. Федина и Л. Н. Лунца, что у последнего не было сторонников. Но далее в тексте видим, что К. А. Федин дает картину условного разделения серапионов «на веселых “левых”, во главе с Лунцем, и серьезных “правых” – под усмешливым вождением Всеволода Иванова». Более подробное свидетельство этой дискуссии находим в воспоминаниях В. А. Каверина, описывающего свой приход к серапионам и тот спор, свидетелем которого ему довелось стать: «<...> я откинулся на угол кровати и стал несколько пренебрежительно, как это и полагалось столичному поэту, прислушиваться к разгоравшемуся спору. В нем принимали участие *все* (курсив мой. – М. Г.) <...> Но главными противниками были Федин и юноша, разжигавший буржуйку, – Лев Лунц, как я узнал вскоре. <...> Это было только начало длинного спора, под знаком которого прошли серапионовские вечера зимы двадцать первого года»³³¹. Завершая рассказ об этой жаркой полемике, К. А. Федин резюмирует: «В постоянных схватках нащупывалась цель нашего совместного плавания, и, в конце концов, внутренне все признали, что она у нас одна: создание новой литературы эпохи войны и революции. Это понимание историчности задачи, приходившее медленно, делало нас *одинаковыми* (курсив автора – М. Г.), несмотря на все наше различие»³³².

Как показывает сравнительный анализ текстов первой публикации и изданного позже полного варианта книги, редакторских правок, касающихся

³³⁰ Федин К. А. Горький среди нас. Двадцатые годы. М. : ОГИЗ, 1943. С. 105.

³³¹ Каверин В. А. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...»: Портреты, письма о литературе, воспоминания. М. : Советский писатель, 1965. С. 191–193.

³³² Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 69.

упоминаний серапионов, было немного, но они все равно искажали первоначальный авторский замысел. Например, из раннего текста был изъят большой фрагмент, посвященный В. Б. Шкловскому и Е. И. Замятину. В том значении, какое придавал им автор, редакторы увидели опасные тенденции. Их имена остались в перечислительном ряду писателей – «старших товарищей и учителей», которые придавали серапионовским субботам «профессиональный и художественный характер», наряду с О. Д. Форш, М. С. Шагинян и К. И. Чуковским. К. А. Федин завершает этот ряд именем «Брата-скандалиста»: «И конечно, это был Виктор Шкловский, считавший себя тоже “серапионом” и действительно бывший одиннадцатым и, быть может, даже первым “серапионом” – по страсти, внесенной в нашу жизнь, по остроумию вопросов, брошенных в наши споры»³³³. К. А. Федин связывает с влиянием В. Б. Шкловского один из самых острых тезисов, бытовавших у серапионов: «<...> содержание литературного произведения равно сумме его стилистических приемов»³³⁴. В начале 1920-х годов между серапионами и формалистами, ярким представителем которых был В. Б. Шкловский, существовали тесные отношения. Практически все серапионы, особенно представители «западного» крыла группы – Л. Н. Лунц, В. А. Каверин, оценивали теоретические искания русских формалистов как остро актуальные. К. А. Федин, примыкая к «восточному» крылу, в это время много размышлял о вопросах формы и дискутировал с формалистами. В 1921 году он опубликовал статью «Мелок на шубе»³³⁵, в которой выступил против использования в художественном творчестве принципа «обнажения приема». Для него эти искания носили и практический характер, в чем он признавался в письме М. Горькому: «<...> такие вопросы приходится решать буквально на своей шкуре,

³³³ Там же. С. 72.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Федин К. А. Мелок на шубе // Жизнь искусства. 1921. 2–7 авг. С. 2–3.

на работе, бесконечно пробуя, нащупывая и примеривая»³³⁶. Проблема соотношения содержания и формы, очевидно, трактовалась редакторами книги «Горький среди нас», поспешившими вырезать этот отрывок, как свидетельство безразличия к общественному содержанию искусства. Тем более, что участники группы не раз открыто заявляли о своей аполитичности. Включая в свою книгу размышления о влиянии В. Б. Шкловского, К. А. Федин признавал, что вопросы, поставленные формалистами перед Серапионовыми братьями, были чрезвычайно важны для молодых писателей, что они, так или иначе, повлияли на методологию их творчества.

С именем Е. И. Замятина К. А. Федин связывает еще один ключевой вопрос для серапионов, только вступивших на путь формирования: разность представлений о «должном» в искусстве. К. А. Федин замечает, что «должное» Е. И. Замятина очень индивидуально и характеризует его как писателя почти европейского, «изысканного, однако с сильными корнями в прошлом русской литературы»³³⁷. Анализируя его творчество, К. А. Федин выделяет три главных составляющих его писательской сущности: язык, образ и европеизм, а также называет его «гроссмейстером литературы». К. А. Федин резюмирует: «Чтобы стать на высшую писательскую ступень, ему недоставало, может быть, только простоты»³³⁸. Подобная оценка, данная писателю, эмигрировавшему из СССР, была немислима по соображениям цензуры, поэтому также исключена редакторами из текста первой публикации. Хотя, необходимо отметить, что представленный в книге портрет Е. И. Замятина не был полностью комплиментарным, что в нем чувствовался некий саркастический оттенок. Например: «Не слишком терпимый к чужому вкусу, он (Е. И. Замятин. – М. Г.)

³³⁶ Федин К. А. Письмо М. Горькому от 28 августа 1922 г. // Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С.468.

³³⁷ Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М. : Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 73.

³³⁸ Там же. С. 74.

весь свой талант направлял на заботы о совершенствовании своего вкуса, своей эстетики. Его произведения всегда бывали безупречны – с его точки зрения»³³⁹, или: «<...> его (Е. И. Замятина. – М. Г.) пристрастие к сатире было запущенной болезнью, и, если бы он дал волю тому, чем его щедро наделила родная тамбовская Лебедянь, и сдержал бы то, что благоприобрел от далекого Лондона, он поборол бы и другую свою болезнь – формальную изысканность, таящую в себе угрозу бесплодия»³⁴⁰. Проявленные в этих словах разногласия в творческих принципах и способах позиционирования писателей не отменяли того важнейшего значения, которое придавал К. А. Федин Е. И. Замятину³⁴¹. Поэтому для автора «Горького...» было необходимо представить портрет одного из выдающихся писателей, чтобы максимально полно воссоздать атмосферу литературного Петрограда начала 1920-х годов. На момент публикации воспоминаний К. А. Федина в 1943 году это была первая попытка вернуть имя Е. И. Замятина – одного из учителей серапионов – в историю русской литературы.

Одним из ярких образов Серапионовых братьев на страницах первой части книги К. А. Федина «Горький среди нас» стал портрет Л. Н. Лунца. Об этом юном участнике группы тепло отзывались все серапионы, большинство из них посвятили ему страницы своих воспоминаний. Каждый из авторов выделял в образе Л. Н. Лунца определяющие для себя черты его характера, стороны его деятельности. К. А. Федин начинает рассказ о Л. Н. Лунце с мысли о необходимости учиться у литературного наследия: «Но только учиться – достоинство малое, потому что учиться больше не у кого и негде, кроме наследия. Надо уметь быть наследниками, уметь обладать, владеть наследством, стремиться быть не ниже его <...> Один из самых молодых среди нас (Л. Н. Лунц. – М. Г.), он был, пожалуй, самым взрослым, потому что очень сознательно бился за

³³⁹ Там же. С. 73.

³⁴⁰ Там же. С. 74.

³⁴¹ Подробнее см.: Переписка К. А. Федина и Е. И. и Л. Н. Замятиных / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Л. Ю. Коноваловой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 67–96.

обладание самыми большими богатствами литературного наследия, не смущаясь извилистостью путей»³⁴². К. А. Федин определяет восхищавшую всех иронию Л. Н. Лунца как способность понимать свое экспериментаторство и подчеркивает: «Он писал прозу и пьесы, не боясь стилизации, пародии, подражания, переплетая свой смелый голос с интонациями то забытыми в литературе, то хорошо известными, то одинаково оживавшими у него и в фигурах исторических, и в условных»³⁴³. Как и многие другие современники³⁴⁴, К. А. Федин вспоминает, с каким оглушительным успехом проходили в Доме искусств сеансы «немого кинематографа», где Лев Лунц был главным импровизатором и режиссером. В этих представлениях, по словам К. А. Федина, принимали участие все члены группы, создавая живые карикатуры на застывшие формы кинодраматургии. Е. Г. Полонская в своих мемуарах подробно вспоминает о том времени, когда все увлекались не просто немым кино, а авантюрными приключенческими фильмами, привезенными из Америки или Германии. Она рассуждает о том, почему этот жанр стал таким привлекательным для юных серапионов: «Кинематограф, который в дореволюционные годы был только забавным развлечением, шуточной игрой, вдруг открыл перед нашими глазами свои необъятные возможности: мгновенные переброски во времени и пространстве, путешествия в любые эпохи и страны, зрелища искаженного страстью лица человека так близко и таким “крупным планом”, как никогда не увидишь его в театре и даже в жизни <...> словом, мы получили весь мир в свое распоряжение. Однако нам недостаточно было смотреть <...> мы должны были взять в свои руки настоящее и сделать из

³⁴² Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 76–77.

³⁴³ Там же. С. 77.

³⁴⁴ См., например: Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. С. 67; Бернштейн И. И. <Воспоминания> // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / вступ. ст., подгот. текст., сост. и коммент. О. С. Фигурнова, М. В. Фигурнова. М.: Наталис, 2002. С. 131.

него игру»³⁴⁵. И К. А. Федин, и Е. Г. Полонская вспоминают одну из самых ярких таких постановок, главным героем которой стал Вс. В. Иванов. Федин дает краткое упоминание: «Так возник прославившийся немой “фильм” “Фамильные бриллианты Всеволода Иванова”, в котором участвовали все “серапионы”, в том числе и обладатель фамильных бриллиантов»³⁴⁶. Эти лаконичные сведения служат лишь поводом для дальнейших размышлений автора о том, как повлияло на них участие в этих пародиях: «Шутка и смех никогда не пропадают даром, они – лучшие педагоги на свете...»³⁴⁷ Е. Г. Полонская, в свою очередь, более подробно вспоминает эти «синематографы»: «В те времена присяжным драматургом у нас числился только Лунц, который был душой этого театра импровизации и пародии. Помнится, это он придумал живой фильм “Фамильные бриллианты Всеволода Иванова”, эпопею, которая поразила своей неожиданностью не только зрителей, но и самого героя этого представления. Никаких “фамильных бриллиантов” у бывшего партизана Всеволода Иванова не было, никаких княжон он, разумеется не похищал, и для всех, знавших его тогда, словосочетание “Всеволод Иванов и фамильные бриллианты” было поводом для веселого смеха. <...> Удивительные вечера! В холодном полутемном зале, при свете керосиновых ламп или свечей, после трудной рабочей недели, мы хохотали от души, получая высшее наслаждение мысли»³⁴⁸. В отличие от К. А. Фебина, Е. Г. Полонская делает акцент на подробностях, передающих живую атмосферу, царящую на таких сборищах, то, как зрители, приходящие со всего города, воспринимали «прелестные тонкие» остроты, быстрый темп игры, имитирующий

³⁴⁵ Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент., послесловие и подбор илл. Б. Я. Фрезинского. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 392–393.

³⁴⁶ Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 77.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний / вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент., послесловие и подбор илл. Б. Я. Фрезинского. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 393–394.

стремительную смену кадров. Отзвуки этих постановок есть и в воспоминаниях В. А. Каверина. В его представлении эти постановки выходят за рамки бытовых пародий: «<...> это были вечера, полные остроумия, изобретательности, безыскусственности и неудержимого, почти фантастического веселья. Наша молодость сложилась счастливо, но даже в этой счастливой молодости они кажутся чем-то особенным, запомнившимся навсегда»³⁴⁹. В. А. Каверин вспоминает, что это были и инсценированные биографии Серапионовых братьев, и полемика с некоторыми вышедшими статьями: «Над чем только не смеялись мы на этих вечерах! И над собой, и над казавшимися тогда необыкновенно смешными попытками администрирования в литературе»³⁵⁰. М. Л. Слонимский, неосознанно следуя принципу индивидуального отбора информации, – одного из определяющих качеств мемуарной литературы – вспоминает другую постановку, очевидно, «Памятник Михаилу Слонимскому»: «У себя в “обезьяннике” (так мы называли нижний этаж, в котором он (Л. Н. Лунц. – М. Г.) жил и куда ход был через кухню) он писал не только серьезные художественные произведения, он сочинял там и фантасмагории для наших шуточных кино- и театральных постановок, которые разыгрывались потом в гостиной при немалом стечении литературной и театральной публики. И уж обязательно он изощрялся на мой счет, превращая меня в какого-нибудь эдакого “князя Слюняво-Прислонимского”. Я был излюбленной жертвой его неиссякаемого, но беззлобного остроумия»³⁵¹.

В книге «Горький среди нас» К. А. Федин затронул еще одну волновавшую его тему: преувеличенное значение Л. Н. Лунца как идеолога и теоретика группы «Серапионовы братья». В дневниках и письмах К. А. Федина мы находили поздние свидетельства его размышлений по этому поводу. Но впервые эта проблема была четко обозначена им в книге воспоминаний. Он высоко оценивал

³⁴⁹ Каверин В. А. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...»: Портреты, письма о литературе, воспоминания. М. : Советский писатель, 1965. С. 199–200.

³⁵⁰ Там же. С. 200.

³⁵¹ Слонимский М. Л. Завтра: Проза. Воспоминания. Л. : Советский писатель, 1987. С. 390.

талант своего «собрата»: «В окраске, которую “серапионы” получили в советской литературе, тон Льва Лунца был одним из сильнейших. Его статьи воспринимались как “серапионовские” декларации. Они, впрочем, никогда ими не были. Как у всех людей, верящих в свои слова, его речь звучала не только страстно, но и догматично. Он говорил от себя, но казалось – за ним стоит множество единомышленников»³⁵². Об этом же говорит и Вс. В. Иванов на страницах автобиографического эссе «История моих книг», вышедшего в 1958 году. Он называет эту ситуацию «горестью, на время затемнившей ему многое»: «Когда “Серапионовы братья” приобрели некоторую известность, была напечатана статья Льва Лунца о планах и стремлениях “серапионов” в его представлении. Статья эта предварительно не обсуждалась “серапионами”, а возникшие, по ее опубликованию, разногласия “серапионов” не были преданы гласности, и поэтому в критике стало мелькать мнение, что “Серапионовы братья” – представители новой буржуазной литературы»³⁵³. Вс. В. Иванов неоднократно возвращается к этому вопросу, подчеркивая, что мнение серапионов не было единодушным: «Уже после напечатанья “программы” – происходило у “серапионов” обсуждение. Обсудили мы “программу” до ее напечатанья, вряд ли появилась бы она в том виде, в каком мы ее прочитали. С другой стороны, программа появилась ведь за подписью лишь одного Лунца, – значит, это было его личное мнение. Но слово “мы” употреблялось часто, и выходило, что статья была мнением всей группы. Как бы то ни было, помню, что многие из нас, особенно Федин и Тихонов, возражали против “программы” самым резким образом, и она была отвергнута как программа группы.

К сожалению, мы не довели дело до конца: раз “программа” появилась в печати, надо было в печати же и возразить против нее. Помешало “братство” – не

³⁵² Федин К. А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас; Шаг за шагом. С. 78.

³⁵³ Иванов Вс. В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1. Партизанские повести. С. 5–126.

хотелось обижать Лунца, ему ведь шел всего лишь двадцатый год!»³⁵⁴ Категоричные интонации этого высказывания отсылают нас к выступлению Вс. В. Иванова на I Всесоюзном съезде советских писателей.

Несмотря на резкую оценку К. А. Фединым «программной» статьи Л. Н. Лунца, о которой говорит Вс. В. Иванов, на страницах книги «Горький среди нас» автор достаточно деликатно высказывает свое мнение. В начале 1960-х годов В. А. Каверин в статье «Белые пятна» делает свою первую попытку рассказать о серапионах широкому читателю, таким образом заполнить лакуны в истории советской литературы³⁵⁵. В. А. Каверин не только затрагивает поднятую К. А. Фединым тему, но и цитирует его: «Еще более ложно распространенное мнение, что Лев Лунц был теоретиком “Серапионовых братьев”. <...> Должен заметить, что у меня нет никаких оснований претендовать на первенство в этом вопросе. Еще Федин в книге “Горький среди нас” подробно рассказал о спорах, происходивших в кругу “Серапионовых братьев”. Он впервые и совершенно справедливо заметил, что статьи Лунца, воспринимавшиеся как “серапионовские” декларации, “никогда ими не были”. К этому можно прибавить только одно: не только “не были”, но и не могли ими быть»³⁵⁶. При сравнении различных мемуаров, написанных серапионами, становится очевидна позиция К. А. Федина как автора воспоминаний: он не готов проигнорировать важные для себя факты и явления, но оценка их, которую он широко демонстрирует читателям своей книги, представлена деликатно и не передает того накала, с каким была воспринята в описываемое в книге время.

Во второй части книги «Горький среди нас» единичным, но значительным вторжением в авторский замысел стало изъятие текста, посвященного

³⁵⁴ Там же. С. 33.

³⁵⁵ Подробнее об истории публикации статьи В. А. Каверина см.: Буртин Ю. Власть против литературы (60-е годы). Публикация документов И. Брайнина и А. Петрова // Вопросы литературы. 1994. № 2. С. 223–306.

³⁵⁶ Каверин В. А. Белые пятна. Верстка статьи в журнале «Новый мир». [1962] // ГМФ 3528. С. 3.

М. М. Зощенко. К. А. Федин вспоминает, какие препятствия в виде бесконечных цензурных правок стояли на пути публикации первой книги, и размышляет об аналогичных перспективах второй части: «<...> Тем не менее, в тексте нет почти никаких частичных купюр или исправлений кроме одного: я снял в полном единомыслии с разрешающими инстанциями один портрет, который был введен как контраст к другому (и единственному портрету “молодых” писателей – Н. Тихонова). Это портрет Михаила Михайловича: тогда помещать очерк о нем было почти столь же недопустимо, как ныне»³⁵⁷.

Особенный интерес к своему очерку К. А. Федин отметил, когда понял, что эту часть рукописи в редакции Гослитиздата откопировали без его ведома. В письме А. М. Еголину, заместителю начальника Отдела художественной литературы Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), К. А. Федин поясняет, что упоминаемая им часть рукописи была написана летом 1943 года и уже была представлена как в редакции журнала «Октябрь», так и нескольким литературным друзьям. Он подчеркивает, что это произошло еще до того, как в журнале «Октябрь» была напечатана повесть Зощенко: «<...> старый очерк о Зощенке, вырванный из контекста и написанный задолго до известной критики повести “Перед восходом солнца”, сейчас может, конечно, быть истолкован превратно (позднее подчеркивание автора. – М. Г.) каждым, кто не знает изложенных обстоятельств и кому он попадет в руки»³⁵⁸. «Оправдывающаяся» интонация в словах К. А. Фебина появляется не случайно. Незадолго до этого, когда в ноябре 1943 года была остановлена публикация повести М. М. Зощенко «Перед восходом солнца», ее разгромные оценки прозвучали не только в печати, но и на собрании в Союзе писателей СССР, а также в декабрьском постановлении секретариата ЦК ВКП(б) «О контроле над литературно-художественными журналами» и «О повышении ответственности секретарей литературно-

³⁵⁷ Федин К. А. Письмо М. А. Сергееву. 27–28 сентября 1946 // ГМФ 41642.

³⁵⁸ Федин К. А. Письмо А. М. Еголину (Отдел художественной литературы Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)). 23 февраля 1944 г. // ГМФ 48535.

художественных журналов». Это был далеко не первый случай официальной критики творчества писателя, и К. А. Федин, занимавший видное место в писательской среде, многократно выступал в поддержку «собрата-серапиона»³⁵⁹. Поместив первоначально очерк о М. М. Зощенко во вторую часть книги «Горький среди нас», К. А. Федин хотел еще раз выступить в защиту М. М. Зощенко, показать всю многогранность его таланта, определить его место в современном литературном процессе. В 1944 году попытка не увенчалась успехом, однако в 1957 году К. А. Федин все-таки опубликовал этот очерк о М. М. Зощенко, включив его в сборник «Писатель. Искусство. Время».

Изъятие из текста книги фрагмента о М. М. Зощенко повлекло за собой необходимость скорректировать рукопись для сохранения логического повествования. По первоначальному замыслу К. А. Фебина, эту часть предваряла небольшая глава о значении смеха и иронии в жизни Серапионова братства. «Мы очень дорожили смехом. Как дыхание не может состоять только из вдоха, но включает в себе и выдох, так же точно нельзя построить искусство на одном вдохе – на серьезности, оно требует выдоха, – смеха, во всех его мыслимых оттенках, от улыбки до хохота. Однако, в духе русской литературной традиции, с ее подавляющим большинством “серьезных” писателей, книги наши, вдохнув в себя воздух окружавшей нас новой жизни, как бы задерживали облегчающий выдох.

С нами было два писателя, одаренных природным умением смеяться: Михаил Зощенко и Лев Лунц»³⁶⁰. Последняя фраза стала связующим элементом со следующей главой, повествующей о смерти Л. Н. Лунца. Однако, для К. А. Фебина «природное умение смеяться» было слишком банальным для определения природы зощенковского дарования и его значения для серапионов.

³⁵⁹ Подробнее об этом см.: Переписка К. А. Фебина и М. М. Зощенко / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т. А. Кукушкиной // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 331–341.

³⁶⁰ Федин К. А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. Вторая часть. 1921–1928. М. : ОГИЗ, 1944. С. 92.

Об этом же писал В. А. Каверин: «“Серапионовы братья” жили, работали, ссорились и мирились в атмосфере зощенского юмора, под раскаты хохота, неизменно звучащие, когда с серьезным, почти грустным лицом он читал нам свои рассказы. Да, это была настоящая творческая среда, тесно связанная с жизнью литературы – жизнью молодой, полной надежд и не боявшейся смеха. Мы смеялись над собой иногда беспощадно, мы смеялись над многозначительностью символистов, над их неоправданно высоким (как нам казалось) отношением к жизни. На смену этому отношению пришли простота, домашность и добродушная зощенковская ирония»³⁶¹. В. А. Каверин пишет о юморе М. М. Зощенко как о явлении, помогающем сгладить творческие и бытовые конфликты, как о способе снизить градус «значительности» при осмыслении молодыми писателями своего места в литературе. К. А. Федин же ощущает этот дар М. М. Зощенко как настоящее служение писателя. Развивая свою мысль о вдохе-выдохе как необходимой составляющей искусства, К. А. Федин заключает: «Но с нами был писатель, который мог бы сказать: хорошо, я сделаю за всех вас необходимый выдох, я буду смеяться так, что уравновешу вашу серьезность. Писатель этот – Михаил Зощенко»³⁶².

Для К. А. Федина-мемуариста совершенно не характерно простое описание или пересказывание каких-либо событий, разговоров, явлений «для полноты картины» изображаемого, «для создания атмосферы». Каждый такой факт он стремится проанализировать и вывести на уровень, включающий творческое Я объекта своего внимания в течение всего литературного процесса.

В качестве примера рассмотрим, как в воспоминаниях участников группы «Серапионовы братья» находит свое отражение феномен под названием «Зощенко обиделся». Каждый мемуарист вспоминает это при соответствующих обстоятельствах. Е. Г. Полонская упоминает об этом вскользь, не уделяя

³⁶¹ Каверин В. А. Белые пятна. Верстка статьи в журнале «Новый мир». [1962] // ГМФ 3528. С. 5.

³⁶² Федин К. А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 144.

пристального внимания такой особенности писателя: «Он (М. М. Зощенко. – М. Г.) очень чувствовал обиду, хотя не показывал этого и замыкался в себе. Однажды я сказала при нем, что, читая его книги, невозможно понять, говорит ли он в шутку или всерьез. Он промолчал, но очень рассердился на меня и недолгое время не говорил со мной <...> Он-то сам всегда знал, когда шутит и когда говорит серьезно»³⁶³. М. Л. Слонимский также вспоминает, с какой болезненной серьезностью М. М. Зощенко относился к литературной работе. Автор приводит пример, как на одном из серапионовских собраний приглашенный гость высоко отозвался о произведении Л. Н. Лунца, одновременно нивелируя достоинства ранее прочитанных рассказов других писателей, в том числе и М. М. Зощенко. М. Л. Слонимский подробно воспроизводит произошедшее далее: «Лицо у Зощенко почернело, он поднялся, схватился маленькой рукой своей за грудь и запротестовал. Можно как угодно оценивать то, что пишут другие, но обвинять в легкомыслии, в какой-то игре, в халтуре – это недопустимо! <...> Но сразу же выяснилось, что гость не имел дурных намерений, что он просто неудачно выразился, что он очень просит извинить его... Зощенко затих, посидел мрачный, молчаливый, потом губы его дрогнули и он улыбнулся. В улыбке темные глаза его становились обаятельно добрыми, и показывались зубы ослепительной, редкостной белизны.

С того дня мы, чуть что, смеялись:

– Зощенко обиделся!»³⁶⁴

К. А. Федин тоже вспоминает, как эта присказка существовала в жизни Братства: «У “серапионов” был в ходу рефрен, неизбежно повторявшийся под веселую руку, прибаутка, смысл которой был также ясен для нас, как туманен для окружающих. В самый неожиданный момент, после сурового обсуждения нового

³⁶³ Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний / вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент., послесловие и подбор илл. Б. Я. Фрезинского. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 376.

³⁶⁴ Слонимский М. Л. Завтра: Проза. Воспоминания. Л.: Советский писатель, 1987. С. 436.

рассказа или теоретического спора, вдруг предостерегающе-сухо раздавался чей-нибудь голос: “Зощенко обиделся”. И сразу – общий хохот. Иной раз наоборот – все веселятся, острят, потом наступает пауза усталости, как вдруг опять в тишине слышится протокольная констатация: “Зощенко обиделся”. И снова поднимается веселый смех. Сам Зощенко при этом усмехался своей замедленной, изящной, пренебрежительной улыбкой, будто говоря: ведь правда, возьму и обижусь»³⁶⁵. К. А. Федин подробно описывает реакцию М. М. Зощенко на сравнение его с И. Ф. Горбуновым, создавшим пародийный сатирический образ отставного генерала Дитятина как одного из типичных социальных образчиков своего времени. К. А. Федин замечает, что сразу же понял свою ошибку, но «никакие оговорки уже не могли меня спасти: слово вылетело, я пропал.

– Да? – спросил меня Зощенко чрезвычайно деликатно, но почти не открывая рта. Больше ничего не произошло»³⁶⁶.

К. А. Федин развивает эту историю, вспоминая, как однажды М. М. Зощенко спросил, помнит ли об этом К. А. Федин: «Он (М. М. Зощенко. – М. Г.) сказал эти слова так, чтобы никто, кроме меня не слышал, с усилием скрывая напряжение и с похолодевшим взглядом тяжелых, медленных и темных своих глаз. Я увидел, что неожиданностью вопроса он хочет смутить меня и смущением наказать за ошибку, какую я посмел сделать хотя бы и столько лет назад.

“Зощенко обиделся”, – засмеялись бы на серапионовской субботе. Да, на нас он, во всяком случае, имел бы основание обидеться, потому что мы ближе всех знали его работу и не вправе были толковать о ней верхоглядно»³⁶⁷.

Много лет спустя, во время подготовки к изданию Сочинений в 6 томах и отбора для него отрывков из книги «Горький среди нас», К. А. Федин размышляет о судьбе своего произведения, по-прежнему находящегося в забвении: «Все,

³⁶⁵ Федин К. А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 145.

³⁶⁶ Там же. С. 146.

³⁶⁷ Там же. С. 146–147.

написанное мною в “Г<орьком> с<реди> нас” – правда. Конечно, в рукописи ее больше, чем в книгах, а в записках, по которым писались воспоминания – еще больше»³⁶⁸. Отчасти это касается и очерка о М. М. Зощенко. В рабочих записях писателя находим несколько тезисов, которые еще полнее раскрывают образы как автора, подмечающего мельчайшие детали, так и его героя: «Один рефрен: “Зощенко обиделся”. Поводом могло быть все, но подосновой было желание “быть Зощенкой”. Не сравнивать!»³⁶⁹. Или еще: «Сравнение с Горбуновым (но рядом с Горб<уновым> – Лейкин!) Даже Аверченко – обидно... Гоголь! (подчеркнуто автором. – М. Г.) – это и не обидно и что всего достопримечательнее – соответств<ует> действит<ельности>. “Лесков” – тоже ошибка (Г<орький>)»³⁷⁰.

К. А. Федин включил в эту главу книги два фрагмента из писем М. Горького и запись его устных высказываний, на наш взгляд, и для того, чтобы подчеркнуть заинтересованность М. Горького творчеством М. М. Зощенко, высокую оценку, данную его работе. В одном из них и находит отражение последняя приведенная фраза из рабочих записей: «Люди, которые сравнивают его (М. М. Зощенко. – М. Г.) с Лесковым, – пишет М. Горький, – ошибаются, на мой взгляд. Зощенко заряжен иначе, да и весь – иной. Очень хорош»³⁷¹. Развивая дальше эту мысль, К. А. Федин отмечает, что с Н. С. Лесковым М. М. Зощенко сравнивала та критика, которая большее внимание уделяла стилю, нежели другим сторонам литературного дарования писателя, и что такое сравнение хотя и было одобрительным, но оказывалось односторонним. Гораздо вернее, по мнению К. А. Фебина, было сравнивать М. М. Зощенко с Н. В. Гоголем: «Да, да, вот сравнение, которое не могло бы никогда обидеть Зощенку, – Гоголь. Не потому

³⁶⁸ Федин К. А. Дневниковая запись от 13 сентября 1953 г. // НВГМФ 5610/19.

³⁶⁹ Федин К. А. Рабочие записи к книге «Горький среди нас». [1930-е]. Черновой автограф // ГМФ 42463.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Федин К. А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 147.

только, что “Сентиментальные повести” – в очевидном родстве с “Миргородом” и “Петербургскими повестями”. Не потому, что написав “Ревизора”, Гоголь терзается судьбою своего создания, подслушивает разговоры театральной публики, полемизирует, обороняется, спорит, а Зощенко своими прологами, комментариями, пародиями обнажает всю боль за свое призвание и борется с критикой. И даже не потому, что Гоголь чем дальше, тем меньше смеется, посвящая свое перо проповеди и нравственному служению, а Зощенко вместо сатиры отдается потребности поучительства. Нет, Гоголь создал, помимо сочинений, книгу своей жизни, писательскую судьбу <...> Конечно, это только сравнение, а не тождество, но – повторяю – единственное сравнение, которое никогда не могло бы обидеть Зощенко»³⁷².

Лейтмотивом фединского рассказа о М. М. Зощенко становится повышенная чувствительность и легкоранимость художника. Иллюстрирует это и включенный в очерк смешной случай, произошедший с М. М. Зощенко во время «уплотнения жилплощади», когда управдом отменил подселение жильцов в квартиру к писателю после полученного от М. Горького письма. Мы уже приводили этот фрагмент во второй главе настоящего исследования. На страницах дневника К. А. Федин просто записал его как курьезное происшествие. В своих воспоминаниях он развивает этот эпизод, иносказательно говоря о том, как остро творческий человек воспринимает безосновательные нападки критиков и нуждается в своевременной поддержке: «Трудно сказать, в какой точке жизненного пути ожидает человека встреча с управдомом – с этим увековеченным Зощенкой великим героем среди героев малых. Но еще труднее знать, в какое мгновение надо подать руку художнику, когда управдом оказывается на его пути в искусстве. В жизни нашего поколения писателей Горький не упустил ни одного такого мгновения.

Когда среди людей я вижу Зощенку, – как он стоит, худощавый, грустный, по своей обычной манере, отыскивающий незаметное место в сторонке, как будто

³⁷² Там же. С. 150–151.

извиняющийся за молву, им возбужденную, как будто говорящий с улыбкой – да, право же, весь шум произошел не по моей вине, – когда я вижу его таким, я думаю: мы не должны забывать, что художник реагирует на малейшие токи; что повышенное напряжение его убивает; что Горький ушел; что управдом остался; и что Зощенко продолжает бороться за литературу»³⁷³.

В своих воспоминаниях К. А. Федин отошел от одного основного правила мемуаристики – временной ограниченности повествования. В заглавии второй части книги «Горький среди нас» обозначен период, о котором предполагается рассказ: 1921–1928 годы. Однако в очерке о Зощенко К. А. Федин упоминает книги, вышедшие гораздо позднее: «Возвращенная молодость» (1933), «Голубая книга» (1935) и «Перед восходом солнца» (1943). К. А. Федин не мог оставить в стороне эти произведения, раскрывающие другую грань творческого дарования М. М. Зощенко. Он называет их «книги-переживания» и говорит о том, что трагедия М. М. Зощенко в неприятии публикой его новой писательской ипостаси: «Кто желал веселиться и видел в Зощенке юмориста, сочли его богоотступником, когда он отказался развлекать»³⁷⁴. «Мне жалко, что я не критик, – пишет К. А. Федин. – Я показал бы разнообразие оружия Зощенко, заключенное в видимом сходстве стиля всех его произведений. <...> В книгах, которые поняты все еще немногими, он (М. М. Зощенко. – М. Г.) ведет борьбу не только за свое искусство, но за искусство вообще, и я не знаю в наше время более сильного полемиста, чем Зощенко, когда он обращается к своим противникам, называя их “молодыми начинающими критиками”»³⁷⁵. К. А. Федин так же, как и в своих выступлениях 1930-х годов, подчеркивает значимость М. М. Зощенко в советской литературе, многогранность его дарования.

³⁷³ Там же. С. 153.

³⁷⁴ Там же. С. 149.

³⁷⁵ Там же. С. 148.

К. А. Федин продолжал работать над книгой «Горький среди нас» еще много лет. В письме литературоведу А. С. Долинину³⁷⁶ автор замечал: «Я очень хорошо знаю неполноту своей книги, ее недосказанность и недоразвитость отдельных мыслей. Но я также знаю историю замысла и историю появления книги»³⁷⁷. Эти слова касались, прежде всего, необходимости дать пояснения по поводу оценки автором спора М. Горького с Ф. М. Достоевским, которым интересовался исследователь, но их можно отнести и к общему содержанию воспоминаний. К. А. Федин, осознавая свой замысел в полноте, предполагал, что разрозненные части не будут оценены по достоинству. Он предпринимал попытки издания книги не двумя отдельными частями, как и было осуществлено, а единым изданием. Свое предложение К. А. Федин изложил главному редактору Гослитиздата А. С. Мясникову: «При таком выпуске обеих частей книги в одном издании центральный образ М. Горького будет более полным, а портреты других писателей, входящие во вторую часть, займут соответствующее им место. Таким образом, будет достигнуто равновесие и в смысловом, и в композиционном отношениях»³⁷⁸. Попытка объединить две части осуществилась в 1962 году, о чем К. А. Федин написал своему близкому другу М. А. Сергееву: «Вышел последний том (IX) моего русского издания Собр<ания> сочинений. В нем полностью напечатан “Горький среди нас” – впервые после памятного разноса второй части этой работы. Стало быть – через 18 лет...»³⁷⁹ Но абсолютного и долгожданного баланса удалось достичь только в 1967 году, когда первая и вторая части были дополнены третьей – перепиской К. А. Федина с М. Горьким, которая велась с 1920 по 1936 годы. Именно тогда читатели в полной мере смогли оценить все

³⁷⁶ Избранная переписка К. А. Федина с А. С. Долининым вошла в окончательный состав книги «Горький среди нас» (раздел «За шестнадцать лет»). См.: Федин К. А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М. : Молодая гвардия, 1967. С. 197–201.

³⁷⁷ Федин К. А. Письмо А. С. Долинину. 23 апреля 1947 г. // ГМФ 48534.

³⁷⁸ Федин К. А. Письмо А. С. Мясникову. 25 мая 1944 г. // ГМФ 48536.

³⁷⁹ Федин К. А. Письмо М. А. Сергееву. 17 мая 1962 г. // ГМФ 41706.

достоинства этих воспоминаний, повествующих о самых ярких и значительных явлениях литературной жизни Петрограда 1920-х годов.

Атмосфера «оттепели» конца 1950-х гг. подтолкнула многих серапионов к работе над воспоминаниями. Одной из первых стала писать мемуары Е. Г. Полонская. Впервые она публикует главы о К. А. Федине, М. М. Зощенко и С. Я. Маршаке в 1963 г. в Ученых записках Тартуского государственного университета. Присланная К. А. Федину для ознакомления перед публикацией рукопись становится для корреспондентов отправной точкой в разговоре об уникальности мемуарного жанра, о возрождении интереса к серапионам и о будущих исследованиях. Е. Г. Полонская просит К. А. Федина откликнуться и высказаться о достоверности изложенных ею фактов: «Из серапионов я показывала их Слонимскому, а он, как присяжный редактор, вычеркнул кое-какие строки, которые я сразу же восстановила в прежнем виде. Если будет у Вас время и охота, напишите, согласны ли Вы, чтобы воспоминания о Вас были напечатаны так, как Вы их прочтете в прилагаемой рукописи»³⁸⁰. По сохранившейся в архиве писателя рукописи³⁸¹ видно, что Федин не сделал в тексте ни единой правки. В ответном письме от 10 декабря 1962 года он объясняет свое решение: «Само собой, я ничего не имею против того, чтобы Вы послали Тартускому университету страницы воспоминаний, посвященных нашему знакомству.

Уже не сегодня и не вчера начался счет пятому десятку лет с того времени, когда зародилась серапионовская литература на углу Мойки и Невского. Да и себе я уже замерил почин восьмого. И разве поручишься за крепость памяти, когда ушло такое множество событий в прошлое и наш численник так поистрепался?

Мне кажутся серапионовские календы в такой последовательности, Вам – в другой. И я не взялся бы “редактировать” Вашу память и понимаю Вас, когда Вы не соглашаетесь с “редактором” М. Слонимским»³⁸². З. Г. Минц,

³⁸⁰ Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. 5 декабря 1962 г. // ГМФ 34924.

³⁸¹ Полонская Е. Г. О Константине Федине. 1963 // ГМФ 15147.

³⁸² Федин К. А. Письмо Е. Г. Полонской от 10 декабря 1962 г. // ГМФ 51798.

исследовательница творческой биографии Е. Г. Полонской, отмечала, что основной пафос лучших литературных мемуаров заключается в полном и правдивом осмыслении истории советского искусства, но непредвзятость может возникнуть только из разностороннего и максимально полного воссоздания всех фактов и явлений. Она считала, что важно учитывать тот факт, что, соприкасаясь по материалу с историей литературы, литературные мемуары все же принадлежат искусству, и не следует забывать об этом при оценке их значимости. З. Г. Минц подчеркивает особенности этого типа источников: «Историк литературы обязан брать изображаемое в наиболее существенных, основных связях, писатель-мемуарист воспроизводит только лично пережитое, эмоционально им воспринятое. Критерии важного и неважного у них различны, и это закономерно. Исследователь изучает литературный процесс. Но “процесс” вне живых людей всегда был и будет бескровной фикцией. “Процесс” делается людьми и небезразличен к их характерам, личным особенностям, неповторимому своеобразию индивидуальностей. А эта неповторимость личности может выразиться в факте, ничтожном в своей отдельности, но исполненном глубокого значения, если смотреть на него как на ключ к постижению человеческой сущности исторического лица. Особенно важно это для истории искусства – сферы, в которой личное своеобразие характеров людей значительно ярче отпечатывается на общих закономерностях процесса, чем, скажем, в истории производства»³⁸³.

Такая позиция была близка и К. А. Федину. Для него как для мемуариста было важным сохранение уникальности авторского замысла. Себе и другим авторам воспоминаний он давал право выбора тем и способа подачи материала, в том числе и касающегося группы «Серрапионовы братья». Предвзятость в изображении кружка молодых писателей, которая долго ставилась в вину автору,

³⁸³ Минц З. Е. Г. Полонская и ее литературные воспоминания // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. VI. Выпуск 139. Тарту, 1963. С. 375–376.

безусловно имела право на существование. Подоплека такого отношения была сформулирована Б. А. Бяликом: «Федин не скрывал в своей книге, как волнует его все, что связано с группой “Серапионовы братья”, как дорога ему эта страница его прошлого. Но разве могло быть иначе? Ведь речь шла о его первой любви в литературе, а к таким вещам трудно относиться с полной объективностью, с точным подсчетом плюсов и минусов, с педантичным взвешиванием достоинств и недостатков. Трудно, если любовь была искренней»³⁸⁴. Именно с таким заинтересованным и бережным отношением К. А. Федин представил широкой читательской публике не просто важную страницу своей биографии, не просто яркое явление в литературной жизни страны и отдельные портреты выдающихся писателей разных поколений, но дорогое сердцу ощущение причастности к высокой идее братского объединения, которое служило нравственным ориентиром всем серапионам до конца жизни.

³⁸⁴ Бялик Б. А. Книга трудной судьбы // Творчество Константина Федина: Статьи. Сообщения. Материалы. Встречи с Фединым. Библиография. М. : Наука, 1966. С. 97.

Заключение

В рамках представленного диссертационного исследования мы изучили широкий круг эго-документов К. А. Федина 1920–1970-х годов. Обращение к различным типам источников, включающим дневники писателя, его переписку, воспоминания, рабочие записи, позволило нам более полно и достоверно реконструировать целостную картину появления и бытования литературной группы «Серрапионовы братья»: заполнить фактологические лакуны в истории содружества, определить точное отношение К. А. Федина к событиям и явлениям, связанным с серрапионами, воссоздать целостную картину его взаимоотношений с отдельными участниками группы.

Эго-документы К. А. Федина являются важнейшим источником свидетельств об истории Серрапионовых братьев. Сближения и разногласия, совместные заседания, отчуждение серрапионов друг от друга, причины разлада в группе, а потом и ее распада представлены К. А. Фединым в контексте его размышлений о сломе эпох, начале новых отношений между властью и литераторами, изменении статуса самой литературы. Каждый изученный вид эго-документов раскрывает особенности авторского сознания в осмыслении писателем феномена серрапионов.

Дневники писателя являются наиболее полным и достоверным источником в реконструировании личных и творческих связей К. А. Федина с литературным сообществом «Серрапионовы братья». Личные записи писателя в меньшей степени являются хроникой бытования группы, так как на страницах документа фактов значительно меньше, чем авторских размышлений. Дневник К. А. Федина предстает ярким примером «откровенного разговора с самим собой», без оглядки на мнения других и боязни осуждения. На страницах дневника запечатлены различные по эмоциональной окраске ситуации, связанные, в том числе, с серрапионами. Отличительными особенностями авторского высказывания становится использование подтекста, несказанного слова, невещественных знаков. К. А. Федин намеренно редуцирует

собственную значимость в широком диапазоне повествования, включающем и философские размышления, и бытовые подробности.

В отсутствие дневников 1920-х годов единственным свидетельством представления К. А. Федина об активной жизни литературной группы «Серапионовы братья» является эпистолярный материал, запечатленный в письмах К. А. Федина М. Л. Слонимскому, Л. Н. Лунцу и Вс. В. Иванову, зафиксированные моменты сближения и разногласия участников в разные периоды, размышления писателя о значении группы в истории литературы, о причинах ее распада и последующих попытках возрождения становятся важным элементом в реконструкции истории содружества молодых писателей.

Интерес представляют жанрово-стилевые особенности, тональность, интонирование в письмах К. А. Федина. В первую очередь, они обусловлены степенью его близости с отдельными корреспондентами, кругом тем, возможных для обсуждения с конкретным адресатом. Однако важнейшую роль в способе подачи отобранной информации играет самоцензура, не позволяющая, в отличие от дневников, быть предельно откровенным. В ряде случаев именно обращение к эпистолярным источникам дает возможность максимально достоверно восстановить отношение К. А. Федина к отдельным участникам группы «Серапионовы братья». Так, важные свидетельства истории напряженных отношений между К. А. Федем и В. А. Кавериним не отражены в написанных и отправленных письмах. Авторская интенция находит свое сущностное отражение и в черновых набросках к только задуманным корреспонденциям.

Анализ дневников и писем К. А. Федина позволяет проследить динамику его отношений к серапионам. Резкие, хлесткие, порой язвительные характеристики, которые были даны им своим собратям в молодые годы, сменяются аналитическими размышлениями о судьбах и произведениях писателей-серапионов. Имея возможность в течение многих лет наблюдать за их творчеством, хорошо зная по собственному опыту, какое действие на автора

оказывают необоснованные критические замечания, К. А. Федин даже в дневниковых записях старается провести такой разбор максимально деликатно.

Переписка К. А. Федина с отдельными писателями (Л. Н. Лунцем, Н. Н. Никитиным, М. Л. Слонимским) дает представление о направленности авторского сознания в выборе тем для обсуждения и подачи материала для каждого корреспондента. Наиболее полно эти особенности проявляются в сопоставлении разных типов эго-документов. Различия в рефлексиях К. А. Федина на страницах дневников и писем обусловлены тонким чувствованием человека, к которому он обращается, нежеланием ранить или уязвить корреспондента. Разница в подаче одного и того же факта в письме и дневнике писателя свидетельствует о важности установления и сохранения прочных отношений с каждым отдельным участником группы.

Важным документальным свидетельством литературной и культурной жизни Петрограда 1920-х годов, ярким явлением которой стала литературная группа «Серрапионовы братья», является книга воспоминаний К. А. Федина «Горький среди нас». Ее сравнение с воспоминаниями, написанными другими участниками содружества – В. А. Кавериным, Е. Г. Полонской, М. Л. Слонимским – позволяет утверждать, что для К. А. Федина-мемуариста характерен особый авторский подход к отбору и изложению документальных фактов. К. А. Федин не ограничивается простым бытописанием: случившиеся в действительности события, имеющие, по его мнению, ключевое значение, на страницах книги воспоминаний «Горький среди нас» становятся отправными точками для размышления автора о внутренней жизни группы, об идейных установках и творческих соприкосновениях. Именно такая смысловая наполненность повествования позволяет рассматривать воспоминания К. А. Федина в ряду наиболее информативных документов эпохи.

История первой публикации книги К. А. Федина «Горький среди нас» (1943–1944) крайне драматична. Многочисленные редакторские и авторские (по требованию цензоров) исправления внесли существенные изменения в авторский

содержательный и композиционный замысел: подверглись переработке отрывки, связанные с Серапионовым братством и писателями из близкого круга их общения. Несовершенство изданного в те годы текста осознавалось автором в полной мере и достаточно долго тяготило его, о чем свидетельствуют размышления на страницах дневника. Возвращение к исходной концепции, которое осуществилось через два десятилетия после первой публикации, было важным для К. А. Федина в деле сохранения памяти о группе «Серапионовы братья».

Для К. А. Федина как для мемуариста было важным сохранение уникальности авторского замысла. Себе и другим авторам воспоминаний он давал право выбора тем и способа подачи материала, в том числе и касающегося группы «Серапионовы братья». Субъективность в изображении кружка молодых писателей, которая долго ставилась в вину автору, безусловно имела право на существование. К. А. Федин представил широкой читательской публике не просто летопись эпохи, но дорогое ему ощущение причастности к высокой идее братского объединения, которое служило нравственным ориентиром всем серапионам до конца жизни.

Исследование эго-документов К. А. Федина имеет ряд перспективных направлений. Во-первых, необходимо продолжить работу по выявлению, комментированию и подготовке к публикации переписки К. А. Федина с остальными участниками Серапионова братства: И. А. Груздевым, В. А. Кавериним, Н. Н. Никитиним, Е. Г. Полонской и Н. С. Тихоновим. Представление полного корпуса двусторонней переписки, содержащей живые непосредственные реакции на события общественно-политической и культурной жизни России времен как активной деятельности серапионов, так и последовавших за окончательным распадом группы, даст возможность приблизиться к воссозданию объективной картины литературной жизни России XX века. Для наиболее широкого охвата различных типов личных источников также требуется дальнейшее выявление и изучение инскриптов, адресованных

различным участникам литературной группы «Серапионовы братья», и маргиналий на книгах из библиотеки К. А. Федина.

Во-вторых, перспективным представляется и расширение круга изучаемых корреспондентов К. А. Федина, не принимавших непосредственного участия в деятельности группы «Серапионовы братья». Реминисценции К. А. Федина, связанные с феноменом серапионов как явления, осмыслявшегося писателем на протяжении всей жизни, частично выявлены нами на страницах его писем родственникам и близким друзьям. Для разработки этого направления необходимо привлечь к изучению переписку К. А. Федина с издательскими работниками, сотрудниками литературных организаций разного уровня, учеными, читателями.

Изучение эго-документов К. А. Федина, имеющих отношение к «Серапионовым братьям», может стать составной частью более масштабного исследования, связанного с осмыслением феномена Серапионова братства каждым отдельным участником и включением отдельных авторских интенций в контекст коллективного осознания этого ярчайшего явления в культурной жизни России.

Думается, что продолжение исследований в области текстологии и источниковедения послужит фундаментом для новых историко-литературных наблюдений и выводов.

Список литературы и архивных источников

I

1. Федин, К. А. Дневники 1920–1921 гг. // ГМФ 42390–42394.
2. Федин, К. А. Дневники 1928–1946 гг. // РГАЛИ. – Ф. 1817. – Оп. 3. – Ед. хр. 1–9.
3. Федин, К. А. Дневники 1946–1968 гг. // НВГМФ 5610/10–5610/32.
4. Федин, К. А. Письмо А. С. Долинину. 23 апреля 1947 г. // ГМФ 48534.
5. Федин, К. А. Письмо С. М. Лубэ. [1956]. Черновой автограф // ГМФ 18501.
6. Федин, К. А. Письмо А. М. Еголину (Отдел художественной литературы Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б). 23 февраля 1944 г. // ГМФ 48535.
7. Федин, К. А. Письмо А. С. Мясникову. 25 мая 1944 г. // ГМФ 48536.
8. Федин, К. А. Письмо К. М. Симонову и А. Ю. Кривицкому от 4 марта 1949 г. // ГМФ 52662.
9. Федин, К. А. Письмо М. А. Сергееву. 27–28 сентября 1946 // ГМФ 41642.
10. Федин, К. А. Рабочие записи к книге «Горький среди нас». [1930-е]. Черновой автограф // ГМФ 42463.
11. Федин, К. А. «Собирался, одно время, даже ответить Каверину...» Рабочие записи // ГМФ 48243.
12. Федин, К. А. Двадцатые годы (Предисловие к публикации второй части книги «Горький среди нас» в журнале «Новый мир»). 1944. Машинопись с правкой автора // ГМФ 48185/1.
13. Федин, К. А. Письма Е. Г. Полонской 1962–1965 гг. // ГМФ 51798–51800.
14. Федин, К. А. Письма И. А. Груздеву 1923–1942 гг. // ГМФ 31015, 48807, 48828, 51473/1, 51474.
15. Федин, К. А. Письма Н. Н. Никитину 1940–1960-х гг. // РГАЛИ. – Ф. 2575. – Оп. 1. – Ед.хр. 380 (разыскание Е. А. Папковой).

16. Федин, К. А. Письма Н. Н. Никитину 1947–1966 гг. // ГМФ 39060, 52264/1.
17. Федин, К. А. Письма Н. С. Тихонову 1926–1962 гг. // ГМФ 31049–31062, 40650, 48837–48839, 48853–48859.
18. Федин, К. А. Письмо В. А. Каверину от 25 мая 1964 г. // ГМФ 51588.
19. Федин, К. А. Письмо Д. С. Фединой. 19–20 января 1932 г. // ГМФ 33586.
20. Федин, К. А. Письмо М. А. Сергееву. 17 мая 1962 г. // ГМФ 41706.
21. Груздев, И. А. Письма К. А. Федину 1920–1962 гг. // ГМФ 4848, 35782, 37519–37544, 45254.
22. Каверин, В. А. Письма К. А. Федину 1924–1968 гг. // ГМФ 18710, 35981–36008, 39043, 45234, 48241.
23. Лунц, Л. Н. Письма К. А. Федину 1923–1924 гг. // ГМФ 35939–35946.
24. Никитин, Н. Н. Письма К. А. Федину 1921–1961 гг. // ГМФ 6773/19, 34185, 35104–35219.
25. Тихонов, Н. С. Письма К. А. Федину 1960–1977 гг. // ГМФ 14354, 14355, 14408–14424, 28750, 29105, 35527–35544, 45247.
26. Полонская, Е. Г. Письма К. А. Федину 1937–1967 гг. // ГМФ 4660, 6720/19, 34913–34936.
27. Горький, М. Письма К. А. Федину 1923–1936. Машинописная копия с комментариями К. А. Фебина // ГМФ 48530.
28. Каверин, В. А. Белые пятна. Верстка статьи в журнале «Новый мир». [1962] // ГМФ 3528.
29. Керн, Г. Лев Лунц, Серапионов брат. Манчестер. Апрель 1965 / Пер. А. Приходько. Машинописная копия диссертации для служебного пользования // ГМФ 15174.
30. Никитин, Н. Н. Воспоминания К. Фебина о Горьком. 1943. Машинописная копия с пометами К. А. Фебина // ГМФ 15139.
31. Никитина, З. А. Письмо К. А. Федину от 2 августа 1934 г. // ГМФ 39336.
32. Полонская, Е. Г. О Константине Фебине. 1963 // ГМФ 15147.

II

33. Акимова, Т. П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX веков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т.П. Акимова. – Волгоград, 2017. – 44 с.
34. Алексеев, В. В. Основные итоги изучения эпистолярных источников в советской научной литературе 60–80-х годов / В. В. Алексеев. – М. : Высшая школа, 1987. – 318 с.
35. Арутюнян, К. Структурно-семантический и стилистический анализ языковых особенностей писательского эпистолярия (на материале переписки Е. Замятина и К. Федина 1925–1934 годов) / К. Арутюнян // Литература русского зарубежья. Е. И. Замятин. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та им. Г. Р. Державина, 2004. – С.191–208.
36. Архипова, И. С. К истории «литературной записи» воспоминаний / И. С. Архипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, – 2015. – № 1 (43) : в 2-х ч. Ч. II. – С. 18–22.
37. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
38. Башкирова, Е. Ю. Vladimir Posner / Е. Ю. Башкирова // Le Porche. – 2000. – № 6. – С. 95–104.
39. Белая, Г. А. Дон Кихоты 20-х годов : «Перевал» и судьба его идей / Г. А. Белая. – М. : Сов. писатель, 1989. – 395 с.
40. Белова, Т. Д. К. Федин и М. Горький: история личных и творческих взаимоотношений (спорные вопросы) / Т. Д. Белова // XX век: альманах. Вып. 9. – СПб. : Островитянин, 2018. – С. 172–180.

41. Белова, Т. Д. К. А. Федин. «Горький среди нас»: история «книги трудной судьбы» / Т. Д. Белова // XX век: альманах. Вып. 13. – СПб. : ООО «Гамма», 2023. – С. 50–66.
42. Белунова, Н. И. Дружеские письма русской интеллигенции конца XIX – начала XX века: Жанр и текст писем / Н. И. Белунова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. – 137 с.
43. Белунова, Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования : дис. ... док. филол. наук : 10.02.01 / Н.И. Белунова. – СПб., 2001. – 475 с.
44. Бернштейн, И. И. <Воспоминания> // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / вступ. ст., подгот. текст., сост. и коммент. О. С. Фигурнова, М. В. Фигурнова. – М. : Наталис, 2002. – 543 с.
45. Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок; пер. Е. М. Лысенко; прим. и ст. А. Я. Гуревича. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
46. Бондарь, И. А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе / И. А. Бондарь // Известия высших учебных заведений. Проблема полиграфии и издательского дела. – 2013. – № 6. – С. 107–115.
47. Брайнина, Б. Я. Константин Федин. Очерк жизни и творчества. – М. : Гослитиздат, 1962. – 463 с.
48. Буртин, Ю. Власть против литературы (60-е годы). Публикация документов И. Брайнина и А. Петрова / Ю. Буртин // Вопросы литературы. – 1994. – № 2. – С. 223–306.
49. Быстрова, О. В. Переписка М. Горького и К. Федина как источник изучения литературного процесса XX века / О. В. Быстрова // Константин Федин и его современники (Фединские чтения. Вып. 5): к 120-летию со дня рождения К. А. Федина : материалы Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2013. – С. 77–87.

50. Бялик, Б. А. Книга трудной судьбы / Б. А. Бялик // Творчество Константина Федина: Статьи. Сообщения. Материалы. Встречи с Фединым. Библиография. – М. : Наука, 1966. – С. 87–98.
51. Ванюков, А. И. «По тропке русского писателя»: письма К. Федина Н. Никитину / А. И. Ванюков // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: к 90-летию образования литературной группы : материалы междунар. науч. конф. / ред. и сост. Л. Ю. Коновалова и И. В. Ткачева. – Саратов: Орион, 2011. – С. 70–80.
52. Введение в литературоведение: учеб. пособие / В. В. Прозоров, Е. Г. Елина, И. А. Книгин. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2006. – 58 с.
53. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б); ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. – М. : Демократия, 1999. – 868 с.
54. Воронский, А. К. Литературные силуэты / А. К. Воронский // Красная новь. – 1922. – № 6. – С. 319–320.
55. Воронский, А. К. На перевале (Дела литературные) // Воронский А. К. Искусство и жизнь. – М.; Пг. : Круг, 1924. – С. 75–86.
56. Вьолле, К., Гречаная, Е. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика / К. Вьолле, Е. Гречаная // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. – М. : ИМЛИ РАН, 2006. – С. 57–111.
57. Галиуллина, Д. М. Мемуары как исторический источник: учеб.-метод. пособие / Д. М. Галиуллина. – Казань : изд-во Казан. ун-та, 2007. – 19 с.
58. Галиуллина, Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли / Д. М. Галиуллина // Ученые записки Казанского государственного университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 148. – Кн. 4. – С. 36–45.

59. Галушкин, А. Ю. Из истории «литературной коллективизации» / А. Ю. Галушкин // *Russian Studies = Etudes Russes = Russische Forschungen*. – 1996. – № 2. – С. 437–478.
60. Георгиева, Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник / Н. Г. Георгиева // *Вестник Российского университета дружбы народов*. – Серия: История России. – 2012. – № 1. – С. 126–138.
61. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Художественная литература, 1976. – 448 с.
62. Голубков, М. М. Утраченные альтернативы : Формирование монистической концепции советской литературы, 20–30-е гг. / М. М. Голубков; ИМЛИ РАН. – М. : Наследие, 1992. – 199 с.
63. Голубцов, В. С. Мемуары как источник по истории советского общества / В. С. Голубцов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 114 с.
64. Горбунов, А. П. «Серрапионовы братья» и К. Федин. Библиографический очерк / А. П. Горбунов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1976. – 279 с.
65. Грейерс, фон К. Эго-документы: Последнее слово? [Электронный ресурс] / К. фон Грейерс // *German history*. – Vol. 28. – № 3. – С. 273–282. – Режим доступа: https://core.ac.uk/outputs/85213484/?utm_source=pdf&utm_medium=banner&utm_campaign=pdf-decoration-v1.
66. Гречнев, В. Я. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького (Воспоминания о писателях) / В. Я. Гречнев. – М.; Л. : Наука, 1964. – 132 с.
67. Григорьева, М. В. Этика и цензура: что скрывается за купюрами в опубликованных дневниках К. А. Федина конца 1945 – начала 1946 года / М. В. Григорьева // *Серрапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества : материалы Всероссийской науч. конф.* / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева, сост. Д. А. Слюзова. – Саратов: Наука, 2021. – С. 151–157.

68. Григорьева, М. В. Е. Г. Полонская и К. А. Федин: к истории взаимоотношений / М. В. Григорьева // Известия Саратовского университета. – Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22. – Вып. 3. – С. 313–319.
69. Григорьева, М. В. Литературная группа «Серапионовы братья» в осмыслении К. А. Федина / М. В. Григорьева // Культура и текст. – 2024. – № 3 (58). – С. 77–91.
70. Григорьева, М. В. Серапионы на страницах дневников К. А. Федина 1946 – 1968 гг. / М. В. Григорьева // Известия Саратовского университета. – Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23. – Вып. 4. – С. 400–407.
71. Григорьева, Т. М. Русская эпистолярная культура: от прошлого к настоящему [Электронный ресурс] / Т. М. Григорьева // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – № 11. – С. 39–43. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-epistolnyarnaya-kultura-ot-proshlogo-k-nastoyaschemu/viewer>.
72. Грифцов, Б. А. Психология писателя / Б. А. Грифцов. – М. : Художественная литература, 1988. – 462 с.
73. Груздев, И. Кружок новых писателей / И. Груздев // Книга и революция. – 1922. – № 3 (15). – С. 110–111.
74. Деккер, Р. Долгосрочные тенденции автобиографического творчества в Нидерландах [Электронный ресурс] / Р. Деккер // Человек. – 2016. – № 5. – С. 71–83. – Режим доступа: <https://chelovekjournal.ru/s0236-20070000596-6-1-ru-6>.
75. Деревина, Л. А. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников / Л. А. Деревина // Вопросы архивоведения. – 1963. – № 3–4. – С. 32–38.
76. Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 2001. – Стб. 232–234.
77. Дневник Ал. Блока. 1911–1913 / под ред. П. Н. Медведева. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. – 274 с.

78. Дубин, Б. В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин, Б. В. Слово – письмо – литература : Очерки по социологии современной культуры. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – С. 98–119.
79. Егоров, О. Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование / О. Г. Егоров. – М. : Флинта; Наука, 2002. – 285 с.
80. Егоров, О. Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра / О. Г. Егоров. – М. : Флинта; Наука, 2003. – 279 с.
81. Елизаветина, Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г. Г. Елизаветина // Русский и западно-европейский классицизм. Проза. – М. : Наука, 1982. – С. 235–263.
82. Елина, Е. Г. К теории эпистолярия / Е. Г. Елина // Поэтика и стилистика: сб. ст. / под ред. И. В. Чуприны, В. Е. Гольдина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – С. 26–34.
83. Елина, Е. Г. Лев Лунц: опыт реконструкции литературно-критического мышления // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: К 90-летию образования литературной группы: материалы междунар. науч. конф. – Саратов : Орион, 2011. – С. 24–30.
84. Елина, Е. Г. Мемуары В. А. Каверина о «Серапионовых братьях» в контексте филологической прозы / Е. Г. Елина // Серапионовы братья: Взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества : материалы Всероссийской науч. конф. / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева, сост. Д. А. Слюзова. – Саратов : Наука, 2021. – С. 66–73.
85. Елина, Е. Г. Эпистолярные формы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина / Е. Г. Елина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, – 1981. – 89 с.
86. Ефременко, Э. Л. Вопросы комментирования эпистолярных текстов / Э. Л. Ефременко // Вопросы текстологии. Вып. 3. Принципы издания эпистолярных текстов. – М. : Изд-во АН СССР, 1964. – С. 138–181.

87. Жиляков, С. В. Жанровая проблема после М. М. Бахтина (онтологические заметки) [Электронный ресурс] / С. В. Жиляков // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2015. – Т. 1. – Вып. 1. – Режим доступа: <https://rrhumanities.ru/journal/article/149/>.
88. Зайдман, А. Д. «Прозаики молодые есть в Петрограде» / А. Д. Зайдман // Русская литература. – 1997. – № 4. – С. 138–148.
89. Зайончковский, П. А. <Предисловие> / П. А. Зайончковский // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников. Т. 1. – М. : Книга, 1976. – С. 3–15.
90. Зализняк, А. А. Дневник: к определению жанра / А. А. Зализняк // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 6. – С. 162–181.
91. Замятин, Е. Новая русская проза / Е. Замятин // Русское искусство. – 1923. – № 6–7. – С. 57–67.
92. Замятин, Е. О сегодняшнем и современном / Е. Замятин // Русский современник. – 1924. – № 2. – С. 264–268.
93. Зарецкий, Ю. П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов / Ю. П. Зарецкий // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2005. – С. 159–173.
94. Зарецкий, Ю. П. Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта) / Ю. П. Зарецкий // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах. – М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021. – С. 6–28.
95. Зарецкий, Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология / Ю. П. Зарецкий // Новое литературное обозрение. – 2021. – № 3. – С. 184–199.
96. Зощенко, М. Перед восходом солнца / М. Зощенко // Октябрь. – 1943. – № 6/7. – С. 58–96; № 8/9. – С. 103–133.

97. Иванов Вс. В. Голубой зверь (воспоминания) / Вс. В. Иванов // Звезда. – 1995. – № 1. – С. 173–199.
98. Из далеких двадцатых... (Лев Лунц – «Серапионовым братьям». 1923–1924) / публ. Н.К. Фединой; вступл., послесл. и коммент. А.Н. Старкова // Вопросы литературы. – 1993. – № 4. – С. 236–261.
99. Из дневников и писем К.А. Федина / публ. Н. Фединой и А. Старкова // Литературная учеба. – 1986. – № 1. – С. 140–153.
100. Источниковедение истории СССР : [Учебник для ист. спец. ун-тов и пед. ин-тов / И. Д. Ковальченко, С. В. Воронкова, А. В. Муравьев и др.]; под ред. И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1981. – 496 с.
101. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А. К. Соколова. – М. : Высшая школа, 2004. – 686 с.
102. Кабанова, И. Э. «Великий перелом» в эго-документах К. А. Федина конца 1920 – начала 1930-х годов / И. Э. Кабанова // Эпоха «Великого перелома» в истории культуры : сб. науч. ст. / под ред. И. Ю. Иванюшиной, И. А. Тарасовой. – Саратов : Саратовский источник, 2015. – С. 238–246.
103. Кабанова, И. Э. «Для меня писать значит жить...»: Штрихи к портрету К. Федина (по дневникам 1920–1921 годов) / И. Э. Кабанова // Серапионовы братья: Взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества : материалы Всероссийской науч. конф. / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева, сост. Д. А. Слюзова. – Саратов : Наука, 2021. – С.114–122.
104. Кабанова, И. Э. К. Федин и В. Познер: к истории взаимоотношений (по материалам неопубликованной переписки) / И. Э. Кабанова // «Страна филологов»: проблемы текстологии и истории литературы. К юбилею члена-корреспондента РАН Н.В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2014. – С. 138–149.
105. Кабанова, И. Э. Константин Федин в кругу Серапионов / И. Э. Кабанова // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: к 90-летию образования литературной группы : материалы междунар.

- науч. конф. / ред. и сост. Л. Ю. Коновалова, И. В. Ткачева. – Саратов : Орион, 2011. – С. 52–62.
106. Кабанова, И. Э. Опыт реконструкции взаимоотношений писателей на основе эпистолярия и дневников (К. Федин и Б. Эйхенбаум) / И. Э. Кабанова // Эго-документы XX века. Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / отв. ред. и сост. И. Э. Кабанова. – Саратов : Наука, 2020. – С. 3–13.
107. Кабанова, И. Э. Проблемы изучения эпистолярного наследия К. А. Федина / И. Э. Кабанова // Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: письма и дневники в русском литературном наследии XX века / отв. ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 226–238.
108. Кабанова, И. Э. Проблема творческой свободы и самоцензуры (по дневникам К. А. Федина конца 1920 – начала 30-х годов) / И. Э. Кабанова // Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под. ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецковой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – С. 242–254.
109. Кабанова, И. Э. Роман К. А. Федина «Города и годы» в оценке критики 1920-х годов / И. Э. Кабанова // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К. А. Федина. – Саратов : Наука, 2018. – С. 210–219.
110. Кабанова, И. Э. Штрихи к портрету Горького 1930-х годов (по материалам архива К.А. Федина) / И. Э. Кабанова // Русская литература. – 2018. – № 2. – С. 252–260.
111. Кабанова, И. Э. Эпистолярное наследие К. Федина 1920–1930-х годов / И. Э. Кабанова // Константин Федин и его современники (Фединские чтения. Вып. 5): к 120-летию со дня рождения К. А. Федина : материалы Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2013. – С. 88–96.

112. Кабанова, И. Э. Эпистолярное наследие К. Федина и его корреспондентов (по материалам фондов Государственного музея К. А. Федина) / И. Э. Кабанова // Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 595–604.
113. Кабанова, И. Э. Эпистолярные диалоги русских писателей 1920-х гг. (по материалам Государственного музея К. А. Федина) / И. Э. Кабанова // Алексей Толстой: Диалоги со временем. – М. : ИМЛИ РАН, 2014. – С. 241–251.
114. Кабанова, И. Э., Касович А. С., Познякова Е. В. Константин Федин. Портрет издателя / И. Э. Кабанова, А. С. Касович, Е. В. Познякова // Вопросы литературы. – 2018. – Март–апрель. – С. 92–126.
115. Каверин, В. А. «Здравствуй, брат, писать очень трудно...»: портреты, письма о литературе, воспоминания / В. А. Каверин, ред. Е. И. Изгородина. – М. : Советский писатель, 1965. – 256 с.
116. Ключевский, В. О. Соч. : в 8 т. М. : Гослитиздат, 1959. Т. VI : Специальные курсы. – 516 с.
117. Книгин, И. А. Словарь литературоведческих терминов / И. А. Книгин. – Саратов : Лицей, 2006. – 270 с.
118. Кобрин, К. Р. Похвала дневнику / К. Р. Кобрин // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 3. – С. 288–295.
119. Коваленко, Е. И. Мемуарная проза как жанрово-стилистический феномен [Электронный ресурс] / Е. И. Коваленко // Соловьевские чтения : материалы междунар. науч. конф. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/3910>.
120. Кожеко, А. В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы [Электронный ресурс] / А. В. Кожеко // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – С. 85.–
Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23775>.
121. Кознова, Н. Н. Воплощение авторского «я» в мемуарном произведении [Электронный ресурс] / Н. Н. Кознова // Пушкинские чтения. – 2012. – № XVII. –

Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voploschenie-avtorskogo-ya-v-memuarnom-proizvedenii>.

122. Колядич, Т. М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра / Т. М. Колядич. – М. : Мегатрон, 1998. – 276 с.

123. Колядич, Т. М. Воспоминания писателей XX века: эволюция, проблематика, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. / Т.М. Колядич. – М., 1999. – 31 с.

124. Коновалова, Л. Ю. «В великом городе, в великое время мы нашли друг друга...» (Из истории литературного братства) / Л. Ю. Коновалова // Творческая биография писателя в контексте эпохи (Фединские чтения. Вып. 4) / под ред. Л. Е. Герасимовой, сост. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева. – Саратов : Новый ветер, 2010. – С. 77–87.

125. Коновалова, Л. Ю. Возрождение Серапионова братства... (На материале эго-документов К. А. Федина 1929–1931-х годов) / Л. Ю. Коновалова // Серапионовы братья: Взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества : материалы Всероссийской науч. конф. / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева, сост. Д. А. Слюзова. – Саратов : Наука, 2021. – С.48–57.

126. Коновалова, Л. Ю. Дом литераторов и Дом искусств в Петрограде. Литературная группа «Серапионовы братья» (по материалам фондов Государственного музея К.А. Федина) / Л. Ю. Коновалова // «Найти свой лад...» (Фединские чтения. Вып. 2). / отв. ред. Л.Е. Герасимова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. – С. 27–48.

127. Коновалова, Л. Ю. Позиция Ленинградского отдела Всероссийского союза писателей в «Деле Б. Н. Пильняка и Е. И. Замятина» / Л. Ю. Коновалова // Эпоха «Великого перелома» в истории культуры. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. – С. 252–260.

128. Коновалова, Л. Ю. Серапионовы братья: миф и мифологема / Л. Ю. Коновалова // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-

исторические аспекты. К 90-летию образования литературной группы. – Саратов : Орион, 2011. – С. 242–250.

129. Коновалова, Л. Ю. «С кем же вы, Серапионовы братья? За революцию или против революции?»: К истории литературной группы «Серапионовы братья» / Л. Ю. Коновалова // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: к 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К. А. Федина : сб. науч. ст. / отв. ред. и сост. И. Э. Кабанова. – Саратов : Наука, 2018. – С. 199–209.

130. Корниенко, Н. В. Дневники в русском литературном процессе XX века / Н. В. Корниенко // Эго-документы XX века. Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / отв. ред. и сост. И. Э. Кабанова. – Саратов : Наука, 2020. – С. 71–85.

131. Корниенко, Н. В. Дневники Вс. Виневского как исторический и литературный документ / Н. В. Корниенко // XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров (Фединские чтения. Вып. 6) : материалы Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2015. – С. 48–62.

132. Корниенко, Н. В. «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики / Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 504 с.

133. Корниенко, Н. В. От редактора // Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: письма и дневники в русском литературном наследии XX века. / Отв. ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 3–9.

134. Корниенко, Н. В. Серапионовы братья: взгляд из XXI века / Н. В. Корниенко // Серапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества : материалы Всероссийской науч. конф. / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева, сост. Д. А. Слюзова. – Саратов : Наука, 2021. – С. 3–11.

135. Короткова, Л. В. Роль источниковедения в социокультурном восприятии классии / Л. В. Короткова // Константин Федин и его современники (Фединские чтения. Вып. 5): к 120-летию со дня рождения К. А. Федина : материалы

- Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2013. – С. 213–219.
136. Краснощекова, Е. Со временем не в ладу / Е. Краснощекова // Вопросы литературы. – 1978. – № 2. – С. 251–257.
137. Кукушкина, Т. А. Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности / Т. А. Кукушкина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. – СПб. : ИПИ Искусство России, 2006. – С. 114–115.
138. Кукушкина, Т. А. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» (1927–1934): неизвестные эпизоды / Т. А. Кукушкина // Русская литература. – 2020. – № 2. – С. 170–182.
139. Кукушкина, Т.А. «Издательство писателей в Ленинграде»: последняя институция ленинградского «попутничества» / Т. А. Кукушкина // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: к 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К. А. Федина: сб. науч. ст. / отв. ред. и сост. И. Э. Кабанова. – Саратов : Наука, 2018. – С. 339–347.
140. Курьянович, А. В. Литературный эпистолярый как стилистический феномен (на материале писем М. В. Нестерова) / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 170–179.
141. Лавров, Н. П., Таллерчик, Т. М. Издательство писателей в Ленинграде (1928–1934) / Н. П. Лавров, Т. М. Таллерчик // Книга: Исследования и материалы. Сб. 36. – М. : Книга, 1978. – С. 92–103.
142. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. – М. : Издат. дом «Территория будущего», 2006. – 621 с. (Серия «Университетская б-ка Александра Погорельского»)
143. Левицкий, Л. А. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – Т. 4. Лакшин – Мураново. – Стлб. 759–762.

144. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 734 с.
145. Логунова, Н. В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины 18 – начале 19 веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. / Н. В. Логунова. – Ростов н/Д, 1999. – 19 с.
146. Лотман, Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство, 2001. – С. 159–165.
147. Лукин, Ю. Ложная мораль и искаженная перспектива / Ю. Лукин // Правда. –1944. – 24 июля.
148. Лунц, Л. «Обезьяны идут!»: собр. произведений / Л. Лунц; сост., подгот. текстов, коммент., указ., послесл. Е. Лемминга; вст. ст. В. Шубинского. – СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2003. – 752 с.
149. Лунц, Л. Почему мы «Серапионовы братья» / Л. Лунц // Литературные записки. – 1922. – № 3. – С.30–31.
150. Луцевич, Л. Ф. Документальность, эго-документ, русская писательская исповедь / Л. Ф. Луцевич // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: сб. науч. трудов / Отв. ред. Н. М. Куренная. – М. : Ин-т славяноведения РАН. – 2018. – С. 41–62.
151. Луцевич, Л. Ф. Документальность и эго-документ [Электронный ресурс] / Л. Ф. Луцевич // Литература и документ: теоретическое осмысление темы: материалы круглого стола. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – Режим доступа: <https://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-doku>.
152. Мазанова, Е. А. Письма Вс. Иванова К. А. Федину / Е. А. Мазанова // Неизвестный Всеволод Иванов: материалы биографии и творчества. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 692–714.
153. Мазанова, Е. А. «Прошла большая человеческая жизнь» (Письма Вс. В. Иванова К. А. Федину) / Е. А. Мазанова // Творческая биография писателя в

- контексте эпохи (Фединские чтения. Вып. 4) / под ред. Л. Е. Герасимовой, сост. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева. – Саратов : Новый ветер, 2010. – С. 110–119.
154. Мемуары // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 2001. – Стб. 524–525.
155. Местергази, Е. Г. Документальное начало в литературе и задачи современной теории [Электронный ресурс] / Е. Г. Местергази // Литература и документ: теоретическое осмысление темы : материалы круглого стола. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – Режим доступа: <https://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-doku>.
156. Местергази, Е. Г. О термине «документальная литература» / Е. Г. Местергази // Вестник Тамбовского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов. – 2007. – Вып. 11 (55). – С. 174–177.
157. Миловидов, В. А. Текст, контекст, интертекст: введение в проблематику сравнительного литературоведения / В. А. Миловидов. – Тверь : Твер. ун-т, 1998. – 84 с.
158. Минец, Д. В. Автодокумент как способ вербальной экзистенции автора (на материале тетрадей В. Нижинского и «Дневника 1934 года» М. Кузмина) / Д. В. Минец // Приоритетные направления науки и образования. – 2016. – № 2. – С. 184–190.
159. Минц, З. Я. Е. Г. Полонская и ее литературные воспоминания / З. Я. Минц // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. – Вып. VI (139). – Тарту, 1963. – С. 374–378.
160. Минц, С. С. Российская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX в. в контексте историко-психологического исследования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09. / С. С. Минц. – М., 2000. – 59 с.
161. Митина, С. И. Образ автора как субъект и объект интерпретации в эго-тексте / С. И. Митина // Вестник Мордовского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – № 3. – С. 52–55.

162. Михеев, М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) / М. Ю. Михеев. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 262 с.
163. Муратова, К. Д. М. Горькой в борьбе за развитие советской литературы / К. Д. Муратова. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 488 с.
164. Муромский, В. П. Литературные объединения 1917–1932 гг. в России (проблемы изучения) / В. П. Муромский // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1910–1930-х годов. Исследования и материалы. Кн. 1. – СПб. : Наука, 2002. – С. 5–46.
165. Муромский, В. П. «Серрапионовы братья» как литературно-групповой феномен / В. П. Муромский // Русская литература. – 1997. – № 4. – С. 81–87.
166. Муромский, В. П. Творческие взаимосвязи «Серрапионовых братьев»: М. Зощенко и И. Груздев / В. П. Муромский // Литературная группа «Серрапионовы братья»: истоки, поиски традиции, международный контекст : тезисы докладов междунар. конф. – СПб. : ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, 1995. – С. 30–32.
167. Наумова, Е. В. «Издательство писателей в Ленинграде» – предтеча ленинградской редакции «Советского писателя» / Е. В. Наумова // Триста лет печати Санкт-Петербурга : материалы междунар. науч. конф. – СПб. : ГМИСПб, 2011. – С. 204–211.
168. Невзглядова, Е. Почтовые письма. Выбранные места из переписки классиков / Е. Невзглядова // Звезда. – 2019. – № 9. – С. 222–231.
169. Нельдихен, С. Мысли о современной русской литературе / С. Нельдихен // Книга и революция. – 1922. – № 7. – С. 21.
170. Неопубликованные дневники К. А. Федина 20–30-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. А. Н. Старкова // Русская литература. – 1992. – № 4. – С. 164–181.
171. Неопубликованные дневники К. А. Федина 40-х годов / публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примеч. Н. А. Сломовой // Русская литература. – 1998. – № 1. – С. 119–129.

172. Никулина, Н. А. Прошлое, настоящее и будущее в расстрельном дневнике Андрея Аржиловского: мотивный анализ темпоральной основы эго-документа / Н. А. Никулина // Вестник Тюменского государственного университета. – Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2021. – Том 7. – № 4 (28). – С. 163–179.
173. Овчаренко, А. Ю. «Большие двадцатые годы» в истории русской литературы XX века: к столетию журнала «Красная новь» / А. Ю. Овчаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 311–316.
174. Овчаренко, А. Ю. Мост в будущее. Творческий путь содружества писателей революции «Перевал» / А. Ю. Овчаренко. – М.: ООО «Издательство “Экон-Информ”», 2023. – 203 с.
175. Ответ «Серапионовых братьев» Сергею Городецкому // Жизнь искусства. – 1922. – 28 марта.
176. Палиевский, П. В. Документ в современной литературе // Палиевский П. В. Литература и теория. – М.: Советская Россия, 1979. – С. 128–173.
177. Панаев, И. И. Литературные воспоминания / И. И. Панаев; вступ. ст. и коммент. И. Г. Ямпольского. – М.: Правда, 1988. – 442 с.
178. Паперно, И. А. Переписка как вид текста. Структура письма / И. А. Паперно // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1 (5). – Тарту, 1974. – С. 214–215.
179. Паперно, И. А. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах / И. А. Паперно. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 320 с.
180. Папкова, Е. А. Всеволод Иванов и его «Серапионовы братья» / Е. А. Папкова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43. – № 5. – С. 77–82.
181. Папкова, Е. А. К. Федин и Вс. Иванов в работе над воспоминаниями об А.М. Горьком (на материале переписки и дневников) / Е. А. Папкова // XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров (Фединские чтения. Вып. 6):

- материалы Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2015. – С. 103–109.
182. Папкова, Е. А. Мемуарная проза Всеволода Иванова / Е. А. Папкова // *Studia Litterarum*. – 2022. – Т. 7. – № 2. – С. 298–317.
183. Переписка К. А. Федина и В. С. Познера / вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. Э. Кабановой // *Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 2.* – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 283–335.
184. Переписка К. А. Федина и Е. И. и Л. Н. Замятиных / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Л. Ю. Коноваловой // *Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1.* – М. : ИМЛИ РАН, 2016. – С. 67–96.
185. Переписка К. А. Федина и В. С. Познера / вступ. ст., подгот. текста, коммент. И. Э. Кабановой // *Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 2.* – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 283–335.
186. Переписка К. А. Федина и К. И. Чуковского / вступ. ст., коммент. И. Ю. Иванюшиной, подгот. текста И. Ю. Иванюшиной, Е. М. Трубиловой // *Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 1.* – М. : ИМЛИ РАН, 2016. – С. 566–642.
187. Переписка К. А. Федина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подгот. текста, коммент. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // *Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 2.* – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 337–690.
188. Переписка К. А. Федина и М. М. Зощенко / вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т. А. Кукушкиной // *Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 1.* – М. : ИМЛИ РАН, 2016. – С. 331–370.
189. Перхин, В. В. Дневники К.А. Федина 1920–1921 годов и его книга «Горький среди нас» / В. В. Перхин // *Русская литература*. – 1992. – № 4. – С. 134–139.
190. Письма Вс. В. Иванова К. А. Федину / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. А. Мазановой // *Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества.* – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 692–714.

191. Письма И. А. Груздева К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. О. П. Семеновой и И. В. Ткачевой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский. Кн. 2. – СПб. : Наука, 2006. – С. 67–82.
192. Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. И. Э. Кабановой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов : Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский. Кн. 2. – СПб. : Наука, 2006. – С. 27–66.
193. Письма К. А. Федина Вс. В. Иванову / вступ. ст., подг. текста, коммент. Е. А. Папковой // Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 1. – М. : ИМЛИ РАН, 2016. – С. 272–330.
194. Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент., послесловие и подбор илл. Б. Я. Фрезинского. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 656 с.
195. Правдухин, В. Литература о революции и революционная литература / В. Правдухин // Правдухин, В. Литературная современность. – М. : ГИЗ, 1924. – С. 147–186.
196. Приймак, Н. И. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие / Н. И. Приймак, К. О. Валегина. – СПб. : ЛЕМА, 2018. – 72 с.
197. Принципы издания эпистолярных текстов : сб. ст. – М. : Изд-во АН СССР, 1964. – 305 с.
198. Прозоров, В. В. Эго-документ как объект филологической рефлексии / В. В. Прозоров // Эго-документы XX века. Литература. Культура. История (Фединские чтения. Вып. 7). – Саратов : Наука, 2020. – С. 234–242.
199. Прозорова, Н. А. Ольга Берггольц в литературном поле: путь к легимитизации статуса / Н. А. Прозорова // Вестник славянских культур. – 2023. – № 69. – С. 312–325.
200. Прозорова, Н. А. Хроника встреч с Ахматовой: по неопубликованным записным книжкам С. С. Наровчатова (1965) // Литературный архив советской

- эпохи : сб. ст. и публ. Кн. 2. – СПб. : ООО «Издательство “Росток”», 2020. – С. 62–92.
201. Путинцев, В. Живые свидетельства времени (Об изданиях переписки писателей) / В. Путинцев // Вопросы литературы. – 1967. – №1. – С. 176–178.
202. Радзиевская, Т. В. Некоторые наблюдения над семантическими и стилистическими особенностями дневников [Электронный ресурс] / Т. В. Радзиевская // Стил. – Белград. – 2005. – № 3. – С. 221–233. – Режим доступа: <https://www.rastko.rs/cms/files/books/49c9510902b2d>.
203. Рашковская, А. Современный роман / А. Рашковская // Жизнь искусства. – 1923. – 19 июня (№ 24).
204. Рейнгольд, А. С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст / А. С. Рейнгольд // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 11 (54). – С. 118–129.
205. Розанова, С. Специфика эпистолярных изданий / С. Розанова // Вопросы литературы. – 1965. – № 6. – С. 214–217.
206. Савкина, И. Л. Дневники и записки 1930–1940-х годов / И. Л. Савкина // Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов: в 2 т. – М. : Академия, 2014. – Т. 1. – С. 412–437.
207. Савкина, И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Л. Савкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 416 с.
208. Савкина, И. Л. Теории и практики автобиографического письма / И. Л. Савкина // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 92. – С. 284–289.
209. «Свела нас Россия». Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974 / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – М. : Тов-во научных изданий КМК, 2008. – 482 с.
210. Свиченская, М. К. Инскрипты «Серрапионовых братьев» в собрании И. А. Груздева в отделе рукописей Российской национальной библиотеки / М. К. Свиченская // Константин Федин и его современники (Фединские чтения.

- Вып. 5): к 120-летию со дня рождения К. А. Федина : материалы Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2013. – С. 130–149.
211. Семенова, Т. Б. История переписки К. Федина и М. Слонимского 1920–1930-х годов / Т. Б. Семенова // XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров (Фединские чтения. Вып. 6) : материалы Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2015. – С. 121–127.
212. Семенова, Т. Б. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» / Т. Б. Семенова // Константин Федин и его современники (Фединские чтения. Вып. 5): к 120-летию со дня рождения К. А. Федина : материалы Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2013. – С. 150–164.
213. Серапионовы братья. 1921 : альманах. – СПб. : Лимбус-Пресс, 2013. – 448 с.
214. «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / вступ. ст., сост. коммент., аннот. указ. Е. Лемминга. – М. : Аграф, 2004. – 544 с.
215. Серапионовы братья в собрании Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / ИРЛИ РАН; авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. – 191 с.
216. Скорospelова, Е. Б. Мемуарная проза / Е. Б. Скорospelова // Скорospelова, Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). – М. : ТЕИС, 2003. – С. 176–188.
217. Сломова, Н. А. Литературный портрет Михаила Зощенко в мемуарно-биографической прозе К. Федина / Н. А. Сломова // Изучение литературы в вузе. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – Вып. 4. – С. 166–175.
218. Сломова, Н. А. Поистине трагическая творческая судьба (По неопубликованным дневникам К.А. Федина 20–40-х годов) / Н. А. Сломова // Только одна человеческая жизнь (Фединские чтения. Вып. 3): К 100-летию со дня рождения К. А. Федина / сост. Н. А. Сломова. – Саратов : Изд-во журн. «Волга», 1993. – С. 18–28.

219. Сломова, Н. А. «С кем же мы, Серапионовы братья?»: документальная история Серапионова братства по страницам архива К. А. Федина / Н. А. Сломова // *Revue des études slaves*. – Paris, 1999. – С. 542–550.
220. Слонимский, А. По поводу «кризиса критики» / А. Слонимский // *Книга и революция*. – 1922. – № 4. – С. 17–18.
221. Слонимский, М. Горький среди нас / М. Слонимский // *Октябрь*. – 1943. – № 8–9. – С. 258–259.
222. Слонимский, М. Л. Завтра: Проза. Воспоминания / М. Л. Слонимский. – Л. : Советский писатель, 1987. – 558 с.
223. Слонимский, М. Л. Записи, заметки, случаи / М. Л. Слонимский // *Звезда*. – 2010. – № 7. – С. 118–148.
224. Сметанин, В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии / В. А. Сметанин // *Античная древность и средние века*. – Свердловск : УрГУ, 1980. – С. 5–18.
225. Сок, К. Д. Творческая личность писателя в эпистолярном наследии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Ким Джун Сок. – СПб., 2008. – 17 с.
226. Субботенко, С. С. Мемуары как речевой жанр автобиографической прозы (на материале немецкого языка) [Электронный ресурс] / С. С. Субботенко // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2022. – Т. 15. – Вып. 11. – С. 3573–3578. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/memuary-kak-rechevoy-zhanr-avtobiograficheskoy-prozy-na-materiale-nemetskogo-yazyka>.
227. Суржикова, Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? / Н. В. Суржикова // *История в эго-документах: исследования и источники* / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : АсПур, 2014. – С. 6–13.
228. Сыромятникова, Т. И. «Я обречен говорить, что мир прекрасен...» (из переписки М. Зощенко и К. Федина 30–50-х годов) / Т. И. Сыромятникова // *Русская литература*. – 1997. – № 4. – С. 122–126.

229. Тарасова, Г. В. Мемуары как литературоведческий источник: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08. / Г. В. Тарасова. – Тбилиси, 1990. – 19 с.
230. Тарле, Е. В. Значение архивных материалов для истории / Е. В. Тарле // Вестник архивоведения. – 1961. – № 3. – С. 101–106.
231. Тартаковский, А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1980. – 312 с.
232. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1991. – 286 с.
233. Тихонов, Н. С. Отечественная война и литература / Н. С. Тихонов // Новый мир. – 1944. – № 1/2. – С. 186.
234. Тихонова, Г. Н. «Быть нужным своему времени» / Г. Н. Тихонова // Москва. – 1987. – № 7. – С. 181–188.
235. Тихонова, Г. Н. «Прошу Вас писать мне всегда...» / Г. Н. Тихонова // «Найти свой лад...» (Фединские чтения. Вып. 2) / отв. ред. Л. Е. Герасимова. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1992. – С. 149–173.
236. Ткачева, И. В. Рабочие записи К. А. Федина как основа мемуарной прозы писателя / И. В. Ткачева // Эго-документы XX века. Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / отв. ред. и сост. И. Э. Кабанова. – Саратов : Наука, 2020. – С. 23–31.
237. Ткачева, И. В. «Спасение наше в том, чтобы писать!» (по материалам переписки К. Федина и М. Слонимского 1940–1970-х годов) / И. В. Ткачева // XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров (Фединские чтения. Вып. 6) : материалы Всероссийской науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. – Саратов : Наука, 2015. – С. 128–135.
238. Трубилова, Е. М. Переписка и дневники К.А. Федина как средство реконструкции портрета писателя / Е. М. Трубилова // Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: письма и дневники в русском литературном наследии XX века. / отв. ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 239–253.

239. Трубилова, Е. М. «Вы это самоограничение нравственно оправдали...» / Е. М. Трубилова // Москва. – 2012. – № 9. – С. 188–196.
240. Успенский, Б. А. Ego loquens. Язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. – М. : РГГУ, 2007. – 339 с.
241. Федин, К. А. Горький среди нас. Двадцатые годы / К. А. Федин. – М. : ОГИЗ, 1943. – 148 с.
242. Федин, К. А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. Вторая часть. 1921–1928 / К. А. Федин. – М. : ОГИЗ, 1944. – 172 с.
243. Федин, К. А. Горький среди нас. Картины литературной жизни / К. А. Федин. – М. : Молодая гвардия, 1967. – 350 с.
244. Федин, К. А. Из трех ленинградских дневников 1920–1921 годов / публ. Н. К. Фединой и В. В. Перхина; коммент. В. В. Перхина // Русская литература. – 1992. – № 4. – С. 139–164.
245. Федин, К. «Распахнуть все окна...»: из дневников 1953–1955 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста и коммент. Н. Фединой, А. Старкова // Литературное обозрение. – 1986. – № 2. – С. 105–112; № 4. – С. 106–112; № 5. – С. 104–112.
246. Федин, К. А. «Русские писатели все теснее зажимались в железный обруч...» / предисл., примеч. и публ. В. Перхина // Литературная Россия. – 1992. – 21 февраля. – С. 10.
247. Федин, К. А. Собр. соч. : в 12 т. / К. А. Федин. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 10. Сочетание лет: Горький среди нас. Шаг за шагом. – 415 с.
248. Федин, К. А. Собр. соч. : в 12 т. / К. А. Федин. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 11. Письма 1909–1977. – 590 с.
249. Федин, К. А. Собр. соч. : в 12 т. / К. А. Федин. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. – 623 с.
250. Фесенко, О. П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс / О. П. Фесенко // Вестник ЧелГУ. – 2008. – № 23. – С. 132–143.

251. Филатова, Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» / Н. М. Филатова // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. – М. : Институт славяноведения РАН, 2018. – С. 24–40.
252. Фокина, Т. П. Серапионовы братья: с прописной или строчной буквы / Т. П. Фокина // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: К 90-летию образования литературной группы : материалы междунар. науч. конф. – Саратов : Орион, 2011. – С. 251–259.
253. Форш, О. Д. Сумасшедший корабль / О. Д. Форш. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. – 191 с.
254. Фрезинский, Б. Я. Судьбы Серапионов: портреты и сюжеты / Б. Я. Фрезинский. – СПб. : Акад. проект, 2003. – 590 с.
255. Черепанова, Р. С. Личный дневник: уровни частного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) / Р. С. Черепанова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 49–54.
256. Черноморский, М. Н. Мемуары как исторический источник: учебное пособие по источниковедению СССР / М. Н. Черноморский. – М. : [Б.и.], 1959. – 80 с.
257. Чудакова, М. О. Беседы об архивах / М. О. Чудакова. – М. : Мол. гвардия, 1980. – 224 с.
258. Чудакова, М. О. Дневник // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – Т. 2. Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани. – Стлб. 707–710.
259. Чудакова, М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. – М. : Книга, 1988. – 492 с.
260. Чудакова, М. О. Рукопись и книга: рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей / М. О. Чудакова. – М. : Просвещение, 1986. – 173 с.

261. Чуковский, Н. К. Литературные воспоминания / Н. К. Чуковский. – М. : Советский писатель, 1989. – 327 с.
262. Шкловский, В. Б. Серапионовы братья / В. Б. Шкловский // Книжный угол. – 1921. – № 7. – С. 18–21.
263. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М. А. Литовской, Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. – М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021. – 408 с.